

ДЖОРДЖ Р.Р. МАРТИН

ИЛЛЮСТРАЦИИ ДАГА УИТЛИ

Пламя и кровь

Песнь Льда и Огня (Иллюстрированная)

Джордж Мартин

Пламя и кровь

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.111-313.2(73)

ББК 84(7Coe)-44

Мартин Д. Р.

Пламя и кровь / Д. Р. Мартин — «Издательство АСТ»,
2018 — (Песнь Льда и Огня (Иллюстрированная))

ISBN 978-5-17-115606-0

Тирион Ланнистер еще не стал заложником жестокого рока, Бран Старк еще не сделался калекой, а голова его отца Неда Старка еще не скатилась с эшафота. Ни один человек в Королевствах не смеет даже предположить, что Дейенерис Таргариен когда-нибудь назовут Матерью Драконов. Вестерос не привел к покорности соседние государства, и Железный Трон, который, согласно поговорке, ковался в крови и пламени, далеко еще не насытился. Древняя, как сам мир, история сходит со страниц ветхих манускриптов, и только мы, септоны, можем отделить правдивые события от жалких басен, и истину от клеветнических наветов. Присядьте же поближе к огню, добрые слушатели, и вы узнаете: – как Королевская Гавань стала столицей столиц, – как свершались славные подвиги, неподвластные воображению, – и как братья и сестры, отцы и матери теряли разум в кровавой борьбе за власть, – как драконье племя постепенно уступало место драконам в человеческом обличье, – а также и многие другие были и старины – смешные и невыразимо ужасные, бряцающие железом доспехов и играющие на песельных дудках, наполняющее наши сердца гордостью и печалью...

УДК 821.111-313.2(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-115606-0

© Мартин Д. Р., 2018

© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Завоевание Эйегона	7
Правление Эйегона I	22
Три головы дракона	30
Сыновья дракона	36
Восхождение Джейехериса I	68
Год трех свадеб	78
Противостояние	88
Время испытаний	103
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Джордж Мартин

Пламя и кровь

George R. R. Martin
Fire and Blood

© George R. R. Martin, 2018
© Illustrations. Penguin Random House LLC, 2018
© Перевод. Н. И. Виленская, 2018
© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

* * *

Завоевание Эйегона

Для мейстеров Цитадели, пишущих историю Вестероса, Завоевание Эйегона имеет особый смысл. Рождения, смерти, битвы и другие события датируются либо ОЗ (от Завоевания), либо ДЗ (до Завоевания).

Истинные ученые понимают, что такое летосчисление не может быть точным. Эйегон Таргариен завоевал Семь Королевств не в один день. Между его высадкой и коронацией в Староместе прошло больше двух лет, и даже тогда Завоевание не было полным, ибо Дорн остался непокоренным. Попытки присоединить его к королевству делались и при Эйегоне, и при его сыновьях, отчего назвать точную дату окончания Завоевательных войн невозможно.

Даже дата начала их вызывает сомнения. Многие ошибочно полагают, что правление короля Эйегона началось с того дня, когда он высадился в устье реки Черноводной у трех холмов, где позднее вырос город Королевская Гавань. Между тем это не так. День высадки праздновался Эйегоном и всеми его потомками, но сам Завоеватель считал, что царствование его началось с того дня, когда верховный септон короновал его и помазал в Звездной септе Староместа. Произошло это два года спустя после его прибытия в Вестерос, после победы в трех главных сражениях Завоевательных войн. Посему эти войны правильнее было бы отнести к 2–1 годам ДЗ.

Драконовластные Таргариены были чистокровными валирийцами. За 12 лет до Рока (114 г. ДЗ) Эйенар Таргариен продал свои владения в Республике и переместился со всем своим имуществом, женами, рабами, драконами, чадами и домочадцами на Драконий Камень, в мрачную крепость под дымящейся горой в Узком море.

Валирия в пору своего расцвета была величайшим городом мира. Сорок знатных домов в ее сверкающих стенах всеми средствами боролись за власть в совете, то возвышаясь, то терпя поражение. Таргариены были далеко не самыми могущественными из них, и соперники полагали, что Эйенар бежал на Драконий Камень из трусости, но причина была в другом. Дочь его, девица Дейенис, получившая затем имя Сновидицы, предсказала гибель Валирии от огня, и когда двенадцать лет спустя грянул Рок, из всех знатных семей выжили только Таргариены.

Драконий Камень уже двести лет был крайним западным форпостом Валирии. Расположение поперек Глотки обеспечивало его лордам власть над Черноводным заливом. И Таргариены, и их близкие союзники Веларионы с Дрифтмарка (меньший дом валирийского происхождения) богатели, взимая дань с корабельщиков. Корабли Веларионов и еще одних валирийцев, Селтигаров с Коготь-острова, ходили дозором посередине Узкого моря, драконы Таргариенов летали в небе.

При всем при том почти сотню лет после Рока (век, справедливо называемый Кровавым) дом Таргариенов смотрел не на запад, а на восток и мало интересовался делами Вестероса. Гейемон Таргариен, брат и супруг Дейенис Сновидицы, стал вслед за Эйенаром Изгнанником лордом Драконьего Камня и заслужил себе имя Гейемон Славный. После его смерти сын Гейемона Эйегон и дочь Элайена стали править совместно. За ними лордами становились поочередно их сыновья Мейегон и Эйерис, сыновья Эйериса Эйеликс, Бейелон и Дейемион. Наследником Дейемиона, младшего из трех братьев, был Эйерион.

Эйегон, вошедший в историю как Завоеватель, второе дитя и единственный сын лорда Эйериона и леди Валайены из дома Веларионов, чья мать была урожденной Таргариен, родился на Драконьем Камне в 27 году ДЗ. У него были две сестры, старшая Висенья и младшая Рейенис. У лордов-драконов Валирии давно вошло в обычай женить братьев на сестрах для сохранения чистоты крови, Эйегон же взял в жены обеих сестер, хотя по традиции должен был жениться только на старшей. Двоеженство не входило в обычай, хотя ранее такое уже случилось. Говорили, будто на Висенью Эйегон женился по долгу, а на Рейенис по любви.

Все трое еще до брака слыли укротителями драконов. Из пяти чудищ, прилетевших из Валирии с Эйенаром, до дней Эйегона дожил только один, огромный Балерион Черный Ужас. Еще два, Вхагар и Мираксес, были моложе его и вывелись уже на Драконьем Камне.

Расхожий миф, часто повторяемый невеждами, гласит, что до завоевания нога Эйегона ни разу не ступала на землю Вестероса. Это неправда. Задолго до начала своих войн лорд Эйегон приказал изготовить Расписной стол: вырезать большую колоду футов пятидесяти длиной в форме Вестероса и нарисовать на ней все леса, реки, замки и города Семи Королевств. Есть также надежные свидетельства того, что Эйегон и Висенья в юности посещали Цитадель Староместа и бывали в Боре как гости тогдашнего лорда Редвина. Он, возможно, побывал и в Ланниспорте, но на сей счет мнения разнятся.

Вестерос в те времена был поделен на семь враждующих королевств, и едва ли когда случилось, чтобы два-три из них не воевали между собой. Обширными пространствами холодного Севера правили Старки из Винтерфелла, пустынями Дорна – принцы дома Мартеллов, золотосным Западом – Ланнистеры из Бобрового Утеса, плодородным Простором – короли-садовники из Хайгардена. Долина, Персты и Лунные горы принадлежали дому Арренов. Самыми же воинственными были два короля, чьи владения лежали ближе всех к Драконьему Камню: Харрен Черный и Аргилак Надменный.

Штормовые короли дома Дюррандонов некогда правили из своего Штормового Предела всей восточной половиной Вестероса, от мыса Гнева до Крабьей бухты, но с веками власти у них поубавилось. Короли Простора обгрызали их владения с запада, дорнийцы – с юга, Харрен Черный во главе Железных Людей оттеснил их с Трезубца и с земель к северу от Черноводной. Король Аргилак, последний из Дюррандонов, остановил на время этот упадок. Одержав еще мальчишескую победу над дорнскими захватчиками, он вступил за Узким морем в союз против «тигров» Волантиса, а двадцать лет спустя, в сражении на Летнем Поле, убил Гарса VII Гарденера, Короля Простора. Но Аргилак старился, его знаменитая черная грива понемногу седела, и меч отягощал его некогда неутомимую десницу.

Речные земли севернее Черноводной держал кровавой рукой Харрен Черный из дома Хоуров, Король Островов и Рек. Дед его, Харвин Твердая Рука, отбил Трезубец у Аррека, деда Аргилака, а предки самого Аррека давно уже низвергли последних речных королей. Отец Харрена расширил свои владения на восток до Синего Дола и Росби, сам же Харрен царствовал без малого сорок лет и почти все это время строил близ Божьего Ока гигантский замок. Но Харренхолл наконец-то близился к завершению, и Железные Люди искали новых побед.

Ни одного короля в Вестеросе не боялись так, как Черного Харрена, о чьей жестокости рассказывали во всех Семи Королевствах. И ни один король не чувствовал себя в такой опасности от него, как Аргилак, последний из Дюррандонов, – стареющий воин, единственной наследницей коего была незамужняя дочь. Опасаясь худшего, Штормовой Король предложил ее руку Эйегону, лорду Драконьего Камня, а в приданое посулил все земли восточнее Божьего Ока – от Трезубца до Черноводной.

Эйегон на это сказал, что у него уже есть две жены и третья ему не нужна, а земли, предлагаемые Аргилаком в приданое, уже целое поколение принадлежат Харренхоллу. Штормовой Король явно намеревался поставить Таргариенов вдоль Черноводной как щит от Харрена Черного.

При этом Эйегон сделал Аргилаку свое предложение. Он соглашался взять все эти земли, буде Штормовой Король добавит к ним Крюк Масси и надел к югу от Черноводной до Мандера и Путеводной. Договор сей можно скрепить браком дочери Аргилака с Орисом Баратеоном, другом детства и первым бойцом Эйегона.

Аргилак, в свой черед, с гневом отверг предложенные условия. Орис Баратеон, по слухам, доводился Эйегону побочным братом, и Штормовой Король не желал отдавать дочь бастарду.

Аргилак отрубил руку гонцу Эйгона и отослал ее обратно в ларце, приложив письмо: «Вот единственная рука, которую от меня получит твой брат-ублюдок».

В ответ Эйгон собрал на Драконьем Камне всех своих друзей, знаменосцев и союзников. Они были немногочисленны. Первыми явились Веларионы с Дрифтмарка и Селтигары с Когтя, присягнувшие дому Таргариенов. Прибыли также Бар-Эммон с Острого мыса и Масси из Плясунов: они присягали Штормовому Пределу, но связь их с Драконьим Камнем была прочнее. После совета Эйгон вместе с сестрами помолился в замковой септе семерым богам Вестероса, хотя ранее никогда не слыл набожным.

На седьмой день с башен Драконьего Камня взмыла целая туча воронов, дабы разнести послание Эйгона по Семи Королевствам. Путь их лежал к семи королям, и в староместскую Цитадель, и ко всем лордам, великим и малым. Отныне в Вестеросе будет только один король, говорилось в послании. Тот, кто склонит колено перед Эйгоном из дома Таргариенов, сохранит свои земли и титул. Тот, кто поднимет против него оружие, будет низвергнут и истреблен.

Историки расходятся в том, сколько мечей отплыло с Эйгоном и его сестрами на материк. Одни говорят, что их было три тысячи, другие – что всего лишь несколько сотен. Это невеликое войско высадилось в устье реки Черноводной, на северном ее берегу, где над рыбацкой деревушкой стояли три лесистых холма.

Во дни Ста Королевств множество мелких владык объявляли это устье своим: и Дарклины из Синего Дола, и Масси из Плясунов, и стародавние речные короли – Мадды, Фишеры, Бракены, Блэквуды, Хуги. Башни и форты возводились на трех холмах и вновь разрушались во время войн – Таргариены видели перед собой лишь руины и заросшие камни. Устье, на которое претендовали и Штормовой Предел, и Харренхолл, никем не оборонялось, а в ближних замках сидели малосильные лорды, не питавшие к тому же особой любви к своему самозваному сюзерену Харрену Черному.

Эйгон сразу окружил наивысший из трех холмов земляным палисадом и послал сестер покорять эти соседние замки. Росби сдались Рейенис и златоокому Мираксесу без боя. В Стокворте несколько лучников пустили в Висенью стрелы, но сдались, когда Вхагар поджег кровлю замка.

Первое испытание завоевателям учинили лорды Дарклин из Синего Дола и Моутон из Девичьего Пруда. Объединив свои силы, они выступили на юг с тремя тысячами людей, чтобы сбросить пришельцев обратно в море. Эйгон, послав Ориса Баратеона атаковать их прямо в пути, спустился сверху на Черном Ужасе. Оба лорда погибли; сын Дарклина и брат Моутона сдали Таргариену свои замки и присягнули ему на верность. Синий Дол в ту пору был большим вестеросским портом на Узком море и наживался на заморской торговле. Висенья не позволила грабить город, но потребовала перенести его сокровища в сундуки победителей.

Здесь, пожалуй, самое место поговорить о характерах Эйгона и его сестер-королев.

Висенья, старшая, была таким же воином, как сам Эйгон, и в кольчуге чувствовала себя столь же свободно, как и в шелках. Ей принадлежал валирийский меч Темная Сестра, коим она обучалась владеть сызмальства наряду с братом. Вид у нее был суровый, несмотря на красоту серебристых с золотом валирийских волос и фиолетовых глаз. Даже те, кто любил ее, признавали, что нрав у нее крутой; поговаривали также, что она знает толк в ядах и не чужда черной магии.

Рейенис, младшая, обладала ровно противоположными свойствами. Игривая, ветреная, любознательная, она любила не войну, а музыку, танцы, поэзию. Многие певцы, комедианты и кукольники пользовались ее покровительством. Говорили, однако, что верхом на драконе она проводит больше времени, чем ее брат и сестра, вместе взятые, ибо превыше всего на свете Рейенис любила летать. Перед смертью она собиралась перелететь на Мираксесе через Закатное море и посмотреть, что находится на его берегах. Верность Висеньи брату и супругу никто не оспаривал, а вот Рейенис окружала себя красивыми юношами и кое-кого, по слухам,

даже принимала у себя в спальне, когда Эйегон был со старшей сестрой. Сплетники, впрочем, вынуждены были признать, что на каждую ночь с Висеньей король десять проводит с Рейенис.

Сам Эйегон для своих современников оставался такой же загадкой, как и для нас. Владелец меча Черное Пламя, он почитался одним из величайших воинов своего времени, но не любил состязаться в воинской доблести и на турниры ни разу не выезжал. На Балерионе Черном Ужасе он летал только в бою или желая быстро куда-то добраться. Был вдохновенным полководцем, но не имел близких друзей, кроме Ориса Баратеона, с коим они вместе росли. Пользовался успехом у женщин, но хранил верность сестрам. В правлении государством во всем полагался на них же и на свой малый совет, но не колебался стать во главе, когда находил это нужным. Сурово обходился с изменниками и мятежниками, но со склонившими колено врагами был мягок.

Впервые свое великодушие он проявил в Эйгонфорте, простой крепости из земли и бревен, возведенной им на холме, который с тех пор стал зваться холмом Эйгона. Взяв с дюжину замков и закрепив за собой устье Черноводной на обоих его берегах, он приказал побежденным лордам явиться к нему. Когда они сложили мечи к его ногам, он повелел им встать и под-

твердил, что их земли и титулы остаются за ними. В тот же день он даровал новые милости верным своим сторонникам. Деймон Веларион, лорд Прилива, стал мастером над кораблями, сиречь адмиралом королевского флота. Тристон Масси, лорд Плясунов, был назначен мастером над законом, Криспиан Селтигар – мастером над монетой. Ориса Баратеона король провозгласил «моим щитом, и надежей, и десницей моей», посему мастера почитают его первым королевским десницей.

Знамена с гербами давно вошли в обычай у лордов Вестероса, но вельможи старой Валирии таковыми не пользовались. Когда рыцари Эйегона развернули его шелковый боевой штандарт с красным трехглавым драконом, изрыгающим пламя на черном поле, покоренные лорды приняли это как знак, что Таргариен поистине достоин стать верховным королем Вестероса. Вслед за этим королева Висеня возложила на голову брата стальной, украшенный рубинами обруч, а королева Рейенис нарекла его Эйегоном, первым этого имени, королем всего Вестероса и щитом своего народа. Драконы взревели, лорды и рыцари вскричали «ура», но громче всех прозвучал голос простых рыбаков и крестьян.

Семерым королям, которых Эйегон вознамерился низложить, было, однако, не до веселья. Харрен Черный и Аргилак Надменный уже созвали свои знамена, король Простора Мерн следовал по Морской дороге в Бобровый Утес на встречу с королем Лореном из дома Ланнистеров. Принцесса Дорнийская послала на Драконию Камень ворона, предлагая объединиться с Эйегоном против Аргилака Штормового Короля – но не как подданная, а как равная. Союз предлагал и Роннел Аррен, мальчик-король из Орлиного Гнезда: в обмен на поддержку против Харрена Черного мать Роннела требовала, чтобы все земли восточнее Зеленого Зубца отошли к Долине. Даже король Торрхен Старк из Винтерфелла засиделся со своими лордами-знаменосцами за полночь, обсуждая, как им быть с этой новой напастью. Все с тревогой ожидали, что Эйегон станет делать дальше.

Сразу же после коронации войско Эйегона снова выступило в поход. Большая его часть во главе с Орисом Баратеоном перешла Черноводную и двинулась на юг, к Штормовому Пределу; их сопровождала Рейенис верхом на серебристом златооком Мираксесе. Деймон Веларион повел флот на север, к Чаячьему городу и Долине; с ними летела Висеня на Вхагаре. Сам король шел на север, к Божьему Оку и Харренхоллу – крупнейшей крепости, ставшей памятником гордыне и безумию короля Харрена. Тот завершил и занял ее в тот самый день, когда Эйегон Таргариен высадился в месте, где после выросла Королевская Гавань.

Все три войска встретили стойкое сопротивление. Лорды Эррол, Фелл и Баклер, знаменосцы Штормового Предела, захватили передовой отряд Ориса на переправе через Путеводную, зарубили больше тысячи человек и вновь скрылись в лесу. Наскоро собранный и усиленный дюжиной браавосских кораблей флот Долины разбил флот Таргариена при Чаячьем городе. Убит был среди прочих и адмирал Деймон Веларион. Сам Эйегон дважды подвергся нападению к югу от Божьего Ока. Он победил в Тростниковой битве, но понес тяжелые потери у Плакучих Ив: двое сыновей Харрена со своими людьми переплыли озеро на ладьях, обернув весла тряпьем, и напали на него сзади.

Все это, однако, ненадолго задержало Таргариенов: на их драконов врагам нечем было ответить. Жители Долины потопили почти треть кораблей Эйегона и столько же взяли в плен, но королева Висеня, спустившись на них с небес, зажгла их собственный флот. Мираксес спалил лес, где укрылись знаменосцы Штормового Предела, а сыновья Харрена, возвращаясь с победой к себе в Харренхолл, неожиданно увидели в небе Балериона и сгорели вместе со своими ладьями.

Кроме того, врагам Эйегона пришлось иметь дело не только с ним. Как только Аргилак Надменный собрал своих лордов в Штормовом Пределе, пираты со Ступеней тут же высадились на мысе Гнева, а с Красных гор через Марки хлынули дружины дорнийцев. Юному

королю Роннелу пришлось подавлять мятеж на Трех Сестрах, чьи жители отказались подчиняться Долине и объявили леди Марлу Сандерленд своей королевой.

Но все это могло показаться безделицей по сравнению с участью, постигшей Харрена Черного. Его дом правил речными землями уже три поколения, но обитатели Трезубца не любили своих железных властителей. Харрен, погубивший при постройке Харренхолла многие тысячи подданных, забирал все подчистую и у лордов, и у простого люда; теперь они, пользуясь случаем, восстали против него под водительством лорда Эдмина Талли из Риверрана. Талли, призванный защищать Харренхолл, переметнулся к Таргариенам, поднял над замком драконье знамя и выступил со своими рыцарями и лучниками к Эйгону. Другие лорды Трезубца последовали его примеру. Блэкуды, Маллистеры, Венсы, Бракены, Пайперы, Фреи, Стронги собирали своих ополченцев и шли на Харренхолл вместе с Эйгоном Драконом.

Харрен Черный, оставшись без поддержки, ретировался в свою, как он полагал, неприступную крепость. Вестерос еще не видывал таких замков. Окруженный пятью гигантскими башнями бил неиссякаемый родник, огромные подвалы были набиты провизией. Ни одна лестница не достала бы до гребня его стен из черного камня, и были они столь толсты, что не поддались бы ни тарану, ни требушету. Харрен запер ворота и приготовился к осаде со своими оставшимися приверженцами и уцелевшими сыновьями.

Эйгон судил иначе. Окружив замок вместе с Эдмином Талли и другими речными лордами, он вызвал Харрена на переговоры под мирным знаменем. Тот вышел – старый, седой, но все еще грозный в своих черных доспехах. При каждом короле были мейстер и знаменщик, поэтому разговор их сохранился в веках.

«Сдайся, – сказал Эйгон, – и ты по-прежнему будешь править Железными островами. Сдайся, и твои сыновья будут править после тебя. Под твоими стенами стоит восьмитысячное войско».

«Стены мои прочны, и мне все равно, кто стоит под ними», – отвечал Харрен.

«Они не спасут тебя от драконов. Драконы умеют летать».

«Я строю из камня, а он не горит».

«Когда зайдет солнце, твой род прервется», – сказал Эйгон, а Харрен лишь плюнул и вернулся в замок. Он выставил на стены всех своих людей с копьями, луками и арбалетами, посулив земли и богатство тому, кто собьет дракона. «Жаль, что дочери у меня нет, – присвокупил он. – Вместо нее я отдам молодцу одну из дочерей Талли, а захочет, так и всех трех. Не любы они ему – пусть берет любую из девок Блэкуда, Стронга, хоть какого вылезшего из ила предателя». Затем он удалился к себе в башню в окружении своей стражи и сел с сыновьями ужинать.

Последние лучи солнца меркли. Люди Харрена всматривались в темнеющее небо, сжимая копья и луки. Не видя дракона, они начинали думать, что слова Эйгона были пустой угрозой, но король увел Балериона за облака, где тот казался не больше мухи на лунном диске, и лишь тогда стал снижаться над замком. Пронизав ночь на черных, как смола, крыльях, Балерион дохнул на башни Харренхолла клубами черного с красным пламени.

«Камень не горит», – хвастливо заявил Харрен, но его замок состоял не из одного камня. Дерево и шерсть, пенька и солома, зерно и солонина вспыхнули разом. Железные Люди тоже не были высечены из камня. Охваченные огнем, они с криками метались по дворам и падали с парапетов наземь. Да и сам камень при сильном жаре трескается и плавится. Речные лорды, стоявшие под стенами замка, после рассказывали, что пять харренхоллских башен раскалились докрасна, как пять огромных свечей... и точь-в-точь как свечи, начали оплывать, истекая расплавленным камнем.

Харрен и его сыновья той ночью погибли в огне. С ними вместе погиб род Хоуров, и господство Железных островов над речными землями кончилось. Приняв клятву верности от лорда Риверрана Эдмина Талли у дымящихся руин Харренхолла, король Эйгон нарек его

верховным лордом Трезубца. Другие речные лорды воздали им почести: Эйгону как королю, Талли как своему сюзерену. Когда пепел остыл и в замок можно стало войти, оплавленные мечи его защитников были собраны и отправлены в Эйгонфорт.

Но знаменосцы Штормового Предела на востоке и юге оказались более верными, чем вассалы короля Харрена. Аргилак Надменный собрал большую рать, а стены крепости Дюррандонов были еще толще, чем харренхоллские. О конце своего старого врага Штормовой Король узнал весьма скоро, а лорды Фелл и Баклер (лорд Эррол погиб) принесли ему весть о королеве Рейенис и о ее драконе. Старый воин, выслушав их, взревел, что не даст себя зажарить в собственном замке, как поросенка. Он выступил навстречу врагу, дабы решить свою судьбу в открытом поле, с мечом в руке.

Орис Баратеона это не застало врасплох. Королева Рейенис, видевшая сверху, как Аргилак выходит из замка, сообщила деснице о численности и местоположении неприятеля. Орис занял сильную позицию на холмах у Бронзовых Врат и стал поджидать штормовое войско.

В день битвы штормовые земли оправдали свое название: с утра пошел дождь, а к полудню разразилась настоящая буря. Лорды-знаменосцы уговаривали короля Аргилака отложить бой до завтра – авось, дождь прекратится. Но Аргилак видел, что числом превышает врага почти вдвое, а рыцарей и тяжелой конницы у него и вовсе вчетверо больше. Знамена Таргариенов над его исконными холмами привели короля в бешенство, а ветер дул с юга, супостатам в лицо. Приняв все это в расчет, Аргилак дал приказ наступать, и началась битва, получившая после имя Последний Шторм.

Сражение затянулось до ночи. Здесь, в отличие от Харренхолла, потери несла не одна сторона, а обе. Трижды Аргилак шел приступом на позиции Баратеона, но боевые кони вязли на крутых склонах, размытых дождем. Пехотинцы с копьями были успешнее: завоеватели, которым дождь заливал глаза, поздно заметили их, а отсыревшие тетивы не позволяли стрелять из луков. Один крайний холм пал, за ним и второй. Аргилак со своими рыцарями двинулся на средний в четвертый раз – и наткнулся на Рейенис и Мираксеса. Дракон даже и на земле показал себя грозным убийцей: авангард под командованием Дикона Морригена и Бастарда из Черной Гавани вместе с личной гвардией короля Аргилака накрыла огненная волна. Коня в ужасе сбрасывали седоков, обращая атаку в хаос.

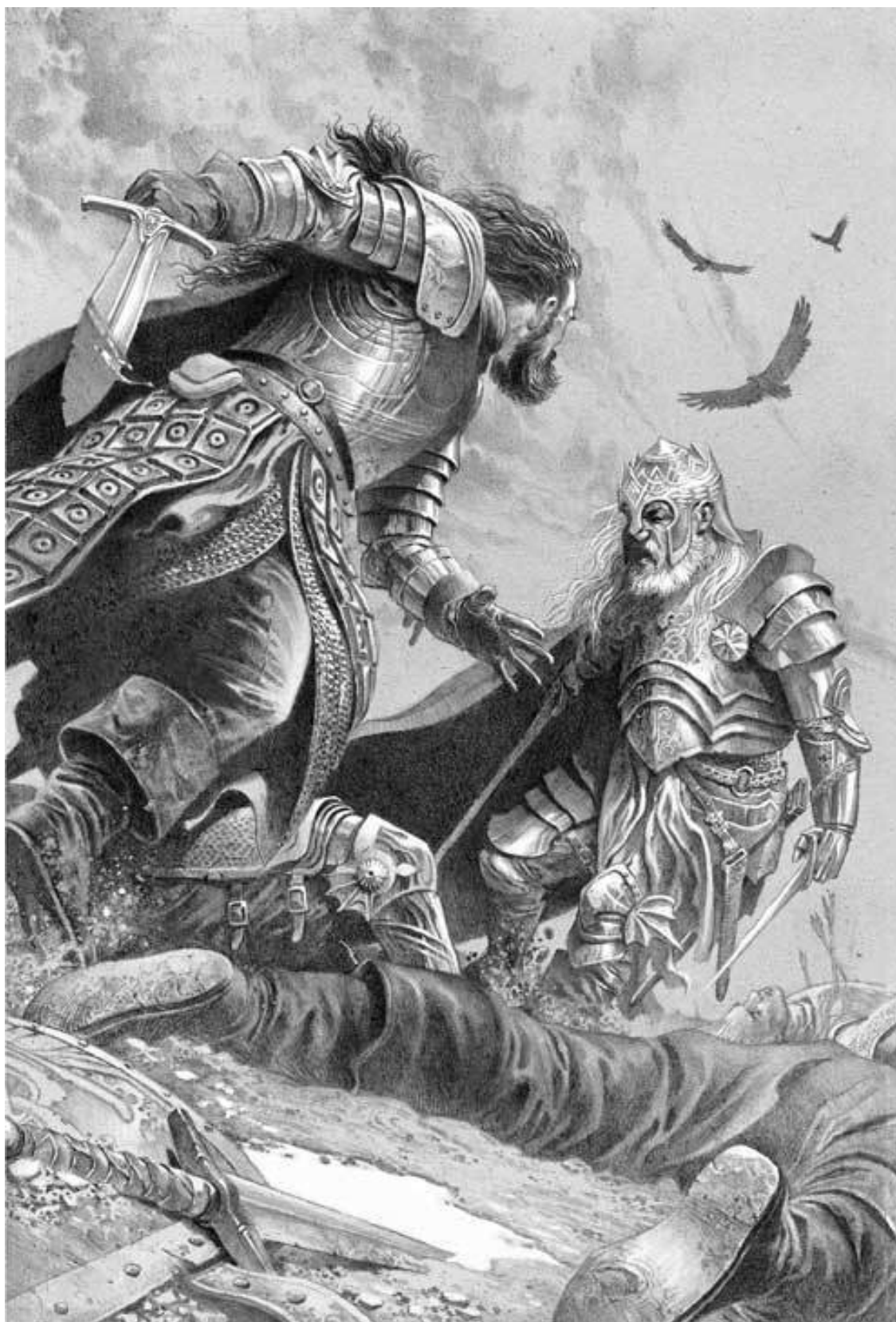
Сам Штормовой Король тоже вылетел из седла, но из боя не вышел. Когда Орис спустился со своими людьми по грязному склону, старый вояка один отбивался от полудюжины человек, а у ног его лежало столько же трупов. Баратеон, велев своим бойцам отойти, спешил и в последний раз предложил Аргилаку сдаться. Тот ответил бранью, и они сошлись в поединке: старый король с развевающейся белой гривой и кряжистый, чернобородый королевский десница. Каждый нанес рану другому, но затем желание последнего из Дюррандонов сбылось, и он умер с мечом в руке и с проклятием на устах. Гибель короля лишила штормовых жителей боевого духа: слыша, что Аргилак пал, лорды и рыцари бросали мечи и обращались в бегство.

Несколько дней все опасались, что Штормовой Предел постигнет судьба Харренхолла: дочь Аргилака Аргелла заперлась в замке и объявила себя Штормовой Королевой. «Скорее мы все поляжем до последнего, чем склоним колено», – сказала она королеве Рейенис, когда та прилетела поговорить с ней. «Вы можете взять мой замок, но достанутся вам лишь кости да пепел», – заявляла она. Солдаты гарнизона, однако, не разделяли решимости своей леди; в ту же ночь они подняли мирное знамя, открыли ворота и доставили Аргеллу – нагую, в цепях и с кляпом во рту – в лагерь Ориса.

Тот будто бы расковал девушку своими руками, закутал в плащ, налил ей вина и рассказал о доблестной кончине ее отца. В знак уважения к павшему королю он взял себе его герб и девиз. Коронованный олень стал его эмблемой, Штормовой Предел – поместьем, леди Аргелла – женой.

Когда и речные, и штормовые земли покорились Эйгону Дракону, оставшиеся короли поняли, что пришел их черед. Король Торрхен в Винтерфелле созвал знамена, но дело это было нескорое, ибо расстояния на Севере велики. Королева Шарра, регентша при своем сыне Роннеле, укрылась в Орлином Гнезде и отправила войско к Кровавым Воротам, единственному входу в Долину. В юности ее называли Горным Цветком, красивейшей девой во всех Семи Королевствах. Надеясь пленить Эйгона былой красотой, она послала ему свой портрет и предложила себя ему в жены при условии, что сын ее Роннел станет его наследником. Портрет Эйгон получил, но на предложение, судя по всему, ответить не соизволил. У него уже были две королевы, а цветочек Шарры, десятью годами старше его, порядком увял.

Между тем два великих короля Запада объединили свои войска, намереваясь раз и навсегда разбить Эйгона. Мерн IX из дома Гарденеров, Король Простора, выступил из Хайгардена и под стенами Золотой Рощи, усадьбы Рованов, встретился с Лореном I Ланнистером, Королем Скалы. Вместе они составили армию, какой еще не знал Вестерос: пятьдесят пять тысяч человек, в том числе шестьсот лордов, великих и малых, и больше пяти тысяч конных рыцарей. «Наш железный кулак» – так называл эту конницу король Мерн. Четверо его сыновей ехали вместе с ним, оба внука служили оруженосцами.

Короли не задержались надолго у Золотой Роши: такой величины войско должно было постоянно оставаться на марше, чтобы не объесть всю округу. Союзники двинулись на северо-восток, через высокие травы и золотые поля пшеницы.

Предупрежденный об их приближении в своем лагере у Божьего Ока Эйгон вышел им навстречу со своим войском. Людей у него было впятеро меньше, да и те большей частью были ополченцами речных лордов, чья верность дому Таргариенов не подвергалась еще серьезному испытанию – зато с меньшим войском он двигался быстрее, чем неприятель. В городе Каменная Септа он встретился с обеими королевами: Рейенис прибыла из Штормового Предела, Висенья – с мыса Раздвоенный Коготь, где принимала присягу у множества местных лордов. Понаблюдав сверху за переправой своего войска через Черноводную, трое Таргариенов помчались на юг.

Обе армии сошлись на широкой равнине к югу от Черноводной, где позднее проложили Золотую дорогу. Два короля возрадовались, когда разведчики донесли им о невеликих силах Таргариена и о недостатке в его рядах лордов и рыцарей. Ровное поле битвы, покрытое травами и колосьями, было превосходнейшим местом для атаки тяжелой конницы. Эйгон в отличие от Ориса Баратеона не укрепился на высоте, и почва была сухая, ибо дождей в тех местах не выпадало уже две недели.

Король Мерн, который привел на войну в полтора раза больше людей, чем король Лорен, потребовал себе почетного места в центре. Сын его и наследник Эдмунд командовал авангардом, король Лорен со своими рыцарями поместился на правом крыле, лорд Окхарт на левом. При отсутствии всяких природных препятствий они собирались ударить по Эйгону с обоих флангов и обойти его сзади, в то время как «железный кулак», тяжелый клин лордов и рыцарей, разгромит его центр.

Войско Эйгона напоминало ошетилившийся копьями и пиками полумесяц. За ним стояли лучники и арбалетчики, на флангах – легкая кавалерия. Командиром Эйгон поставил Джона Моутона, лорда Девичьего Пруда – одного из первых, перешедших на его сторону. Король-Дракон тоже заметил, что дождя давно не было и травы с колосьями на поле сражения пересохла на славу.

Враг затрубил в трубы, и на поле выплеснулось целое море знамен. Впереди ехал сам король Мерн на золотом жеребце, его сын Гавен нес знамя Гарденеров – зеленую руку на поле пшеницы. Под рев рогов и гром барабанов западное войско врзалось в копейщиков Таргариена, а Эйгон и его сестры поднялись в воздух.

Пока Балерион раз за разом в туче копий, стрел и камней поливал огнем ряды неприятеля, Висенья и Рейенис подожгли поле и спереди от врага, и сзади. Дым окутал конницу, ослепив скакунов вместе с всадниками, огонь надвигался с обеих сторон, а люди Моутона, спокойно стоя с наветренной стороны, добивали копьями и стрелами заживо горящих людей.

После это сражение назвали битвой на Огненном Поле.

Больше четырех тысяч погибли в пламени, еще тысяча – от мечей, копий и стрел. Десятки тысяч получили ожоги, отметившие многих до конца их дней. Король Мерн IX сгорел вместе со своими сыновьями, внуками и прочей родней. Один из его племянников скончался от ожогов три дня спустя, и вместе с ним пресекался род Гарденеров. Лорен, Король Скалы, видя, что битва проиграна, промчался сквозь огненную завесу и остался в живых.

Таргариены потеряли менее сотни. Королеве Висенье стрела попала в плечо, но она скоро поправилась. Пока драконы пожирали тела убитых, Эйгон распорядился собрать мечи павших и отправить их вниз по реке.

На другой день взяли в плен Лорена Ланнистера. Тот сложил свой меч и корону к ногам Эйгона, склонил колено и присягнул Таргариену на верность. Эйгон, верный своему слову, поднял его, оставил за ним его земли и нарек лордом Бобрового Утеса и Хранителем Запада. Уцелевшие лорды Простора и знаменосцы Лорена последовали примеру побежденного короля.

Но не весь еще Запад был завоеван. Эйгон, расставшись с сестрами, повел войско на Хайгарден, чтобы захватить его, упредив других претендентов. Стюард-управитель Харлен Тирелл, чьи предки веками служили Гарденерам, вручил ему ключи от замка без боя, Эйгон

же в награду пожаловал ему Хайгарден со всеми землями, наименовав его верховным лордом Мандера и Хранителем Юга. Так бывший стюард получил власть над всеми вассалами дома Гарденеров.

Король Эйегон собирался идти на юг, чтобы покорить Старомест, Бор и Дорн, но весть о новой угрозе заставила его передумать. Торрхен Старк, Король Севера, миновал Перешеек и вступил на речные земли с тридцатитысячной ратью. Эйегон тут же двинул свое войско навстречу ему, летя впереди на Балерионе. Обеим королевам и всем лордам и рыцарям, перешедшим к нему после Харренхолла и Огненного Поля, также приказано было выступить.

Торрхен Старк, выйдя к Трезубцу, увидел на южном берегу войско, в полтора раза превышавшее его собственное. Все лорды Простора, Запада, речных и штормовых земель собрались здесь, а над их лагерем выписывали круги Балерион, Вхагар и Мираксес.

Разведчики Торрхена видели руины Харренхолла, где под грудями щебня еще тлел огонь. Об Огненном Поле король тоже немало слышал. Он понимал, что при попытке перейти реку его ждет та же судьба. Одни из его лордов-знаменосцев все же побуждали Торрхена наступать, уверяя, что для северной доблести нет преград, другие советовали отступить ко Рву Кейлин и встретить врага там, на родной земле. Побочный брат короля Брандон Сноу вызвался скрытно переплыть реку ночью и перебить драконов во сне.

Король и впрямь послал его за реку, но не ради убийства, а ради переговоров. Брандона сопровождали три мейстера. Всю ночь послания летали туда-сюда, а утром Торрхен Старк сам пересек Трезубец. Опустившись на колени, он сложил древнюю корону Королей Зимы к ногам Эйегона и поклялся ему в верности. Поднялся он уже не королем, но лордом Винтерфелла и Хранителем Севера. В историю он вошел как Король, Преклонивший Колено, зато ни один северянин не оставил своих обугленных костей у Трезубца, и мечи, которые забрал у людей Старка король Эйегон, не были скручены и оплавлены.

Эйегон и его королевы вновь разлучились. Эйегон опять пошел на юг, к Староместу, Висенья полетела в Долину, Рейенис – в Солнечное Копье.

Шарра Аррен тем временем укрепила Чаячий город, поставила у Кровавых Ворот сильное войско, устроила гарнизоны в Каменном, Снежном и Небесном замках, что стоят на пути к Гнезду. Висенья, однако, без препон пролетела над ними и опустилась на внутренний двор замка Шарры. Когда королева-регентша поспешила к ней с дюжиной стражников, на коленях у Висеньи сидел Роннел Аррен. «Матушка, можно мне полетать с этой леди?» – спросил венценосный ребенок. До угроз и гневных слов не дошло. Королевы обменялись улыбками, и леди Шарра велела принести три короны: свою регентскую, маленькую сыновью и соколиную дома Арренов, которую Короли Горы и Долины носили тысячу лет. Все они, вместе с мечами королевского гарнизона, были вручены королеве Висенье, и маленький король, трижды облетев с нею вокруг вершины Копья Гиганта, сделался маленьким лордом. Так Висенья Таргариен привела Долину Аррен под знамена своего брата.

Рейенис не столь посчастливилось. Принцев перевал, врата Красных гор, обороняли дорнийские копейщики; Рейенис, не тронув их, пролетела над красными песками, над белыми, над рекой Вервие – и нашла замок Красные Дюны пустым и покинутым. В городке под его стенами оставались только женщины, дети и старики. На вопрос, куда подевались их господа, они отвечали кратко: «Ушли». Рейенис долетела до Дара Богов, усадьбы дома Аллирионов, но и там никого не нашла. Королева продолжала свой путь. При впадении реки Зеленая Кровь в море она увидела тысячи гребных лодок, плоскодонок и баржей; связанные вместе веревками и цепями, они составляли плавающий Дощатый город, но лишь горстка старух с ребятишками вышла поглядеть на Мираксеса.

В конце концов она добралась до Солнечного Копья, древней резиденции дома Мартеллов. В замке, также покинутом, ее ждала принцесса Дорнийская. Мери Мартелл, по словам мастеров, сравнялось восемьдесят годов, и шестьдесят из них она правила Дорном. Рейенис видела перед собой необычайно толстую, слепую, лысую женщину с желтой обвисшей кожей.

Аргилак Надменный прозвал Мерию желтой дорнийской жабой, но ни годы, ни слепота не притупили ее ума.

«Я не стану сражаться с вами, но и колен не склоню, – сказала она королеве Рейенис. – Скажи своему брату, что в Дорне нет короля».

«Скажу, – отвечала Рейенис, – но мы вернемся, принцесса, и с нами придут пламя и кровь».

«Я помню девиз вашего дома, – сказала Мерия, – но наш гласит “Непреклонные, нестигаемые, несдающиеся”. Вы можете сжечь нас, миледи, но не заставите склониться и не согнете. Это Дорн, и вам здесь не рады. Возвращайтесь, если осмелитесь».

На том королева с принцессой расстались, и Дорн остался непокоренным.

Эйегон на западе встретил более теплый прием. Старомест, величайший город Вестероса, окружали прочные стены, а правили им Хайтауэры – древнейший, богатейший и самый могущественный из знатных домов Простора. Старомест был также средоточием Истинной Веры. Там жил верховный септон, наместник новых богов на земле, духовный отец всех Семи Королевств (лишь Север, где еще имели силу старые боги, не подчинялся ему). Там же помещались два воинских ордена Веры, называемые в народе Мечами и Звездами.

Но Таргариен, подойдя к городу, нашел его ворота открытыми, и у них ждал лорд Хайтауэр, готовый сдаться новому королю. Верховный септон, получив весть о высадке Эйегона, заперся в Звездной септе, где провел семь дней и семь ночей, вкушая лишь хлеб и воду и переходя с молитвой от алтаря к алтарю. На седьмой день Старица осветила ему путь своей золотой лампадой. Выйдя из септы к народу, его святейшество сказал так: «Если Старомест восстанет против короля Эйегона, он будет сожжен, а замок Хайтауэров, Цитадель и Звездная септа обратятся в руины».

Манфред Хайтауэр, лорд Староместа, был человек осторожный и богобоязненный. Один из младших его сыновей состоял в Сынах Воина, или Мечах, другой только что принес септонские обеты. Услышав откровение верховного септона, лорд решил не сопротивляться Завоевателю – потому-то никто из жителей Староместа и не сгорел на Огненном Поле, хотя Хайтауэры были знаменосцами Хайгардена. По той же причине лорд ожидал Эйегона у ворот Староместа, чтобы вручить ему свой меч и свой город. (Говорят, будто Хайтауэр также предложил королю руку своей меньшей дочери, но Эйегон вежливо отказался, не желая обидеть двух своих королев.)

Три дня спустя его святейшество в Звездной септе помазал Эйегона семью елееми, возложил на его голову корону и провозгласил его Эйегоном из дома Таргариенов, первым этого имени, королем андалов, ройнаров и Первых Людей, лордом Семи Королевств и Хранителем Государства. (Эйегон с самого начала назывался владельцем *Семи* Королевств, хотя Дорн Таргариены покорили лишь век спустя.)

Первую коронацию Эйегона на Черноводной видели лишь немногие лорды, на второй же они исчислялись сотнями, и десятки тысяч горожан приветствовали нового короля, когда он ехал по Староместу верхом на Балерионе. На коронации присутствовали также многие мейстеры и архимейстеры Цитадели. По всем этим резонам началом царствования Эйегона Таргариена принято считать вторую коронацию в Староместе, а не первую в Эйегонфорте и не день его высадки.

Так, волей Эйегона Завоевателя и сестер его, Семь Королевств были спаяны в единое государство.

Многие полагали, что Эйегон по окончании войн сделает своей резиденцией Старомест. Другие думали, что он будет править страной с Драконьего Камня, древней островной цитадели дома Таргариенов. Король же, удивив всех, объявил, что столицей его станет новый город, что уже рос под тремя холмами в устье реки Черноводной, где он с сестрами впервые ступил на вестеросскую землю. Столица получила имя Королевская Гавань, и Эйегон правил там,

восседаая на троне, который ему сковали из оплавленных, сломанных, скрученных мечей его бывших врагов. Этот престол, небезопасный для всех, кто сидел на нем, стал известен всему миру как Железный Трон Вестероса.

Правление Эйегона I

Войны короля Эйегона I

Долгое правление Эйегона Завоевателя (1–37 гг. ОЗ) в целом было мирным, особенно в последние годы, но Драконову миру, как нарекли после мейстеры Цитадели двадцать лет перед его кончиной, предшествовали Драконовы войны – и столь жестокой и кровопролитной, как последняя из оных, еще не видывал Вестерос.

Считается, что Завоевательные войны завершились в тот день, когда верховный септон в Звездной септе Староместа помазал Эйегона на царство, однако еще не все Семь Королевств покорились Завоевателю.

Лорды Трех Сестер в заливе Укус, пользуясь случаем, объявили себя независимыми и нарекли леди Марлу Сандерленд своей королевой. Поскольку почти весь флот Арренов погиб во время Завоевания, король приказал подавить Сестринский мятеж своему Хранителю Севера, Торрхену Старку из Винтерфелла. Северяне отплыли из Белой Гавани на галеех, нанятых в Браавосе, под командованием сира Уоррика Мандерли. Сестринцы, завидев в море их паруса, а в небе королеву Висенью на Вхагаре, устремились и низложили королеву Марлу в пользу ее младшего брата. Стеффон Сандерленд заново принес присягу дому Арренов, склонил колени перед Висеньей и отдал в заложники своих сыновей: одного в дом Мандерли, другого в дом Арренов. Низложенную королеву, его сестру, заключили в тюрьму. Через пять лет ей вырезали язык, и остаток своих дней она провела Молчаливой Сестрой, обихаживая покойников благородного звания.

На другом конце Вестероса взволновались Железные острова. Род Хоуров, долгие века правивший ими, угас за одну ночь, когда Эйегон спалил Харренхолл драконьим огнем. После гибели Харрена Черного и его сыновей Кхорин Вольмарк, мелкий лорд с острова Харло, чья бабка приходилась младшей сестрой деду Харрена, объявил себя королем и законным наследником «черных».

С этим согласились далеко не все Железные Люди. Жрецы, собравшись на Старом Вике под ребрами морского дракона Нагги, увенчали короной из плавника своего собрата, босоногого Лодоса, объявившего себя сыном Утонувшего Бога и чудотворцем. На Большом Вике, Пайке и Оркмонте явились свои претенденты, и все они больше года сражались между собой на суше и на море. Говорят, будто у островов плавало столько трупов, что кракены сотнями стекались туда.

Эйегон положил конец междоусобице, прилетев на острова во 2 году ОЗ. За королем и Балерионом шли флотилии Бора, Хайгардена, Ланниспорта и даже несколько ладей с Медвежьего острова, присланные Торрхеном Старком. Железные Люди, которых сильно поубавилось после годовой братоубийственной войны, сопротивления почти не оказывали – многие даже приветствовали вмешательство короля. Эйегон убил Кхорина Вольмарка Черным Пламенем, но позволил его сыну-младенцу унаследовать отцовские земли и замок. Король-жрец Лодос воззвал к своему богу, чтобы тот послал кракенов потопить корабли Эйегона; не дождавшись их, он повесил камень на шею и вошел в море «посоветоваться с отцом». За ним последовали многие тысячи, и раздутые тела утопленников годами прибывало к берегам Старого Вика.

Кому же предстояло править Железными островами? Королю предлагали сделать их вассалами Талли из Риверрана, Ланнистеров из Бобрового Утеса и даже Старков из Винтерфелла. Эйегон, выслушав всех советчиков, решил в конце концов, что позволит островитянам самим выбрать себе правителя. Их выбор, что неудивительно, пал на одного из своих: Викона Грей-

джоя, Лорда-Жнеца с Пайка. Лорд Викон присягнул Эйегону на верность, и король отбыл восвояси вместе со своим флотом.

Власть Грейджоя простиралась лишь на Железные острова: от всех земель, захваченных домом Хоуров на материке, он отрекся. Разрушенный замок Харренхолл со всеми его угодьями Эйегон пожаловал сиру Квентону Квохорису, мастеру над оружием Драконьего Камня, при условии, что тот признает своим сюзереном лорда Эдмина Талли. Новоиспеченный лорд Квентон имел двух крепких сыновей и здорового внука, но поскольку жена его три года назад скончалась от язвенной лихорадки, он женился вторично на одной из дочерей дома Талли.

После умирения Трех Сестер и Железных островов Эйегон стал правителем всего Вестероса к югу от Стены, исключая один только Дорн. На него-то и обратился взор короля-дракона. Поначалу Эйегон попытался завоевать Дорн словами, послав в Солнечное Копье к принцессе Мери Мартелл, прозванной желтой дорнийской жабой, высоких лордов, мейстеров и септонов. Послы должны были убедить ее в выгодах присоединения Дорна к остальным шести королевствам, но переговоры, длившиеся чуть ли не год, успеха не возымели.

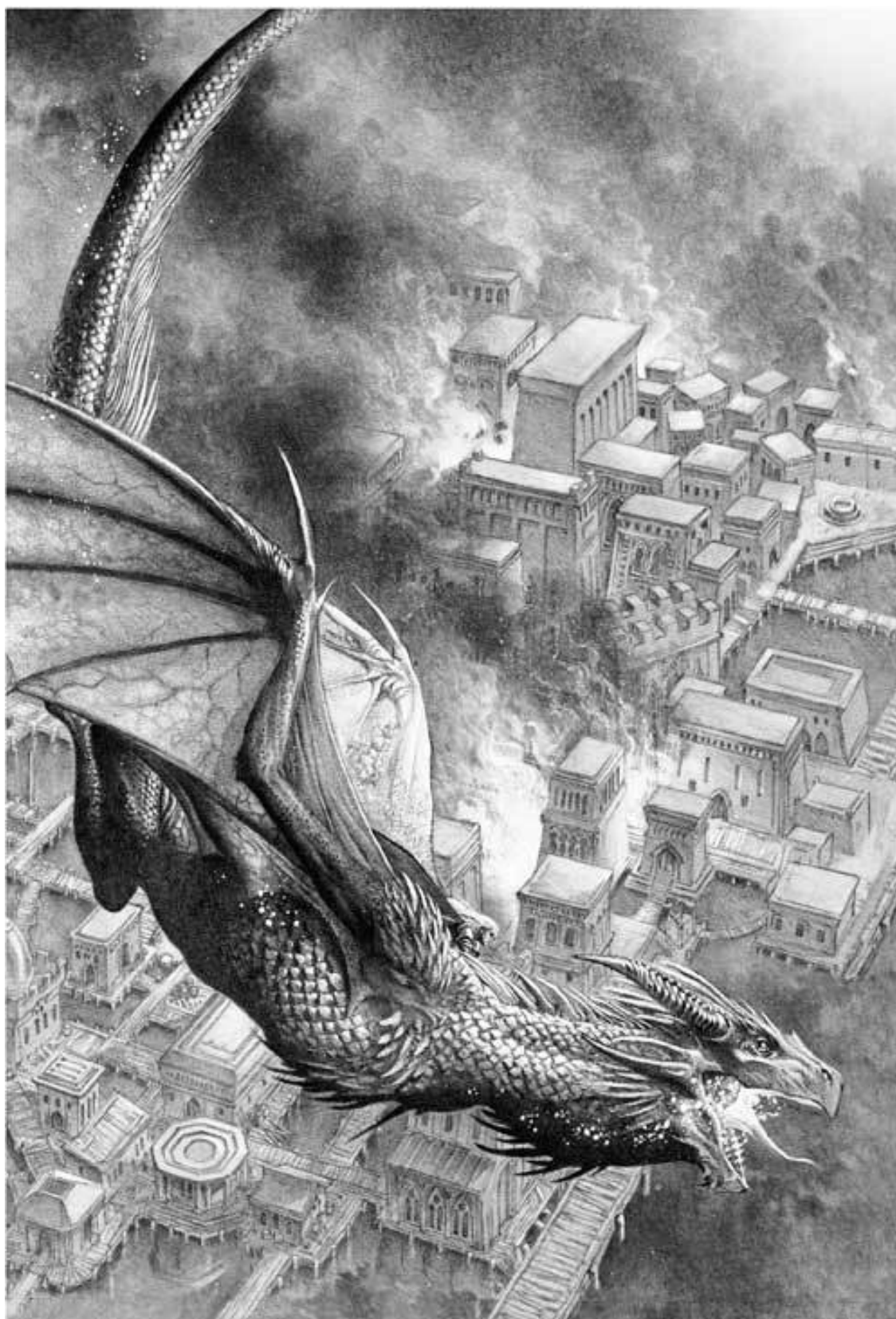
Начало Первой Дорнской войны относят к 4 году ОЗ, когда Рейенис Таргариен вновь прилетела в Дорн. На сей раз, верная своему слову, она принесла непокорным пламя и кровь. Слетев с ясного неба на Мираксесе, королева зажгла Дочатый город. Огонь перекидывался с лодки на лодку, горящие обломки запрудили устье Зеленой Крови, и даже в далеком Солнечном Копье был виден дымовой столб. Жители плавучего города искали спасения в водах реки; погибли всего около ста человек, да и те большей частью утонули, а не сгорели, однако первая кровь пролилась.

Орис Баратеон тем часом двинулся с тысячью отборных рыцарей по Костяному Пути, сам же Эйегон вел через Принцев перевал тридцатитысячное войско, во главе коего шли две тысячи конных рыцарей и триста лордов со своим ополчением. Лорд Харлен Тирелл, Хранитель Юга, заявлял во всеуслышание, что с такими силами они могли бы разбить любую дорнийскую рать даже и без Эйегона с Балерионом.

Возможная правота его слов так и не нашла подтверждения, ибо ни одного сражения дорнийцы Таргариенам не дали. Они попросту отступали, сжигая урожай на полях и отравляя колодцы. Сторожевые башни в Красных горах стояли пустые, перевалы загромождались ободранными овечьими тушами, протухшими и непригодными для еды. Спустившись с Принцева перевала в пески, Эйегон, чьи запасы пищи и корма подходили к концу, разделил свое войско. Сам он пошел на восток, намереваясь взять Поднебесный, твердыню Фаулеров, а лорда Тирелла отправил на юг, к Адову Холму, замку Утора Уллера.

Шел второй год осени; Тирелл надеялся, что с приходом зимы зной в пустыне смягчится и воды станет больше, но дорнское солнце обмануло его ожидания. На такой жаре люди и животные пили много, а все колодцы в оазисах оказывались отравленными. Сначала начали гибнуть кони, следом и всадники. Гордые рыцари бросали свои знамена и щиты, сбрасывали доспехи. Потеряв почти всех лошадей и четверть людей, Тирелл нашел Адов Холм покинутым.

Не посчастливилось и Орису Баратеону. Кони с трудом одолевали каменистые склоны и вовсе отказывались подниматься на самых крутых участках, где были вырублены ступени. Сверху на рыцарей градом сыпались камни, но самих дорнийцев они ни разу не видели. Когда же пришельцы вступили на мост через реку Вайл, на них со всех сторон посыпались уже не камни, а стрелы. Лорд Баратеон приказал отступать, но путь назад отрезал горный обвал, и рыцарей начали резать, словно свиней в загоне. Пощадили только самого Ориса и еще дюжину лордов, за которых могли дать богатый выкуп. Их отвели в Каменный Путь, замок Вайла, свирепого горного лорда по прозвищу Вдоволюб.

Поход Эйгона сложился удачнее. Пройдя через предгорья, где бежали полноводные потоки и водилось множество дичи, он взял штурмом Поднебесный, а после краткой осады занял и Айронвуд. Замок Тор ему сдал без боя стюард умершего недавно лорда Джордейна. Лорд Толанд из Призрачного Холма выслал навстречу королю своего бойца, чтобы вызвать

Эйгона на поединок. Король принял вызов и сразил своего противника, но узнал вскоре, что то был не первый боец, а шут. Сам лорд со своим семейством покинул замок.

Точно так же поступила и Мерия, принцесса Дорнийская. Эйгон, прилетев в Солнечное Копье, нашел там свою сестру Рейенис. После поджога Дошatego города она покорила Лимонную Рощу, Крапчатый Лес и Стоячий Пруд, где видела одних лишь малых детей и старух, осыпавших ее проклятиями. Теневой город под стенами Солнечного Копья тоже наполовину опустел, а оставшиеся жители уверяли, что знать не знают, куда подевались принцесса и ее лорды. «Желтая жаба зарылась в песок», – доложила королю Рейенис.

В ответ на все это Эйгон провозгласил себя победителем. Собрав в великом чертоге Солнечного Копья немногих дорнийских сановников, он сказал им, что Дорн отныне становится частью его государства, а они – его подданными. Непокорившиеся лорды объявлялись мятежниками, стоящими вне закона; за их головы, в особенности за голову принцессы Мерии, предлагалась награда. Лорд Джон Росби, назначенный кастеляном Солнечного Копья и Хранителем Пустыни, оставался править Дорном от имени короля. Поставив своих стюардов и кастелянов во всех прочих завоеванных замках, король с войском отправился домой тем же путем, через предгорья и Принцев перевал.

Не успели они дойти до Королевской Гавани, как Дорн взбунтовался. Откуда ни возьмись там появились сотни воинов с копьями – так появляются цветы в пустыне после дождя. Поднебесный, Айронвуд, Тор и Призрачный Холм отвоевали обратно за две недели, королевские гарнизоны вырезали, стюардов и кастелянов замучили; им отрубали одну часть тела за другой, а дорнийские лорды бились об заклад, чей пленник протянет дольше. Лорда Росби, кастеляна Солнечного Копья, постигла более милосердная смерть. Дорнийцы, нахлынув в замок из теневого города, связали его по рукам и ногам, и не кто иной, как сама престарелая принцесса, столкнула его вниз с башни.

В живых оставался только лорд Тирелл со своими людьми. Считалось, что замок Адов Холм на реке Серной может выдержать любую осаду, но от рыбы, выловленной в сернистых водах реки, хайгарденцы маялись животами. Копейщики лорда Кворгила из непокоренного Песчаника убивали фуражиров, пытавшихся достать съестное на западе, Вейты из Красных Дюн делали то же самое на востоке. Когда до Адова Холма дошла весть о кастеляне, сброшенном с башни, Тирелл двинулся на Красные Дюны, намереваясь взять этот замок, пройти на восток вдоль реки, отбить Солнечное Копье у дорнийцев и наказать убийц лорда Росби. Намерения эти пропали втуне, ибо лорд бесследно сгинул в красных песках вместе со всем своим войском.

Эйгон Таргариен был не таков, чтобы признать поражение. Война, затянувшаяся на целых семь лет, после 6 года ОЗ выродилась в цепь бесконечных стычек, набегов и убийств, перемежающихся долгим бездействием и дюжиной перемирий.

В 7 году Ориса Баратеона и других лордов, попавших в плен на Костяном Пути, выкупили, заплатив за каждого его вес в золоте, но по их возвращении оказалось, что Вдоволоб отсек каждому правую руку, дабы они не могли впредь поднять оружие против Дорна. Эйгон, вознамерившись отомстить, обрушился с Балерионом на горные крепости Вайлов, превратив их в груды расплавленного камня. Сами Вайлы, однако, отсиделись в пещерах и подземных ходах, а Вдоволоб после того прожил еще двадцать лет.

В 8 году, в пору великой засухи, дорнийцы переплыли через море на кораблях, которые предоставил им пиратский главарь со Ступеней, разграбили дюжину городков и деревень на южной стороне мыса Гнева и сожгли половину Дождливого леса. «Огонь за огонь», – высказалась по этому случаю принцесса Мерия.

Этого Таргариены стерпеть не могли. В том же году дорнийцы увидели в небе королеву Висенью, и огненное дыхание Вхагара загло Солнечное Копье, Лимонную Рощу, Призрачный Холм и Тор.

Вернулась она и на будущий год в сопровождении самого Эйегона. На сей раз запылали Красные Дюны, Песчаник и Адов Холм.

Дорнийцы дали на это ответ в следующем, 10 году. Лорд Фаулер прошел через Принцев перевал и вторгся в Простор. Передвигаясь очень быстро, он сжег множество деревень и захватил большой пограничный замок Ночная Песнь еще до того, как марочные лорды узнали о его появлении. Когда весть о вторжении достигла Староместа, лорд Хайтауэр послал своего сына Аддама отвоевать замок, но дорнийцы предвидели это, и лорд Джоффри Дейн из Звездопада подступил к самому Староместу. Городские стены он не мог одолеть, но выжег поля и деревни на двадцать лиг вокруг и убил юного Гармона, младшего сына лорда, возглавившего вылазку против неприятеля. Сир Аддам, придя в Ночную Песнь, увидел, что Фаулер предал замок огню, его гарнизон мечу, а лорда Карона с женой и детьми увел в плен. Отказавшись от погони, сир Аддам поспешил назад, чтобы избавить от врага Старомест, но Дейн со своим войском уже скрылся в горах.

Старый Манфред Хайтауэр вскоре умер, и сир Аддам стал лордом Высокой Башни. Старомест взывал о мщении; Эйегон вылетел в Хайгарден посоветоваться с Хранителем Юга, но молодой лорд Тео Тирелл, памятуя о судьбе своего отца, отнюдь не горел желанием идти в Дорн.

Тогда король снова прибег к драконам. Сам он полетел в Поднебесный, поклявшись превратить замок Фаулеров во второй Харренхолл, Висенья принесла пламя и кровь в Звездопад, Рейенис же предприняла вторую атаку на Адов Холм, не ведая, что ее там ожидает.

Драконы Таргариенов, возвращенные для битв, привыкли летать сквозь тучи стрел и копий без особого вреда для себя. Чешуя взрослого дракона прочнее стали, и даже те стрелы, что попадают в цель, только разжигают ярость огненных чудищ. Но защитник Адова Холма выстрелил из скорпиона с самой высокой башни, и железный болт длиной в целый ярд попал Мираксесу в правый глаз. Рухнув наземь в предсмертных судорогах, дракон снес и башню, и немалую часть крепостной стены.

Остается спорным, пережила ли Рейенис своего дракона. Одни говорят, что она сорвалась с него и разбилась насмерть, другие – что он раздавил ее своей тушей. Говорят также, что королева осталась жива и была медленно замучена в темницах Уллеров. Подлинных обстоятельств ее кончины мы скорее всего никогда не узнаем; известно лишь, что Рейенис Таргариен, сестра и жена Эйегона Первого, погибла в Адовом Холме в 10 году ОЗ.

Два последующих года известны как времена Драконова Гнева. Каждый дорнский замок горел еще трижды, пески вокруг Адова Холма от огненного жара обратились в стекло. Хозяева замков прятались глубоко под землей, но это их не спасало: лорда Фаулера, лорда Вейта, леди Толанд и четырех владельцев Адова Холма убили одного за другим, ибо Железный Трон назначил щедрую награду за голову любого дорнийского лорда. Надо сказать, что лишь двое убийц выжили, чтобы получить свое золото, и за каждую кровь дорнийцы платили кровью. Лорд Коннингтон из Гриффин-Руста был убит на охоте, Мертинса из Туманного Леса со всеми его домочадцами умертвил бочонок отравленного вина, лорда Фелла удавили в столичном борделе.

Не составили исключения и сами Таргариены. На Эйегона покушались не меньше трех раз – он погиб бы, не будь при нем его гвардии. При нападении на королеву Висенью пали двое ее гвардейцев, но последнего из негодяев она сама сразила Темной Сестрой.

Самое гнусное злодеяние тех кровавых времен свершилось в 12 году ОЗ. Вайл из Каменного Пути, прозванный Вдоволобом, явился незванный на свадьбу сира Джона Кафферена, наследника Фаунтона, и Алис Окхарт, дочери лорда Старой Дубравы. Дорнийцы, впущенные слугой-предателем через калитку замка, убили лорда Окхарта и почти всех гостей, оскостили

молодого мужа на глазах у жены. Саму леди Алис с ее служанками изнасиловали всем скопом и продали мирийскому работорговцу.

Дорн к тому времени превратился в дымящуюся пустыню, терзаемую голодом и чумой. «Гиблой землей» называли его купцы Вольных Городов, однако дорнийцы, верные своему девизу, оставались «непреклонными, нестигаемыми, несдающимися». Один рыцарь из Дорна, попавший в плен, заявил королеве Висенье, что принцесса Мерия прежде увидит дорнийцев мертвыми, нежели рабами Таргариенов. Принцесса отвечала, что они с братом охотно исполнят ее желание.

Но возраст и болезни совершили наконец то, что оказалось не под силу вражеским войскам и драконам. В 13 году ОЗ Мерия Мартелл скончалась в своей постели (во время плотских сношений с жеребцом, как утверждали ее враги). Лордом Солнечного Копья и принцем Дорнийским стал ее сын Нимор, сам уже шестидесятилетний, слабый здоровьем и не желающий более воевать. Первым же делом он отправил в Королевскую Гавань посольство с черепом дракона Мираксеса и предложением мира. Возглавила послов его дочь Дерия.

При дворе Эйгона его условия нашли неприемлемыми. «Никакого мира, пока они не сдадутся», – заявила королева Висенья, и королевский совет поддержал ее. Орис Баратеон, сильно ожесточившийся в свои последние годы, желал отправить принцессу Дерию к отцу без правой руки, а лорд Окхарт и вовсе прислал ворона с предложением «отдать дорнийскую девку в низайшего пошиба бордель, где ее могли бы иметь все городские нищие». Король был иного мнения. Принцесса прибыла под мирным знаменем, сказал он, и не потерпит под его кровом никакого вреда.

Все сходились на том, что король устал от войны, но заключение мира без полной капитуляции равнялось признанию, что любимая сестра его Рейенис погибла напрасно, что незачем было лить столько крови и предавать Дорн огню. Лорды-советники предостерегали Эйгона, что подобный мир сочтут проявлением слабости и за ним последуют новые мятежи. Эйгон и сам понимал, что Простор, штормовые земли и Марки, много претерпевшие от войны, ничего не забудут и не простят. Даже здесь, в Королевской Гавани, он отпускал дорнийцев в город лишь под сильной охраной, опасаясь, что чернь растерзает их в клочья. По всем этим причинам, как написал позднее великий мейстер Люкан, король склонялся к тому, чтобы отвергнуть предложенный принцем мир и воевать дальше.

Тогда Дерия вручила ему запечатанное письмо своего отца, сказав: «Оно предназначено для вашего величества и ни для кого более».

Эйгон прочел письмо на Железном Троне, в присутствии своего двора. Лик его остался непроницаемым, но на пораненной о трон руке проступила кровь. Он сжег письмо, вылетел на Драконий Камень, а вернувшись, согласился на все условия Нимора и подписал вечный мир с Дорном.

Никто и по сей день не знает, что было в письме. Одни полагают, будто принц всего лишь нашел в своем отцовском сердце слова, тронувшие отцовское сердце Эйгона. Другие утверждают, что Нимор привел там список всех лордов и рыцарей, погибших во время войны. Некоторые септоны заходят так далеко, что объявляют послание заколдованным: желтая жаба-де написала его перед смертью, используя вместо чернил кровь королевы Рейенис, и король не устоял перед ее черной магией.

Великий мейстер Клегг, приехавший в Королевскую Гавань двадцать лет спустя, пришел к выводу, что у Дорна не осталось больше сил для борьбы, и доведенный до отчаяния Нимор чем-то пригрозил королю. Например, тем, что закажет Безликим из Браавоса убить сына его от Рейенис, шестилетнего наследного принца Эйениса. Возможно, это и так, но точно мы никогда не узнаем.

Так закончилась Первая Дорнская война (4–13 гг. ОЗ).

Желтая дорнийская жаба сделала то, чего не удалось Харрену Черному, двум бывшим королям и Торрхену Старку: победила Эйегона Таргариена с его драконами. Однако к северу от Красных гор ее стратегия встречала одно лишь презрение. Слова «дорнийская доблесть» стали там определением трусости. «Жаба, когда ей грозит опасность, забивается в нору», – говорится в одной из летописей. «Мерия сражалась по-женски, с помощью лжи, измены и колдовства», – читаем в другой. Победа Дорна (если можно ее так назвать) считалась бесчестной; сыновья и братья тех, кто пал на войне, говорили, что когда-нибудь еще поквитаются с подлецами-южанами.

Час мщения настал, однако, не скоро, при более молодом и воинственном короле. Эйегон Первый просидел на Железном Троне еще двадцать четыре года, но война с Дорном стала последней из его войн.

Три головы дракона

Правление первых Таргариенов

Эйегон Таргариен был прославленным воином и величайшим завоевателем, однако самые великие его достижения многие относят к мирному времени. Железный Трон, согласно пословице, ковался в крови и пламени, но стал седалищем правосудия, как только остыл.

Примирение Семи Королевств под властью Таргариенов было краеугольным камнем политики Эйегона. С этой целью он собрал к себе мужей (и даже нескольких женщин) со всего государства. Прежних врагов поощряли присылать ко двору детей (хотя бы и младших, ибо наследников лорды предпочитали оставлять дома). Мальчики служили оруженосцами и пажами, девочки – камеристками и фрейлинами двух королей Эйегона. Они становились свидетелями справедливого королевского суда и приучались думать о себе как о подданных единого королевства, а не как о жителях Запада, штормовых земель или Севера.

Таргариены старались также заключать браки между отпрысками домов из разных концов страны в надежде, что такие союзы сплотят семь королевств в одно. Занимались этим большей частью королевы – Висенья и Рейенис. Благодаря их усилиям юный Роннел Аррен, лорд Орлиного Гнезда, взял в жены дочь Торрхена Старка из Винтерфелла, а Лорен Ланнистер, наследник Бобрового Утеса, женился на дочери Редвина из далекого Бора. Девочек-тройняшек Вечерней Звезды с Тарта Рейенис обручила с сыновьями Корбреев, Хайтауэров и Харло, Висенья же устроила двойную свадьбу между домами Блэквудов и Бракенов, чья вражда продолжалась веками. Сын каждого дома брал в жены дочь другого для скрепления мира. Когда девица Рован на службе у Рейенис понесла от поваренка, королева нашла в Белой Гавани рыцаря, готового взять ее за себя, а в Ланниспорте – другого, согласного принять ее ребенка на воспитание.

Никто не сомневался в том, что окончательное решение принадлежит Эйегону, но Висенья и Рейенис помогали ему во всем. Ни одна королева в истории Вестероса, исключая разве Алисанну, жену Джейхериса I, не оказывала такого влияния на политику государства, как сестры Дракона. В каждую поездку по стране Эйегон брал одну из них, в то время как другая замещала его на Железном Троне.

Король, объявив Королевскую Гавань своей столицей и воздвигнув трон в дымном чертоге Эйегонфорта, проводил там не более четверти года. Ровно столько же времени он уделял Драконьему Камню, гнезду своих предков. Замок под Драконьей горой, в десять раз больше Эйегонфорта, был к тому же намного удобней и безопасней. Завоеватель говаривал, что любит самый воздух Драконьего Камня, где соль смешана с серой и дымом подземных огней.

Вторую половину года Эйегон посвящал путешествиям. Вместе с двором он переезжал от замка к замку, гостя у всех великих лордов поочередно. Чаячий город и Орлиное Гнездо, Харренхолл, Риверран, Ланниспорт и Бобровый Утес, Кракехолл, Старая Дубрава, Хайгарден, Старомест, Бор, Рогов Холм, Эшфорд, Штормовой Предел, Замок Вечерней Звезды принимали его величество много раз, но временами он ехал, куда ему было угодно, сопровождаемый тысячной свитой рыцарей, лордов и леди. Он трижды побывал на Железных островах, один раз на Пайке и дважды на Большом Вике, провел две недели в Систертоне в 19 году и шесть раз посещал Север. Трижды король останавливался в Белой Гавани, дважды в Барроутоне, а последнее путешествие, предпринятое в 33 году, привело его в Винтерфелл.

«Предотвращать мятежи легче, нежели подавлять их», – говорил Эйегон, когда его спрашивали о причине столь частых поездок. Зрелище короля во всем великолепии верхом на Балерионе и его рыцарей в шелках и стальной броне вселяло в сердца лордов преданность

трону. Простолюдинам, добавлял государь, тоже полезно иногда видеть своего короля и знать, что они всегда могут обратиться к нему с челобитной.

И они это знали. Лорды, стараясь перещеголять друг друга, устраивали для короля охоты, пиры и балы, но он, помимо этого, всюду вершил королевский суд, будь то во дворе замка или на мшистом камне в крестьянском поле. Шесть мейстеров, сопровождавших его, толковали ему местные законы, приводили примеры из истории и записывали вынесенные им приговоры. Правитель должен знать землю, которой правит, говорил позже Эйегон сыну своему Эйенису; в своих странствиях он приобрел много знаний о Семи Королевствах и народе, обитавшем в них.

В каждом завоеванном королевстве существовали свои законы, свои обычаи, и король в них не вмешивался, оставляя лордам былые привилегии и права. Законы наследования оставались неизменными, феодальная иерархия сохранялась; лорды – и великие и малые – могли держать на своих землях темницы и виселицы. Право первой ночи также не отменяли там, где оно было принято.

Первейшей заботой Эйегона был мир. До Завоевания в Вестеросе постоянно случались междоусобицы, и даже в мирных будто бы королевствах лорды-соседи решали свои споры мечом. Король положил этому конец. Отныне мелким лордам и рыцарям-помещикам предписывалось обращаться с подобными спорами к своему сюзерену, распри же между великими лордами улаживал сам король. «Королевский мир есть первый закон государства, – провозгласил Эйегон. – Всякий, кто выступит на войну без моего на то дозволения, будет считаться мятежником и врагом Железного Трона».

Издавал он также указы касательно податей и таможенных сборов: ранее каждый порт и каждый лорд брали с купцов, издольщиков и крестьян сколько вздумается. Король освободил от податей земли, имущество и всех служителей Веры мужского и женского пола. Все прегрешения оных служителей подлежали лишь суду самой Веры. Сам не будучи набожным, Эйегон всемерно поддерживал Септу и главу ее, верховного септона.

В устье реки Черноводной, на трех холмах и вокруг них, быстро разрастался город Королевская Гавань. Самый высокий холм носил теперь имя Эйегона, два других нарекли вскоре холмами Висеньи и Рейенис. Первоначальный глинобитный форт, построенный Эйегоном, не вмещал больше короля и его придворных; его начали расширять еще во время Завоевания и вскоре поставили на холме бревенчатый замок пятидесятифутовой вышины, с огромнейшим великим чертогом. Через двор от него построили кухню – каменную и под сланцевой крышей на случай пожара, рядом возвели конюшни и житницу. Новая сторожевая башня превышала старую вдвое. Разросшийся Эйегонфорт обвели новым палисадом, занявшим почти всю вершину холма; внутри него разместились казарма, оружейная, септа и круглая башня.

У подножия холмов на речных берегах росли склады и пристани. Купцы из Староместа и Вольных Городов причаливали бок о бок с ладьями Веларионов и Селтигаров там, где раньше стояли только рыбацьи лодки. Королевская Гавань успешно соперничала с прежними торговыми портами Синим Долом и Девичьим Прудом. У реки возник рыбный рынок, в ложбине меж холмов торговали тканями. В порту открылась таможня. Остов старого когга на берегу стал первой городской септой. Вскоре она переехала в глинобитный домик, а затем на холме Висеньи воздвигли новую на средства верховного септона. Жилые дома и лавки множились, как грибы после дождя. Горожане побогаче строились на склонах холмов, беднота лепила в низинах хижины из глины с соломой.

Никаких планов застройки не было – город очень быстро разрастался сам по себе. При первой коронации Эйгона он был всего лишь деревней под стенами нехитрого форта, а ко времени второй коронации вмещал уже несколько тысяч душ. В 10 году он мог сравниться с

Чаячим городом и Белой Гаванью, в 25-м перерос их обоих и стал третьим по величине городом Вестероса, уступая только Ланниспорту и Староместу.

Стенами его, однако, огородили не сразу. Считалось, что они столице и не нужны: кто же осмелится напасть на город, который защищают драконы? Возможно, что и сам король разделял это мнение, но гибель сестры вместе с ее драконом и покушения на собственную персону заставили его призадуматься.

В 19 году с Летних островов пришла тревожная весть: пираты разграбили там город Высокодрев и увели тысячу женщин и детей в рабство. Это навело короля на мысль, что и Королевская Гавань может подвергнуться столь же дерзкому нападению в отсутствие его и Висеньи, и он отдал приказ о возведении стен, таких же высоких и крепких, как в Ланниспорте и Староместе. Эту задачу он поручил великому мастеру Гавену и своему деснице, сирю Осмунду Стронгу. В честь богов Эйегон распорядился устроить в будущих укреплениях семь ворот, каждые с помещением для стражи и с надвратными башнями. Работы начались на будущий год и завершились в 26 году.

Сир Осмунд был четвертым десницей короля. Первым стал Орис Баратеон, побочный брат Эйегона и друг его юных лет. В дорнийском плену лорд Орис лишился правой руки и по возвращении попросил отставки. «У королевского десницы должна быть десница, – сказал он. – Не желаю, чтобы меня прозвали королевской культей». На его место король назначил лорда Риверрана Эдмина Талли. Лорд Эдмин служил с 7 по 9 годы, но когда умерла в родах его жена, он счел, что детям своим нужен больше, чем государству, и вымолил у короля разрешение вернуться домой. Его сменил Элтон Селтигар, лорд Коготь-острова, честно служивший королю до самой своей кончины в 17 году, а после него настал черед сира Осмунда.

Великий мастер Гавен стал на своем посту третьим. Эйегон всегда держал на Драконьем Камне мастера, как отец и дед до него. У всех великих лордов, а также у многих невеликих и у рыцарей-помещиков мастера, прошедшие выучку в Цитадели Староместа, служили советниками, лекарями, писцами. Они же ухаживали за почтовыми воронами, писали и читали письма за тех лордов, что грамотой не владели, помогали стюардам со счетными книгами и учили господских детей. Во время Завоевательных войн при Эйегоне и его сестрах состояло по мастеру, а после для разбора государственных дел король собирал их до полудюжины.

Но мудрейшими и ученейшими мужами в Семи Королевствах почитались архимейстеры Цитадели, каждый из коих был светилом в одной из наук. В 5 году ОЗ король Эйегон, желая почерпнуть из сего источника мудрости, попросил конклав прислать ему кого-то из их числа, дабы сделать ближайшим своим помощником и советником. Так была учреждена должность великого мастера.

Первым ее занял архимейстер Оллидар, маститый историк, с кольцом, жезлом и маской из бронзы. При всей учености он был очень стар и покинул сей мир через год после того, как возложил на себя мантию великого мастера. Его преемником конклав избрал архимейстера Лаэнса с кольцом, жезлом и маской из желтого золота. Тот был покрепче и прослужил до 12 года, после чего поскользнулся, сломал бедро и вскоре скончался, уступив место архимейстеру Гавену.

Малый королевский совет появился лишь при Джейехерисе I, но это не значит, что Эйегон Завоеватель правил, ни с кем не советуясь. Он испрашивал мнения как великих, так и домашних мастеров, а в том, что касалось доходов и податей, искал совета мастеров над монетой. В Королевской Гавани и на Драконьем Камне у него имелось по септону, но в вопросах веры король чаще обращался к их главе в Староместе и непременно посещал Звездную септу во время своих ежегодных объездов. Более же всего Эйегон полагался на своих десниц и, конечно же, на сестер.

Королева Рейенис покровительствовала певцам, осыпая дарами тех, кто ей пришелся по вкусу. Королева Висенья находила поведение сестры легкомысленным, но любовь Рейенис к

музыке оказалась весьма полезной для новой династии: барды сочиняли песни во славу Таргариенов и разносили их по всему Вестеросу от Дорнских Марок до Стены. Завоевание в их устах предстало великим и славным делом, а Эйгон ставился вровень с героями древности.

Рейенис заботилась также о простых людях, особенно о детях и женщинах. Однажды на ее суд в Эйгонфорте привели человека, забившего свою жену до смерти. Братья женщины подали на него жалобу, он же заявлял, что был в своем праве, ибо застал жену в постели с другим мужчиной. Закон, дающий мужу право наказывать жену за измену, и верно, действовал во всем Вестеросе за вычетом Дорна. Муж, кроме того, предъявлял в доказательство свою палку – не толще большого пальца, как требовал закон. На вопрос королевы, сколько раз он ударил свою жену, мужчина затруднился ответить, но братья покойной утверждали, что он ей нанес сто ударов.

Рейенис, посоветовавшись с мастерами и септонами, вынесла такое решение: боги велют жене быть покорной мужу, но даже в случае измены он может ударить ее не более шести раз – по числу богов, исключая несущего смерть Неведомого. Посему первые шесть ударов, нанесенных мужем, были законными, прочие же девяносто четыре объявлялись преступлением против богов и людей, требующим, в свою очередь, наказания. С тех пор «правило шести раз» вошло в обиход наряду с «правилом большого пальца». Преступного мужа отвели к подножию холма Рейенис, где братья жены выместили на нем лишних девяносто четыре удара палками установленной толщины.

Королева Висеня, не разделяя сестриной любви к музыке, любила посмеяться и держала собственного шута – волосатого горбуна по прозвищу Обезьяний Лорд. Когда он умер, подавившись персиковой косточкой, она завела настоящую обезьяну и сама дрессировала ее, одев в наряд покойного дурака. «Новый умнее старого», – говаривала Висеня.

Была в ней, однако, и темная сторона. Миру она являла лик воительницы, непреклонной и ничего не прощающей; даже красоту ее очевидцы называли суровой. Старшая из трех глав дракона Таргариенов, она пережила и сестру, и брата. Говорят, что в последние свои годы, не в силах больше владеть мечом, она занималась темными искусствами, варила яды и наводила порчу. Порой намекают даже, будто она была братоубийцей и цареубийцей одновременно, но доказательствами свою клевету подкрепить не могут.

Будь это правдой, многие пришли бы в недоумение, ибо в юности Висеня стояла за брата горой. Дважды, когда его подкарауливали дорнийские головорезы, она обнажала Темную Сестру ради его спасения. Подозрительная и легко впадавшая в гнев, она доверяла лишь ему одному. В Дорнскую войну она носила кольчугу и днем и ночью, даже под придворными платьями, советуя Эйгону поступать так же. Когда он отказался, она пришла в ярость. «Даже с Черным Пламенем в руке ты один, – сказала Висеня, – а я не всегда могу быть рядом с тобой». На слова короля, что у него есть на то стража, она выхватила свой меч и чиркнула брата по щеке, прежде чем стражники успели вмешаться. «Это не стража, а ленивый неповоротливый сброд! – вскричала она. – Я могла бы убить тебя столь же легко, как и ранить». Эйгон с кровавым порезом на лице поневоле с ней согласился.

У многих королей служили в телохранителях первые бойцы королевства, Эйгона же, как лорда Семи Королевств, должны были, по решению Висени, охранять семеро. Так возникла Королевская Гвардия, братство первейших рыцарей в белой броне и белых плащах, обязавшихся защищать короля ценой самой жизни своей, буде придет нужда. Висеня сочинила для них обеты на манер присяги Ночного Дозора. Белые рыцари, как и черные братья со Стены, клялись служить до конца своих дней в послушании и целомудрии, отрекаясь от замков, земель и других земных благ и не ища наград, кроме чести.

На это вызывались столь многие рыцари, что Эйгон хотел устроить турнир, дабы выбрать самых достойных, но Висеня указала ему, что одной воинской доблести королевским гвардей-

цам мало: им должна быть присуща неколебимая преданность королю. Тогда Эйгон предоставил выбирать ей.

В семерку Висеньи вошли рыцари молодые и старые, высокие и низкие, темноволосые и белокурые, взятые со всех концов Вестероса. Были там младшие сыновья и наследники старинных домов, отказавшиеся от своего первородства ради службы у короля, были межевой рыцарь и бастард. Все они – сильные, ловкие, приметливые – искусно владели мечом и щитом, и в их сердцах жила верность дому Таргариенов.

Вот их имена, сохраненные для нас Белой Книгой: сир Ричард Рут; сир Аддисон Хилл, Бастард из Початка; братья сир Григор и сир Гриффин Гуд; сир Хамфри-Скоморох; сир Робин Дарклин Черный Дрозд и сир Корлис Веларион, первый лорд-командующий. В грядущем подтвердилось, что Висенья сделала мудрый выбор: двое гвардейцев погибли, защищая короля, другие честно служили до конца своих дней. Многие рыцари вслед за ними облачались в белые плащи и вписывали свои имена в Белую Книгу. Слова «Королевская Гвардия» и «честь» остаются равнозначными по сей день.

Шестнадцать Таргариенов всходили на Железный Трон вслед за Эйгоном Драконом, пока Восстание Роберта не пресекло их династию. Были среди них правители мудрые и глупые, добрые и жестокие, хорошие и дурные, но по вкладу их в законы и государственное устройство как в мирные, так и в военные времена имя Эйгона I должно вписать во главу листа.

Сыновья дракона

Король Эйегон I Таргариен, как гласит история, взял в жены обеих своих сестер, Висенью и Рейенис. Обе они летали на драконах, обе были прекрасны, как истые Таргариены – с серебристо-золотыми волосами и фиолетовыми глазами. В остальном эти две женщины были различны во всем, кроме одного: каждая из них подарила королю сына.

Рейенис, младшая жена, была первой. Мальчик, родившийся у нее в 7 году от Завоевания Вестероса, был очень мал, очень слаб и все время плакал. Королевские мастера не ручались за его жизнь. Грудь он брал только у матери, отвергая кормилиц, и проплакал, по слухам, две недели подряд, когда его отлучили. Он столь мало походил на короля Эйегона, что кое-кто осмеливался даже предполагать, будто отцом его был один из многочисленных фаворитов Рейенис, певец или лицедей. Растить и крепнуть принц Эйенис начал лишь получив в подарок молодого дракона по имени Ртуть, только что вышедшего из яйца на Драконьем Камне.

Когда королева Рейенис погибла в Дорне со своим драконом Мираксесом, Эйенису сравнялось три года. Мальчик был безутешен, перестал есть и ползал на четвереньках, словно ходить разучился. Отец отчаялся в нем, и при дворе сплетничали, что Эйегон хочет взять другую жену, ибо Рейенис умерла, а Висенья, похоже, бесплодна. Король в таких делах ни с кем не советовался, однако многие лорды и рыцари привозили ко двору своих дочерей, одна страшнее другой.

В 11 году королева Висенья внезапно объявила, что понесла, положив конец этим слухам. Она утверждала, что у нее будет сын, что вскоре и подтвердилось. Новый принц явился на свет в следующем году. Мастера и повитухи говорили, что еще не видывали такого здоровенького младенца: при рождении Мейегор весил чуть ли не вдвое больше, чем его старший брат.

Братья никогда не дружили. Эйениса – как наследника престола – король держал при себе и брал во все поездки по Семи Королевствам, Мейегор оставался с матерью. Из своих путешествий король возвращался в Королевскую Гавань, где построил себе крепость Эйегон-форт, Висенья же с сыном жили на Драконьем Камне. По этой причине и лорды, и простой народ стали называть Мейегора принцем Драконьего Камня.

Королева Висенья вручила сыну меч, когда ему исполнилось три. Первым делом мальчик будто бы зарубил одну из дворцовых кошек; эту басню могли придумать много позже его враги, однако то, что принц сразу же начал учиться владеть мечом, отрицать не приходится. Мать выбрала ему в наставники сира Гавена Корбрея, самого грозного рыцаря Семи Королевств.

Принца Эйениса воинской науке обучали в основном рыцари Королевской Гвардии, а временами и сам король. Все соглашались с тем, что мальчик прилежен и отваги ему не занимать, а вот сил явно недостает. Даже с отцовским мечом Черное Пламя Эйенис добился лишь самых скромных успехов в единоборстве. В бою он себя не посрамил, говорили его учителя, но песни о его подвигах вряд ли сложат.

Таланты принца проявлялись в другом. Эйенис хорошо пел, обладая приятным и сильным голосом, имел обходительные манеры и был умен, хотя никто бы не назвал его книжным червем. Он легко заводил друзей и завоевывал сердца девиц как знатного, так и низкого рода. Любил он также верховую езду. Отец дарил ему коней, как скаковых, так и боевых, но им всем Эйенис предпочитал своего дракона.

Принц Мейегор любви к животным никогда не показывал. Когда в восемь лет его на конюшне лягнула лошадь, он заколол ее и снес пол-лица конюшонку, прибежавшему на ее крик. Не нажил он и друзей, хотя товарищей по играм всегда имел вдоволь. Был он вспыльчив, злопамятен, страшен в гневе, зато в боевом мастерстве превосходил всех и каждого. Оруженосцем стал в восемь, в двенадцать спешивал на турнирах подростков четырьмя-пятью годами старше себя и побивал во дворе замка взрослых латников. На тринадцатый день рождения мать

подарила ему Темную Сестру, свой собственный валирийский меч, а полгода спустя Мейегор женился.

Браки Таргариены заключали только между собой. Наилучшим считался союз между сестрой и братом; если такая пара не составлялась, девушку выдавали за дядю, кузена, племянника, а юношу женили на тетке, кузине, племяннице. Так делалось во всех знатных семьях Древней Валирии, особенно там, где владели драконами. «Кровь дракона не терпит примесей», – гласила пословица. Многоженство тоже случалось, но не столь часто, как браки внутри семьи. В Валирии перед Роком, по словам мудреца, чтити тысячу богов и ни одного из них не боялись; мало кто осмеливался возвысить голос против таких обычаев.

Иное дело Вестерос с его Истинной Верой. На Севере еще почитали старых богов, но в остальных областях Вестероса поклонялись единому богу в семи лицах, и голосом его на земле был верховный септон Староместа. Доктрина этой веры, принесенная из Андалоса много веков назад, осуждала валирийские нравы. Плотские сношения между дочерью и отцом, сыном и матерью, братом и сестрой объявлялись тяжким грехом, а плоды такого союза – мерзостью в глазах богов и людей. Из своего далека мы видим, что раздор между Септой и Таргариенами был неизбежен. Многие праведники еще во время Завоевания ожидали, что верховный септон выступит с обличением Эйегона и его жен, и были весьма недовольны, когда святейший отец отговорил лорда Хайтауэра сражаться с Королем-Драконом, а позднее даже помазал Таргариена на царство.

Знакомство – мать согласия, говорится в пословице. К 11 году, когда скончался верховный септон, короновавший Завоевателя, народ уже по привычке к тому, что у короля две королевы, которые одновременно и жены его, и сестры. Король Эйегон чтит Веру, освободил все ее владения от налогов и постановил, что единственно Септа вправе судить слугителей Семерых, преступивших закон. За время его правления согласие между Железным Троном и Верой ни разу не нарушалось. Эйегон поддерживал хорошие отношения со всеми шестью верховными септонами, носившими кристальную корону с 11 по 37 год, и посещал Звездную септу каждый раз, как бывал в Староместе. Однако вопрос о браке между близкими родичами все еще таился под спудом подобно отраве. Верховные септоны при короле Эйегоне никогда не возвышали голос против женитьбы его на сестрах и не объявляли ее противозаконной, но скромные слугители Веры – деревенские септоны, септы, нищенствующие братья, Честные Бедняки – по-прежнему считали греховным и двоеженство, и сношения брата с сестрами.

Дочерей у Эйегона Завоевателя не было, и сыновья его за неимением сестер должны были искать невест вне семьи.

Первым в 22 году женился принц Эйенис. Его женой стала леди Алисса, дочь Эйетана Велариона, лорда Дрифтмарка и королевского адмирала. У пятнадцатилетней невесты, ровесницы жениха, были те же серебристые волосы и фиолетовые глаза, ибо древний род Веларионов также происходил из Валирии. Мать самого короля Эйегона в девичестве прозывалась Веларион, но на троюродных сестрах жениться никто не препятствовал.

Брак был счастливым, и на следующий же год Алисса родила дочь, названную Рейеной. Уродившись крошечной, как отец, принцесса, в отличие от него была здоровым ребенком, с живыми лиловыми глазками и волосами, как кованое серебро. Летопись гласит, что сам король Эйегон прослезился, взяв на руки внучку, и обожал ее до конца своих дней. Быть может, она напоминала ему утраченную королеву Рейенис, в честь которой и была названа.

Вся страна ликовала, исключая, пожалуй, одну королеву Висенью. Все задавались вопросом, останется принц Мейегор вторым в череде наследников или отодвинется на третье место, уступив второе племяннице. Висенья предлагала обручить Рейену с Мейегором, которому только что сравнялось двенадцать, но Эйенис и Алисса на это не согласились. Когда весть об этом достигла Звездной септы, верховный септон прислал королю ворона с предупреждением, что Вера подобный брак не благословит. Вместо Рейены он предлагал Мейегору в невесты свою

собственную племянницу Серису, дочь лорда Манфреда Хайтауэра (кого не следует путать с дедом, носившим такое же имя).

Эйегон, желая укрепить связи с правящим домом Староместа, дал согласие, и в 25 году Мейегор Таргариен, принц Драконьего Камня, принес брачный обет Серисе Хайтауэр в Звездной септе, причем обряд совершил сам верховный септон. Невеста была на десять лет старше своего жениха, но все лорды, провожавшие молодых на брачное ложе, говорили, что принц пылал страстью. Сам Мейегор хвастал, что скрепил свой брак не менее двенадцати раз. «В эту ночь я зачал сына дому Таргариенов», – объявил он наутро.

На будущий год мальчик и впрямь родился, но не у Мейегора с Серисой, а у Эйениса с леди Алиссой. Названный Эйегоном в честь деда, ребенок был крепок и полон жизни – «настоящий вояка», как объявил сам король. Многие еще полагали, что престол могут унаследовать принц Мейегор или принцесса Рейена, но казалось бесспорным, что наследником Эйениса станет его сын Эйегон, а сам Эйенис займет трон после короля Эйегона Первого.

Алисса рожала раз за разом, Сериса же оставалась бездетной. В 29 году жена подарила Эйенису второго сына, Визериса, в 34-м – третьего, Джейхериса, в 36-м – вторую дочь Алисанну.

Рейене в тот год исполнилось тринадцать, и она, по словам великого мастера Клегга, полюбила младшую сестричку «так, будто сама ее родила». Старшая принцесса росла робкой, мечтательной и с животными чувствовала себя свободнее, чем с другими детьми. Малюткой она при виде чужих людей цеплялась за юбку матери или за ногу отца, но любила кормить дворцовых кошек и укладывала в свою кроватку щенят. Мать подбирала ей в подруги дочерей великих и малых лордов, однако играм с ними Рейена предпочитала книги.

В девять лет ей подарили только что вылупившегося дракончика. Рейена назвала его Огненной Мечтой, и они сразу же накрепко привязались друг к другу. Дракон помог принцессе избавиться от детской застенчивости; в двенадцать лет она впервые поднялась в небо, и хотя нрав ее оставался по-прежнему тихим, робкой ее уже никто не считал. Вскоре у нее появилась и первая настоящая подруга – кузина Ларисса Веларион. Девочки были неразлучны, пока Лариссу не отозвали домой на Дрифтмарк, чтобы выдать за второго сына лорда Вечерней Звезды с острова Тарт. Но юные сердца быстро оправляются от потерь, и принцесса обрела нового друга в дочери десницы Саманте Стокворт.

Именно Рейена, по преданию, положила по драконьему яйцу в колыбель сначала Джейхерису, потом Алисанне. Из этих яиц, если верить легенде, вышли Среброкрылый и Вермитор, чьи имена навсегда вписаны в историю Вестероса.

Лишь королеву Висенью и ее сына Мейегора не радовало рождение новых принцесс и принцев, ибо каждый сын Эйениса – а кое-кто говорил, что и дочь – оттеснял Мейегора все дальше от Железного Трона.

На турнирах и ратном поле Мейегор, однако, превосходил брата во всем. На большом Риверранском турнире 28 года он спешил одного за другим трех рыцарей Королевской Гвардии и уступил лишь следующему противнику, а в общей схватке перед ним никто не мог устоять. В тот день отец коснулся его плеча собственным своим мечом Черное Пламя, и шестнадцатилетний Мейегор стал самым молодым рыцарем Семи Королевств.

За сим подвигом последовали другие. В 29 и 30 годах Мейегор вместе с Осмундом Стронгом и Эйетаном Веларионом умирал на Ступенях лиссенийского пирата Саргозо Саана, проявив себя бесстрашным и грозным воином, в 31-м выследил и убил в речных землях знаменитого рыцаря-разбойника, прозванного Великаном с Трезубца.

Своего дракона у него, впрочем, не было. За эти годы среди подземных огней Драконьего Камня вывелось с полдюжины детенышей, но Мейегор всех их отверг. Столичный люд дивился тому, что юная Рейена начала летать прежде своего дяди. Алисса при дворе как-то заметила в

шутку, что ее деверь не иначе как побаивается драконов. Мейегор, потемнев от гнева, ответил, что на свете есть лишь один дракон, достойный его.

Последние семь лет Эйгона Завоевателя прошли мирно. После неудачных Дорнских войн король не покушался более на независимость Дорна; в десятую годовщину мира он полетел на Балерионе в Солнечное Копье, дабы отпраздновать этот день на «пиру дружбы» с Дарией Мартелл, принцессой Дорнийской. Эйенис на Ртути сопровождал его, Мейегор оставался у себя на Драконьем Камне. В 33 году королю минуло шестьдесят, и Эйгон, скрепивший свое государство огнем и кровью, обратился к кирпичу и известке.

Полугодовые поездки по стране совершали теперь Эйенис и Алисса; стареющий король оставался дома, деля свое время между Королевской Гаванью и Драконьим Камнем.

Рыбачья деревня, где он высадился когда-то, разрослась в большой город, вмещавший в то время сто тысяч душ. Величиной Королевская Гавань уступала лишь Староместу и Ланниспорту, но грязью, зловонием и беспорядочностью до сих пор походила на громадный военный лагерь, а Эйгонфорт, занимавший половину холма Эйгона, почитался самым уродливым замком Семи Королевств. Постройки его, глинобитные и деревянные, давно уже выплеснулись за старые палисады.

Эйгон понимал, что такая обитель недостойна великого короля. В 35 году он перебрался со всем двором назад на Драконий Камень, повелев снести Эйгонфорт и воздвигнуть новый каменный замок на его месте. Наблюдать за строительством он поручил деснице, лорду Алину Стокворту (сир Осмунд Стронг скончался в прошлом году), и королеве Висень. При дворе ходила шутка, что король доверил королеве строительство Красного Замка, чтобы убрать ее с Драконьего Камня.

Король Эйгон умер от удара на Драконьем Камне в 37 году от Завоевания. Случилось это в Палате Расписного Стола, где король показывал внукам Эйгону и Визерису карту своих владений. Принц Мейегор, тоже бывший в то время на острове, прочел заупокойную молитву над телом отца, и короля, облаченного в боевые доспехи, возложили на погребальный костер: в доме Таргариенов покойников сжигали, а не предавали земле. В кольчужных дланях король держал свой меч Черное Пламя. Костер зажег Вхагар, дракон королевы. После сожжения Мейегор снял с костра меч, ибо обычный огонь не вредит валирийской стали: она стала лишь чуть темнее.

Король-Дракон оставил после себя Висенью, сестру свою и жену, двух сыновей и пять внуков. Принцу Эйенису в ту пору минуло тридцать лет, принцу Мейегору – двадцать пять.

Эйенис был в Хайгардене, когда умер отец, но успел на погребение благодаря Ртути. Похоронив отца, он возложил на себя стальную, украшенную рубинами корону Завоевателя, и великий мейстер Гавен провозгласил его Эйенисом из дома Таргариенов, первым этого имени, королем андалов, ройнаров и Первых Людей, лордом Семи Королевств и Хранителем Государства. Лорды, рыцари и септоны, что съехались на Драконий Камень, поочередно преклоняли колена. Когда пришла очередь Мейегора, Эйенис поднял его, расцеловал и сказал: «Больше тебе не нужно преклонять предо мною колена, брат. Государством мы будем править совместно. – С этими словами он вручил Мейегору меч Черное Пламя, добавив: – Ты более его достоин, чем я. Служи им своему королю, и мы оба будем довольны».

(Поступив так, Эйенис, как показали позднейшие события, совершил весьма неразумный шаг. Королева Висенья уже одарила сына Темной Сестрой; Мейегор, владевший теперь обоими валирийскими мечами дома Таргариенов, носил отныне одно лишь Черное Пламя, Темная же Сестра праздно висела в покоях его на Драконьем Камне.)

Засим новый король отплыл в Королевскую Гавань, где торчал среди куч грязи и щебня Железный Трон. Эйгонфорт уже снесли, холм изрыли котлованами под будущие подвалы, но Красный Замок пребывал пока в зачаточном состоянии. Тысячи горожан, тем не менее, пришли восславить короля Эйениса, воссевшего на отцовский престол.

После этого король отправился в Старомест, дабы заручиться благословением верховного септона. На Ртути он мог бы совершить это путешествие за несколько дней, но предпочел ехать по земле в сопровождении трехсот конных рыцарей и многочисленной челяди. Рядом с ним ехали королева Алисса и трое старших детей. Четырнадцатилетняя Рейена похищала сердца молодых рыцарей, принцу Эйегону было одиннадцать, принцу Визерису восемь. Джей-ехериса и Алисанну, слишком маленьких для столь долгой поездки, оставили на Драконьем Камне. Королевский кортеж проехал на юг, до Штормового Предела, и двинулся на запад через Дорнские Марки, останавливаясь в каждом попутном замке. (Возвращаться было решено через Хайгарден, Ланниспорт и Риверран.)

Народ стекался к тракту, приветствуя короля, королеву и королевских детей. Юным принцам очень нравились и восторженные крики, и забавы, которые устраивали для них лорды в замках, Рейена же по старой привычке замкнулась в себе. «Принцесса, – записал в Штормовом Пределе мейстер Ориса Баратеона, – всем своим видом показывает, что всё ей здесь не по нраву. К кушаньям она почти не притрагивается, ни с собаками, ни с соколами охотиться не желает. Когда же ее попросили спеть (голос у нее, по слухам, очень красивый), она отказалась наотрез, весьма неучтиво, и удалилась в свои покои». Более всего Рейену угнетала разлука с Огненной Мечтой и недавней подругой, рыжеволосой Мелони Пайпер с речных земель. Королева Алисса, видя это, послала за леди Мелони, и принцесса сразу повеселела.

Верховный септон в Звездной септе помазал Эйениса елеем, как прежде его отца, и увенчал золотой короной с ликами Семерых из нефрита и жемчуга. Однако в то самое время, когда король получал благословение Хранителя Веры, многие уже сомневались, достоин ли он сидеть на Железном Троне. Вестеросу нужен воин, а не мечтатель, говорили они; Эйегон оставил двух сыновей, и Мейегор сильней Эйениса. Партию противников нового короля возглавляла мать Мейегора, вдовствующая королева Висенья. «Это ясно даже самому Эйенису, – будто бы говорила она. – Зачем бы иначе он отдал Черное Пламя моему сыну? Он понимает, что Мейегор будет более достойным правителем».

Способности молодого короля подверглись испытанию раньше, чем ожидалось. Завоевательные войны оставили шрамы по всему Вестеросу. Подросшие сыновья рвались отомстить за павших отцов. Рыцари вспоминали дни, когда воин, имевший коня и доспехи, мечом прорубал себе путь к богатству и славе. Лорды тосковали о временах, когда могли без королевского раз-

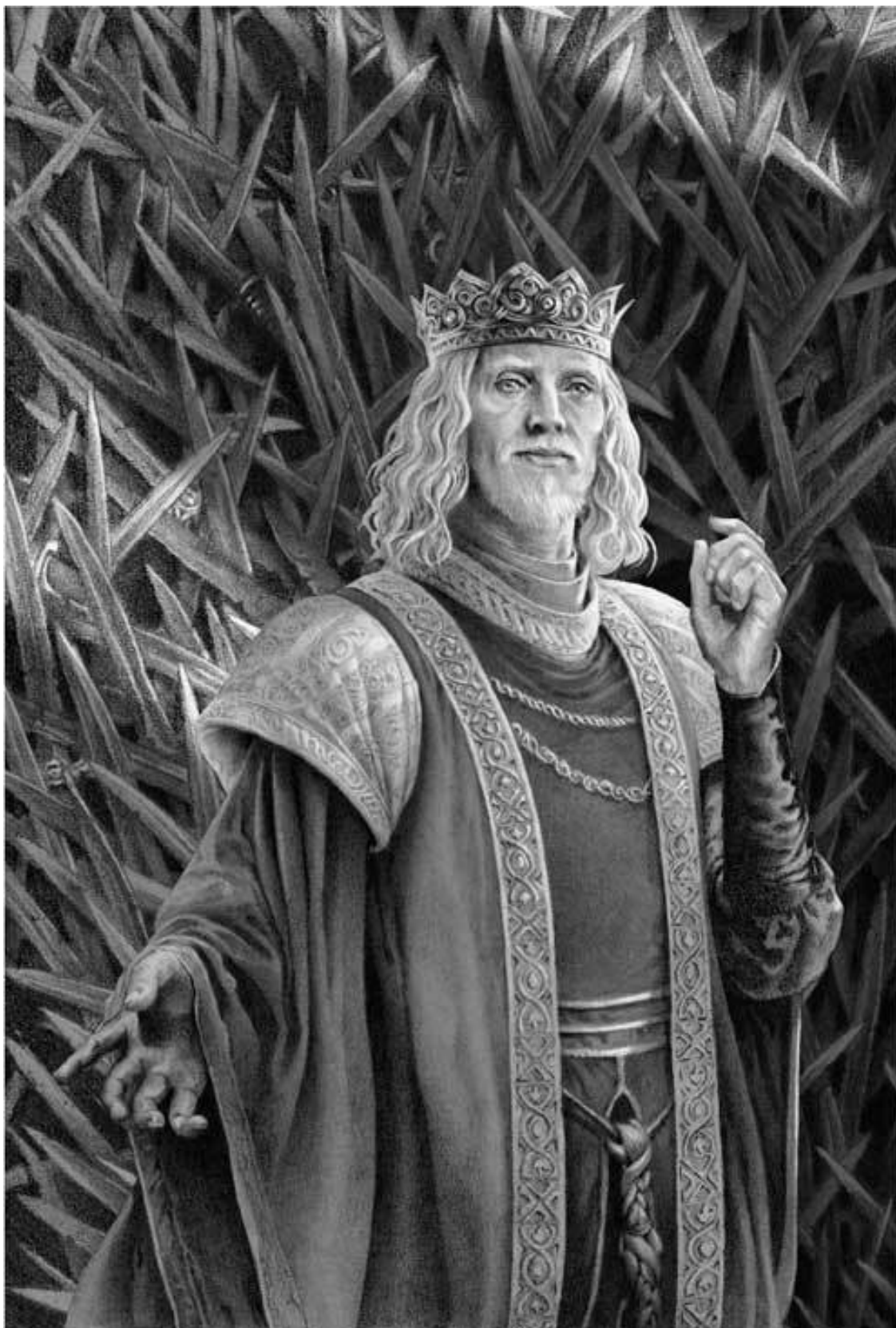
решения облагать своих подданных налогами и разделяться с врагами. «Цепи, выкованные Драконом, можно порвать, – шептались меж собой недовольные. – Мы можем вернуть себе отнятые свободы, но действовать нужно незамедлительно, пока трон занимает слабый король».

Первые ростки мятежа взошли в речных землях, среди колоссальных руин Харренхолла. Эйегон пожаловал замок сиру Квентону Квохорису, своему старому мастеру над оружием. В 9 году ОЗ лорд Квохорис упал с коня и погиб, передав титул своему внуку Гаргону, толстому и глупому любителю юных девиц по прозвищу Свадебный Гость: он посещал все свадьбы в своих владениях с тем, чтобы воспользоваться правом первой ночи. С женами и дочерьми своих слуг Гаргон также не церемонился.

Король Эйенис гостил в Риверране у лорда Талли, когда отец обесчещенной Гаргоном девушки открыл замковую калитку разбойнику Харрену Рыжему, объявлявшему себя внуком Харрена Черного. Разбойники вытащили лорда из постели и отволокли в богорощу, где Харрен отсек и скормил собакам его мужское достоинство. Немногих стражников, оставшихся верными Гаргону, перебили, остальные примкнули к Харрену, провозгласившему себя лордом Харренхолла и Речным Королем (на Железные острова он, не будучи железнорожденным, не претендовал).

Когда в Риверране узнали об этом, лорд Талли стал убеждать короля сесть на дракона и спалить мятежный замок, как прежде его отец. Но Эйенис, возможно памятуя гибель своей матери в Дорне, не полетел в Харренхолл. Он приказал Талли созвать знамена и выступил, лишь набрав тысячное войско, однако в Харренхолле не нашел никого, кроме мертвых: Харрен, предав мечу верных слуг лорда Гаргона, скрылся в лесах.

По возвращении в Королевскую Гавань Эйениса ждали еще худшие вести. Джонос Аррен, сместив и взяв под стражу своего брата, законного лорда Роннела, объявил себя Королем Горы и Долины. На Железных островах из моря вышел очередной король-жрец, именующий себя Лодосом Дважды Тонувшим, сыном Утонувшего Бога, загостившимся в водных чертогах отца. В Красных горах Дорна объявился Король-Стервятник, призвавший всех истых дорнийцев отомстить за обиды, причиненные Дорну Таргариенами. Принцесса Дерия отреклась от него, заверяя, что Дорн не желает ничего, кроме мира, но многие тысячи дорнийцев стеклись под его знамена и начали по козым тропам проникать на Простор.

«Стервятник сей наполовину безумен, а войско его всего лишь немый сброд, – писал королю лорд Хармон Дондаррион. – Мы чуем их за пятьдесят лиг». Вскоре названный сброд захватил его замок Черная Гавань. Король-Стервятник собственноручно отрезал лорду Хармону нос, предал замок огню и ушел.

Король Эйенис, понимая, что все эти мятежи следует подавить, не знал, очевидно, с чего начать. Великий мейстер Гавен пишет, что король, воображавший, будто народ его любит, пребывал в полной растерянности. Джонос Аррен, новый Лодос, Король-Стервятник... что он им сделал? Отчего они не пришли к нему со своими обидами? Он охотно бы выслушал их. Эйенис подумывал о переговорах с мятежниками, желая узнать о причинах их недовольства. Жenu и детей он отправил на Драконий Камень, опасаясь, как бы Харрен Рыжий не нагрязнул в Королевскую Гавань. Деснице лорду Алину Стокворту было приказано выступить с армией и флотом в Долину, чтобы свергнуть Джоноса и восстановить в правах лорда Роннела, но накануне отплытия король отменил приказ, не желая оставлять столицу без всякой защиты. Десницу с несколькими сотнями воинов отрядили на охоту за Харреном, а решение судьбы прочих бунтовщиков король Эйенис хотел предоставить Большому совету.

Пока король медлил, лорды его вышли в поле. Одни действовали по собственному почину, другие с согласия королевы Висеньи. Аллард Ройс из Рунстона, собрав с полсотни других верных лордов, пошел на Гнездо и с легкостью разбил приспешников самозванного Короля Горы и Долины, но Роннела спасти не успел: Джонос выбросил брата в Лунную Дверь. Таков был печальный конец Роннела Аррена, трижды облетевшего вокруг Копья Гиганта верхом на драконе. Орлиное Гнездо невозможно взять обычными средствами, и Джонос с горсткой оставшихся у него людей приготовился к долгой осаде, но тут с неба спустился Балерион, неся на себе Мейегора. Сын Завоевателя наконец выбрал себе дракона, и был это не кто иной, как сам Черный Ужас.

При виде его мятежники тут же сдались и отправили самозванца в Лунную Дверь вслед за братом, но от смерти это их не избавило: Мейегор казнил всех до единого. Даже самых родовитых он не удостоил меча, сказав, что предатели заслуживают только веревки, и развесил рыцарей нагими на стенах замка. Лордом Долины он поставил Губерта Аррена, кузена погибших братьев. Тот имел от своей леди-жены Ройс из Рунстона шестерых сыновей, и угасание дому Арренов не грозило.

На Железных островах против Лодоса Второго выступил Горен Грейджой, Лорд-Жнец с Пайка. С сотней ладей он отплыл на Старый и Большой Вики, где сторонники самозванного короля были наиболее многочисленны, тысячи их предал мечу и послал в Королевскую Гавань засоленную голову Лодоса. Эйенис так обрадовался подарку, что обещал исполнить любое желание лорда Грейджоя. Тот, как истый сын Утонувшего Бога, попросил убрать всех септонов и септ, приехавших на острова после Завоевания, и королю пришлось согласиться.

Однако Король-Стервятник, самый грозный из всех мятежников, все еще бесчинствовал в Дорнских Марках. Принцесса Дерия по-прежнему от него отрекалась, но многие подозревали, что она ведет двойную игру, ибо сама против Стервятника не выходит и даже, по слухам, снабжает его людьми, припасами и деньгами. Правда то была или нет, но к Стервятнику прикнули сотни дорнийских рыцарей и тысячи ветеранов-копейщиков. Войско его раздулось до тридцати тысяч воинов; Стервятник, не в силах прокормить столь большую рать, разделил ее надвое, что и погубило его. Одну половину он повел на запад, к Ночной Песне и Рогову Холму, другая, во главе с лордом Уолтером Вайлом, сыном Вдоволюба, двинулась на восток и осадила Стонхельм, усадьбу дома Сваннов.

Оба войска вскоре были разгромлены. Орис Баратеон, известный ныне как Однорукий, выступил из Штормового Предела в свой последний поход и разбил дорнийцев под стенами Стонхельма. Когда к нему привели израненного лорда Уолтера, Орис сказал ему: «Твой отец забрал мою руку, а я в ответ заберу твою». С этими словами он отсек пленному правую руку, а после левую и обе ступни, прибавив, что получит свое с лихвой. На обратном пути в Предел лорд Баратеон умер от ран, полученных им самим – умер довольным, по словам его сына Давоса, с улыбкой глядя на отрубленные руки и ноги, повешенные в его шатре наподобие связки лука.

Судьба самого Стервятника была едва ли завиднее. Видя, что Ночную Песнь взять не удастся, он снял осаду и пошел дальше на запад, но леди Карон устремилась вслед за ним и соединилась с сильным марочным войском, которое возглавил Хармон Дондаррион, безносый лорд Черной Гавани. Навстречу же дорнийцам внезапно вышел Сэмвел Тарли, лорд Рогова Холма, с несколькими тысячами рыцарей и лучников. Свирепый Сэм, как его называли, оправдал свое прозвище в скорой кровавой битве, зарубив десятки дорнийцев своим валирийским мечом Губитель Сердец. У Стервятника было вдвое больше людей, чем у всех трех его противников, вместе взятых, однако недисциплинированная и необученная орда недолго продержалась в кольце конных рыцарей. Дорнийцы, побросав щиты и копья, пустились бежать к далеким горам, но марочные лорды нагоняли и убивали их. Охотой на Стервятника прозвали этот поход.

Самого Короля-Стервятника взяли живым, и Сэм Тарли привязал его, раздетого донага, к двум столбам. Стервятники, если верить певцам, и растерзали его, на самом же деле он умер от голода, жажды и зноя, а птицы склевали его уже после смерти. В последующие века титул Короля-Стервятника примеряли на себя и другие, но никто не знает, были ли они одного рода с первым. Его смерть считают концом Второй Дорнской войны, но именовать так мятеж Стервятника едва ли верно, ибо дорнийские лорды в нем не участвовали, а принцесса Дерия не желала признавать самозванца.

Первый мятеж усмирили последним. Харрен Рыжий, прижатый к западному берегу Божьего Ока, не сдался без боя и убил в схватке королевского десницу лорда Алина Стокворта, но оруженосец последнего, Бернарр Брюн, убил его самого. Благодарный король Эйенис посвятил Брюна в рыцари, а Давоса Баратеона, Сэмвела Тарли, Безносого Дондарриона, Эллина Карон, Алларда Ройса и Горена Грейджоя вознаграждал золотом и почетными должностями. Наипаче был возвеличен принц Мейегор: по возвращении в Королевскую Гавань его встретили как героя. Эйенис обнял брата на глазах ликующих горожан и наименовал своим новым десницей. В конце того года на Драконьем Камне вывелись еще двое детенышей, и это сочли добрым знаком, но дружба между сынами Короля-Дракона длилась недолго.

Расхождение было скорее всего неизбежно, уж очень разнились во всем эти братья. Добрый, мягкосердечный король Эйенис, по отзывам людей того времени, любил свою жену, детей и весь свой народ, желая единственно, чтобы и его любили в ответ. Окончательно забросив меч и копье, его величество увлекался алхимией, астрономией, астрологией, обожал музыку и танцы, одевался в шелк и бархат, окружал себя мастерами, септонами и мудрецами всякого рода.

Иное дело Мейегор. Необычайно сильный, выше брата и шире в плечах, он жил только войной и турнирами. Его справедливо признавали одним из лучших рыцарей Вестероса, но его свирепость на поле брани и суровость к побежденным врагам незамеченными также не оставались. Эйенис всем угождал и всякий раздор старался решить добрым словом, Мейегор сразу же откликался огнем и сталью. Эйенис, как пишет великий мастер Гавен, верил всем, Мейегор – никому. Эйенис легко поддавался чужому влиянию и колебался, словно тростник на ветру, не зная, которому совету последовать; Мейегор был непоколебим, как железный столп.

Несмотря на все эти различия, братья согласно правили вместе почти два года. В 39-м королева Алисса подарила королю еще одну дочь, Вейеллу, которая, к несчастью, умерла в колыбели. Возможно, как раз это доказательство того, что королева еще способна иметь детей, и подвигло Мейегора на роковое решение. Принц, поразив короля и все государство, объявил, что Сериса бесплодна и потому он берет себе вторую жену – Алис Харроуэй, дочь нового владетеля Харренхолла. Свадьба состоялась на Драконьем Камне с полного согласия королевы Висеньи. Замковый септон отказался свершить обряд, и молодые соединились по валирийскому обычаю, «огнем и кровью».

Произошло это без позволения, ведома и присутствия короля Эйениса. Узнав о незаконной свадьбе, король рассорился с братом. Он был не одинок в своем гневе: отец Серисы лорд Хайтауэр заявил о своем недовольстве и потребовал, чтобы принц удалил от себя леди Алис. Верховный септон пошел еще дальше: он заклеил второй брак Мейегора как прелюбодейственный, а невесту именовал «харроуэйской блудницей». Ни один истинный сын или дочь Семерых не признает ее законной супругой, возглашал он. Принц Мейегор отвечал на это, что отец его был женат на двух своих сестрах и что кровью дракона Септа распоряжаться не вправе. Никакие старания Эйениса не могли отменить этих слов. Благочестивые лорды по всему Вестеросу осуждали как двоеженца, так и «его блудницу».

Разгневанный король поставил брата перед выбором: вернуться к леди Серисе или отправиться в изгнание на пять лет. Мейегор выбрал изгнание и в 40 году отбыл в Пентос, взяв с собой леди Алис, дракона Балериона и меч Черное Пламя. Говорили, будто Эйенис приказал ему вернуть меч, а принц ему ответил: «Отберите его у меня сами, государь». Покинутая леди Сериса осталась жить в Королевской Гавани.

Взамен брата король назначил десницей септона Мармизона, слывшего чудотворным целителем. По распоряжению короля Мармизон еженощно возлагал руки на чрево леди Серисы: Эйенис надеялся, что брат раскается в своем безумстве, узнав, что законная его жена способна рожать. Но Серисе этот обряд наскучил, и она вернулась к отцу в Старомест. Можно не сомневаться, что такой выбор король совершил в надежде умиротворить Септу, однако этого не случилось. Исцелить государство Мармизон был способен не более, чем сделать плодотворной Серису Хайтауэр. Верховный септон продолжал метать громы и молнии, а лорды в своих замках повторяли, что король слаб: куда-де такому править Семью Королевствами, если он даже с младшим братом не может сладить.

Король же как будто не замечал всеобщего недовольства. В стране воцарился мир, шкодливый братец благополучно убрался за Узкое море, и на холме Эйегона подрастал новый замок. Строился он из красного камня, за что и получил свое название. Новая резиденция короля обещала стать роскошнее Драконьего Камня, красивее Харренхолла, а мощные стены, башни и барбиканы могли выдержать любую осаду. Эйенис был прямо-таки одержим возведением замка и говорил, что его потомки будут в нем править тысячу лет. Мечта об оных потомках привела его к роковой ошибке: в 41 году Эйенис вручил руку своей дочери Рейены ее родному брату Эйегону, наследнику Железного Трона.

Принцессе было восемнадцать, принцу пятнадцать. Они дружили между собой с детских лет. Своим драконом Эйегон так и не обзавелся, но часто летал с сестрой на ее Огненной Мечте. Стройный и красивый, он рос все выше, как молодое деревце – многие говорили, что дед его в юности был точно таким же. Прослужив три года в оруженосцах, он хорошо владел топором и мечом и слыл лучшим копейщиком среди всей молодежи Вестероса. Многие юные девы заглядывались на принца, и он не оставался равнодушным к их чарам. «Если принца не женят вскорости, – писал в Цитадель великий мейстер Гавен, – у его величества может появиться незаконный внучок».

У принцессы Рейены также было много поклонников, но она, в отличие от брата, никому не отвечала взаимностью. Время она предпочитала проводить с братьями, сестрой, любимыми кошками и собаками и новой подругой Алейной, дочерью лорда Ройса из Рунстона. Принцесса так привязалась к этой толстушке, что даже на драконе ее катала, но куда чаще поднималась в небо одна. На семнадцатом году она объявила себя взрослой девицей, вольной летать куда пожелает.

Огненную Мечту замечали над Харренхоллом, Тартом, Рунстоном, Чаячьим городом. Ходили слухи (ничем, однако, не подкрепленные), что в одном из полетов Рейена отдала цвет своего девичества любовнику низкого рода. Одни говорили, что это был межевой рыцарь, другие – что певец, сын кузнеца, деревенский септон. Из-за этого-де королю и пришлось выдать

дочь замуж как можно скорее. Так или нет, принцесса, безусловно, вошла в брачный возраст: родители ее поженились, будучи тремя годами моложе.

В свете традиций Таргариенов брак между двумя старшими детьми был для короля очевидным выбором. Рейену с Эйегоном, помимо родства, связывала нежная дружба, и никто из них против свадьбы не возражал. Скорее всего они готовились к ней еще со времени своих детских игр на Драконьем Камне и в Эйегонфорте.

Буря, поднявшаяся после объявления о помолвке, застала семью короля врасплох, хотя предвещавшие ее знаки были достаточно ясны для всех, кто имел мудрость читать их. Истинная Вера, закрывавшая глаза на брак Завоевателя с его сестрами, их внукам в снисхождении отказала. Союз меж братом и сестрой Звездная септа объявила кровосмесительным, остерегая, что дети, рожденные от него, будут «мерзостью в глазах богов и людей», и десять тысяч септонов зачитывали этот ордонанс по всем Семи Королевствам.

Эйенис, знаменитый своей нерешительностью, на сей раз заартачился. Королева Висенья советовала ему выбрать одно из двух: либо найти других супругов сыну и дочери, либо сесть на дракона, полететь в Старомест и спалить Звездную септу вместе с верховным септоном. Король не сделал ни того ни другого, но настоял на своем.

В день свадьбы на улицах, примыкающих к Памятной септе – предыдущий верховный септон воздвиг ее в честь погибшей королевы на холме Рейенис, – выстроились в горячей серебряной броне Сыны Воина, провожая мрачными взглядами гостей, следующих мимо пешком, верхом и в носилках. Наиболее благоразумные лорды сочли за благо не приезжать вовсе.

На свадебном пиру король совершил новый промах, передав титул принца Драконьего Камня своему наследнику Эйегону. При этих словах в чертоге настала мертвая тишина, а королева Висенья встала из-за высокого стола и удалилась без позволения Эйениса. В ту же ночь она верхом на Вхагаре вернулась в свой замок Драконий Камень. В летописи сказано, что луна, когда дракон пролетал мимо, стала красной, как кровь.

Эйенис между тем как будто не понимал, что восстановил против себя все Семь Королевств. Полагая, что простой народ любит его по-прежнему, он отправил Эйегона и Рейену в свадебное путешествие по стране. Принцесса, будучи, как видно, умнее отца, попросила позволения взять с собой Огненную Мечту. Король отказал; он опасался, что принца сочтут трусом и неженкой, видя его на коне, а жену его на драконе.

Скоро выяснилось, что король недооценивал как благочестие своих подданных, так и силу слов верховного септона. Кортёж принца и принцессы освистали в первый же день. Ни один септон в Девичьем Пруду не согласился благословить пир, устроенный в их честь лордом Моутоном. Лорд Лукас Харроуэй заявил, что не впустит новобрачных к себе в Харренхолл, пока они не признают его дочь Алис законной супругой своего дяди. Те отказались; любви это им не прибавило, а ночь, холодную и сырую, пришлось провести в шатрах под стенами замка. В одной деревне речных земель Честные Бедняки забросали августейшую чету грязью; принц Эйегон обнажил против дерзких меч, но собственные рыцари его удержали, ибо крестьян было куда больше, чем свиты. Рейена же, подъехав к обидчикам, сказала им так: «Принцесса на коне, я вижу, вас не пугает. В другой раз я прилечу на драконе, вот тогда и кидайтесь грязью».

Положение ухудшалось день ото дня. Септона Мармизона, совершившего брачный обряд, отлучили от веры, и король написал верховному септону с просьбой вернуть сан «моему доброму Мармизону»: в древней Валирии-де браки между братьями и сестрами были приняты повсеместно. Ответ верховного септона был столь уничижителен, что Эйенис побледнел, читая его. Его святейшество, адресуя свое письмо «Гнуснейшему королю», объявлял Эйениса тираном и отказывал ему в праве занимать трон.

Праведные вняли голосу своего пастыря. Недели через две, когда септон Мармизон ехал по городу в носилках, из переулка выскочили Честные Бедняки и топорами изрубили его на куски. Сыны Воина тем временем укрепляли холм Рейенис, превращая Памятную септу в свою

цитадель. Красный Замок был еще далек от завершения, и король, сочтя свое обиталище на холме Висеньи чересчур уязвимым, собрался перебраться с королевой и младшими детьми на Драконий Камень. Решение оказалось мудрым: за три дня до отплытия Честные Бедняки перелезли через стену усадьбы и ворвались в королевскую опочивальню. Лишь своевременное вмешательство сира Реймонта Баратеона из Королевской Гвардии спасло короля от смерти.

Холм Висеньи Эйенис сменил на саму Висенью. Она встретила его на берегу знаменитой речью:

«Ты глупец и тряпка, племянник. Посмел бы кто-нибудь говорить так с твоим отцом! У тебя есть дракон; садись на него, лети в Старомест и преврати Звездную септу во второй Харренхолл. Сам не хочешь, так мне позволь: я охотно поджарю за тебя тушку святого отца. Вхагар стареет, но огонь его все так же горяч».

Эйенис не послушал тетку и предписал ей жить в башне Морского Дракона, никуда оттуда не выходя.

К концу 41 года против короля восстала чуть ли не вся страна. Четыре мнимых короля, заявивших о себе сразу после смерти Эйегона Завоевателя, казались малыми детьми по сравнению с этой новой угрозой: нынешние повстанцы почитали себя солдатами Семерых, ведущими священную войну против безбожных тиранов. Десятки лордов по всему Вестеросу спускали королевские флаги и становились под знамя Звездной септы. Сыны Воина охраняли все ворота Королевской Гавани, решая, кому войти в столицу и кому выйти. Строительство Красного Замка прервали, разогнав всех рабочих. Честные Бедняки перекрывали дороги, требуя у путников отчета, за кого те стоят – за веру или за порождение зла. Они же толпились у ворот замков, пока их лорды не отрекались публично от Таргариена. Принц и принцесса, прервав свою поездку, укрылись в замке Кракехолл. Посол Железного банка, приехавший в Старомест для переговоров с Мартином Хайтауэром, новым лордом Высокой Башни и Голосом Староместа (лорд Манфред, отец Мартина, скончался несколькими лунами ранее), писал в Браавос, что верховный септон есть «истый король Вестероса во всем, кроме имени».

Новый год застал короля Эйениса все на том же Драконьем Камне, больного страхом и нерешительностью. В тридцать пять лет от роду он казался шестидесятилетним старцем и страдал, по словам великого мастера Гавена, поносом и спазмами в животе. Королева Висенья, видя, что мастерские средства не помогают, взялась ухаживать за королем самолично. Эйенису как будто сделалось лучше, но тут пришла весть, что замок Кракехолл, где нашли убежище его дети, осажден толпами Честных Бедняков. Король, услышав об этом, скончался три дня спустя.

Эйениса Таргариена, как и его отца, сожгли во дворе замка Драконий Камень. На погребении присутствовали его сыновья Визерис, двенадцати лет, Джейехерис, семи лет, и пятилетняя дочь Алисанна. Королева Алисса пропела смертную песнь. Погребальный костер зажег Ртуть, дракон покойного короля; по некоторым свидетельствам, ему помогали в этом Серебрякрылый и Вермитор.

Королева Висенья через час после кончины племянника села на Вхагара, улетела на восток, за Узкое море, и вернулась с сыном своим Мейегаром верхом на Балерионе.

На Драконьем Камне Мейегор остановился лишь затем, чтобы надеть корону – не золотую с ликами Семерых, а отцовскую из валирийской стали с рубинами. Корону на него возложила мать, и принц в присутствии многих лордов и рыцарей провозгласил себя Мейегором из дома Таргариенов, первым этого имени, королем андалов, ройнаров и Первых Людей, лордом Семи Королевств и Хранителем Государства.

Один лишь великий мастер Гавен осмелился подать голос против. Согласно закону о престолонаследии, принятому самим Завоевателем, Железный Трон должен перейти к Эйегону, старшему сыну Эйениса, сказал престарелый мастер. «Железный Трон перейдет к тому, кто может его удержать», – ответил Мейегор и тут же казнил Гавена, отделив его седую голову

от туловища одним ударом Черного Пламени. Королевы Алиссы с детьми на коронации не было. Сразу же после сожжения тела Эйениса они отплыли в замок ее лорда-отца на Дрифт-марке. Мейегор, узнав об этом, пожал плечами и отправился со своим мастером в Палату Расписного Стола диктовать письма лордам Вестероса, великим и малым.

В тот день из замка вылетели сто воронов, а назавтра в воздух поднялся сам Мейегор. Сопровождаемый матерью верхом на Вхагаре, он пересек Черноводный залив. Сотни жителей Королевской Гавани, завидев в небе драконов, бросились прочь из города, но все ворота были заперты наглухо. Сыны Воина готовились оборонять городские стены, недостроенный Красный Замок и Памятную септу на холме Рейенис, Таргариены же подняли свой штандарт над холмом Висеньи и призвали к себе всех верных сторонников. На зов откликнулись тысячи. Отныне их король Мейегор, объявила Висенья. «В нем течет подлинная кровь Эйегона Завоевателя, брата моего, возлюбленного и мужа. Всякий, кто хочет оспорить его право на престол, пусть выйдет против него с оружием».

Сыны Воина не замедлили ответить на вызов. Семьсот рыцарей в серебристой броне спустились с холма Рейенис во главе с капитаном сиром Дамонем Морригеном по прозвищу Дамон Верный. «Не будем тратить слов, пусть дело решат мечи», – сказал ему Мейегор. Сир Дамон, убежденный, что боги даруют победу правому делу, согласился, сказав: «Выставим каждый по семь бойцов, как делалось когда-то в Андалосе. Найдется ли у тебя шесть соратников?» Королевская Гвардия Эйениса осталась на Драконьем Камне, и Мейегор был один.

«Кто хочет сразиться вместе со своим королем?» – спросил он, обращаясь к толпе. Все сделали вид, что не слышат, ибо доблесть Сынов Воина была всем известна. Вызвался только один человек – не рыцарь, а простой латник по имени Бобовый Дик. «Я всю жизнь был солдатом короля, им и умру», – сказал он.

Лишь тогда вышел вперед первый рыцарь. «Этот бобовый стручок нас всех посрамил, – вскричал он. – Неужто здесь не осталось истинных рыцарей?» Был это не кто иной, как Бернарр Брюн, убивший Харррена Рыжего и посвященный в рыцари самим королем Эйенисом. Пристыженные им воины начали откликаться. Имена четверых, отобранных Мейегором, навсегда вписаны в историю Вестероса: сир Брамм из Чернолодья, межевой рыцарь; сир Рейфорд Росби; сир Гай Лотстон, он же Гай-Обжора; сир Люсифер Масси, лорд Плясунов.

Имена семерых Сынов Воина также известны: сир Дамон Морриген (Дамон Верный), капитан ордена; сир Лайл Бракен; сир Харис Хорп по прозвищу Харри Мертвая Голова; сир Эйегон Амброз; сир Дикон Флауэрс, Бастард из Медовой Рощи; сир Виллем Скиталец; сир Гарибальд Семизвездный, рыцарь-септон. Дамон Верный, как гласит летопись, прочел молитву, прося Воина даровать силу правым, королева Висенья дала знак, и бой начался.

Первым пал Бобовый Дик, сраженный Лайлом Бракеном пару мгновений спустя, но после этого ничего нельзя утверждать достоверно. В одной летописи сказано, что из вспоротого живота Гая-Обжоры вывалилось сорок непереваренных пирогов; в другой читаем, что сир Гарибальд Семизвездный сражался, распевая при этом гимн. Несколько очевидцев пишут, что лорд Масси отсек Харри Харпу руку; по словам одних, Харп перекинул свой боевой топор в левую и вогнал его Масси между глаз, по словам других, он погиб на месте. Битва то ли длилась несколько часов, то ли закончилась очень скоро. Все, однако, согласны с тем, что бойцы дрались доблестно, и вот Мейегор остался один против Дамона Верного и Виллема Скитальца. Король бился Черным Пламенем, и оба его противника были тяжело ранены, но жизнь его, в чем сходятся и певцы и мастера, висела на волоске. Сир Виллем, уже падая, нанес ему страшный удар по голове. Все думали, что Мейегору конец, но Висенья, сняв с сына разбитый шлем, воскликнула: «Король жив!»

Итак, победа осталась за Мейегором. Когда семь лучших Сынов Воина пали мертвыми, семьсот оставшихся пали на колени, признав свое поражение. Королева Висенья, распорядившись отнести сына к мастерам, приказала им вернуться в свою крепость на вершине холма.

Двадцать семь дней Мейегор находился между жизнью и смертью. Мейстеры потчевали его зельями и лечили припарками, септоны молились у его ложа. Сыны Воина в Памятной септе тоже молились и спорили, как им быть дальше. Одни говорили, что орден должен признать Мейегора королем, ибо боги даровали победу ему; другие возражали, что клятва, данная верховному септону, обязывает их продолжать борьбу.

Тем временем с Драконьего Камня прибыла Королевская Гвардия. По приказу королевы Висеньи белые рыцари, возглавив сторонников дома Таргариенов, окружили холм Рейенис. В ту же пору вдовствующая королева Алисса на Дрифтмарке объявила сына своего Эйегона подлинным королем Вестероса, но поддержали ее немногие. Эйегон, которому оставался еще год до совершеннолетия, сидел в Кракехолле, окруженный толпами Честных Бедняков и простых крестьян, видевших в нем порождение зла.

Архимейстеры Цитадели собрали конклав для обсуждения, кто должен унаследовать трон, и выбрали нового сенешаля. Тысячи Честных Бедняков двинулись на Королевскую Гавань. Тех, что шли с запада, возглавлял межевой рыцарь сир Хорис Хилл; тех, что с юга, – гигантского роста воин с боевым топором по прозвищу Уот-Рубака. Когда толпы, ставшие лагерем у замка Кракехолл, ушли с остальными, Эйегон и Рейена смогли наконец покинуть свое убежище и перебрались в Бобровый Утес под защиту лорда Лимана Ланнистера. Жена его леди Иокаста, как пишет мейстер лорда Лимана, первая догадалась, что принцесса носит дитя.

На двадцать восьмой день после Испытания Семерых в столицу пришел с вечерним приливом корабль из Пентоса. Алис из дома Харроуэев, вторая жена Мейегора, привезла с собой шестьсот наемников и одну женщину, бледную красавицу с иссиня-черными волосами. Называлась она Тианной из Башни; одни полагали ее наложницей Мейегора, другие – любовницей самой леди Алис. Тианна, внебрачная дочь пентошийского магистра, была плясуньей в таверне, прежде чем выбилась в куртизанки. Ходили слухи, что она к тому же колдунья и отравительница. О ней рассказывали много всяких историй, но королева Висенья сразу же отставила всех мейстеров и септонов, поручив сына заботам одной Тианны.

Король очнулся на следующее же утро с восходом солнца. Народ восторженно приветствовал Мейегора, вышедшего на стену Красного Замка с Алис Харроуэй и Тианной из Пентоса, но радостные крики скоро утихли. Король, сев на Балериона, полетел к холму Рейенис, где собрались на утреннюю молитву Сыны Воина. Дракон поджег Памятную септу, а стоявшие наготове копейщики с лучниками добивали тех, кто вырывался наружу. Говорят, что вопли горящих заживо разносились по всему городу, и долго еще над Королевской Гаванью стояла дымная пелена. Так встретили свою смерть наилучшие из Сынов Воина. В Староместе, Ланниспорте, Чаячьем городе и Каменной Септе оставались еще их собратья, но былую силу орден уже не обрел.

Это, впрочем, было лишь началом войны Мейегора с орденами Веры, которая продолжалась все его царствование. Первым делом король приказал Честным Беднякам, идущим на столицу, сложить оружие под страхом опалы и смерти. Те не подчинились, и король повелел «своим верным лордам» выйти в поле и разогнать мятежный сброд силой. Верховный септон в ответ призвал «благочестивых детей богов» не слагать оружия и покончить с правлением «огненных чудищ и порождений греха».

Первая битва состоялась в Просторе, у города Каменный Мост, где шесть лордов взяли в кольцо девять тысяч Честных Бедняков, переходивших Мандер во главе с Уотом-Рубакой. Половина их войска находилась уже на северном берегу, половина оставалась на южном. Необученные бойцы, одетые в вареную кожу, холстину, обломки ржавых доспехов и вооруженные лишь колющими, топорами да вилами, никак не могли выдержать атаку тяжелой рыцарской конницы. Резня учинилась такая, что Мандер покраснел от крови на двадцать лиг, а город стал именоваться не Каменным, а Горьким Мостом. Уота, убившего полдюжины рыцарей (среди

коих был Лоудос из Трав, предводитель королевского войска), взяли живым и в цепях доставили к королю.

Но тут на Большой Зубец реки Черноводной вышел сир Харис Хилл с еще большим войском: около тринадцати тысяч Честных Бедняков, двести конных Сынов Воина из Каменной Септы, а с ними домашние рыцари и ополченцы, присланные дюжиной мятежных лордов западных и речных земель. Последних возглавил лорд Руперт Фалвелл, известный как Воинствующий Дурак; с ним вместе выступили сир Лионель Лорх, сир Алин Террик, лорд Тристифер Уэйн, лорд Джон Лайчестер и многие другие славные рыцари. Всего армия Веры насчитывала двадцать тысяч бойцов.

Королевское войско, примерно такой же величины, имело в своих рядах почти вдвое больше конницы, большой отряд стрелков с длинными луками, и сопровождал его сам король верхом на драконе. Битва, тем не менее, разгорелась жестокая. Воинствующий Дурак убил двух рыцарей Королевской Гвардии, прежде чем лорд Девичьего Пруда сразил его самого. Большой Джон Хогг, боец короля, ослепший от раны, собрал своих людей и прорвал вражескую оборону, обратив Честных Бедняков в бегство. Хлынувший над полем ливень не смог погасить пламя, которое вновь и вновь изрыгал с неба Балерион. К ночи победа осталась за королем; Бедняки, побросав топоры и колья, разбежались куда глаза глядят.

Торжествующий Мейегор вернулся в Королевскую Гавань и снова взошел на Железный Трон. Скованному, но не покорившемуся Уоту-Рубаке король отсек руки и ноги его же собственным топором, но наказал мастерам сохранить ему жизнь, дабы тот «мог отпраздновать мою свадьбу», и объявил, что берет себе третью жену, Тианну из Башни. При дворе шептались, что королева-мать недолюбливает колдунью из Пентоса, но лишь великий мастер Мирес

осмелился возразить королю. «Ваша единственная законная жена ждет вас в Староместе», – сказал он. Мейегор, выслушав его молча, сошел с трона и убил Миреса Черным Пламенем.

Мейегор Таргариен и Тианна из Башни сочетались браком на холме Рейенис, среди пепла и костей Сынов Воина. Говорили, что король предал смерти дюжину септонов, пока кто-то не согласился свершить беззаконный обряд. На церемонии, куда принесли искалеченного Уота-Рубаку, присутствовала также вдова Эйениса Алисса с младшими детьми Визерисом, Джейхерисом и Алисанной. Висенья, прилетев на Дрифтмарк, побудила бывшую королеву вернуться ко двору, где та вместе с братьями и кузенами из дома Веларионов признала Мейегора своим королем. Ее вынудили даже участвовать с другими дамами в провожании и раздевать короля на пути в опочивальню, а заправляла этим Алис Харроуэй, вторая жена. Уложив короля в постель, Алисса и прочие дамы вышли, но Алис осталась на ложе с королем и его новой женой.

Верховный септон в Староместе продолжал обличать «гнусного тирана с его блудницами». Сериса Хайтауэр настаивала на том, что она единственная законная королева, Эйегон Таргариен в западных землях – на том, что он единственный законный король.

Пока Мейегор сражался за трон, Эйегон и ожидавшая ребенка Рейена оставались в Бобровом Утесе. Почти все рыцари и сыновья лордов, выехавшие с ними в злополучное путешествие по стране, покинули их и устремились в Королевскую Гавань, чтобы присягнуть Мейегору. Даже служанки и фрейлины Рейены сочли за благо уехать. Лишь Алейна Ройс осталась при ней, а другая подруга детства, Мелони Пайпер, привела в Ланниспорт своих братьев, и они признали Эйегона своим королем.

Эйегон, всю жизнь полагавший, что займет трон после отца, увидел вдруг, что лишился большинства друзей и сторонников. Приверженцы Мейегора, число коих росло с каждым днем, открыто заявляли, что принц столь же слаб, как и его покойный отец. У него и дракона-то нет, между тем как Мейегор владеет Балерионом, а сестра и жена его летает на Огненной Мечте сызмальства. Присутствие Алиссы на свадьбе Мейегора доказывало, по общему мнению, что даже родная мать отреклась от принца.

Лиман Ланнистер, приютивший молодую чету, не подчинился Мейегору, когда тот потребовал доставить к нему принца с принцессой «не добром, так в цепях», но поостерегся вручить свой меч юноше, коего именовали теперь не иначе как «претендентом» и «Эйегоном Некоронованным».

В Бобровом Утесе принцесса Рейена произвела на свет двух дочерей-близнецов, названных Эйереей и Рейеллой. Звездная септа немедленно объявила малюток исчадиями греха и плодами кровосмешения, проклятыми свыше в самый миг своего рождения. Мейстер Утеса, принимавший роды, пишет, что принцесса молила мужа увезти всю семью за Узкое море – в Мир, Тирош, Волантис, где дядя не смог бы достать их. «Я охотно отдала бы жизнь, чтобы сделать тебя королем, но детьми рисковать не хочу», – говорила она. Но Эйегон, твердо вознамерившись отстаивать свои наследственные права, остался глух к ее мольбам.

Начало 43 года застало Мейегора в Королевской Гавани, где он самолично надзирал над строительством Красного Замка. В отделке и украшении вводились многие перемены, приглашались новые каменщики и ваятели, в глубине Эйегонова холма прокладывались потайные ходы. Вместе с красными башнями возводился и замок внутри замка, окруженный сухим рвом. Позднее он получил название крепости Мейегора.

В том же году Мейегор сделал своим десницей лорда Лукаса Харроуэя, отца королевы Алис, но у кормила государства стоял не он. Король, может, и правит Вестеросом, говорили люди, но им самим правят три королевы: мать Висенья, Алис и пентошійка. Тианну называли мастерицей над шептунами и королевским вороном за черные волосы. Говорили, что крысы, пауки и вся столичная нечисть по ночам стекаются к ней и доносят на тех, у кого достало глупости сказать хоть слово против короля Мейегора.

Честные Бедняки все еще бродили по дорогам и безлюдным местам Простора, Трезубца, Долины. Собраться вместе, чтобы дать королю еще один бой, они более не могли и боролись с ним по-своему: нападали на путников, города, деревни, плохо защищенные замки и всюду истребляли сторонников Мейегора. Сир Харис Хилл спасся из битвы на Большом Зубце, но охотников примкнуть к побежденному нашлось мало, а новые вожаки – Нищий Сайлас, септон Мун, Деннис Хромой – мало чем отличались от разбойничьих атаманов. Особенно свирепствовала женщина по имени Рябая Джейна: добрые люди не отваживались путешествовать через лес между столицей и Штормовым Пределом, где рыскала ее шайка.

Сыны Воина тем временем выбрали себе нового капитана, сира Джоффри Доггета по прозвищу Рыжий Пес из Холмов. Вознамерившись вернуть ордену былую славу, он выехал из Ланниспорта с сотней людей, чтобы испросить благословения верховного септона. К приезду в Старомест к нему примкнуло столько рыцарей, оруженосцев и вольных всадников, что отряд его составил две тысячи. Другие недовольные лорды и сторонники Веры по всей стране также собирали людей и думали, как бы им извести драконов.

Незамеченным это не прошло. Вороны летали повсюду, приглашая лордов и рыцарей сомнительной верности в Королевскую Гавань, где им предлагалось склонить колено, присягнуть королю и оставить сына или дочь в залог своего послушания. Ордена Звезд и Мечей были объявлены вне закона, и пребывание в них отныне каралось смертью. Верховному септону приказали явиться в Красный Замок, чтобы предстать перед судом за измену.

На это его святейшество призвал короля самого приехать в Звездную септу, чтобы испросить прощения богов за грехи и тиранство. Непокорные лорды следовали его примеру; если одни все же ехали в Королевскую Гавань и оставляли детей в заложниках, то другие отказывались, надеясь отсидеться в своих крепких замках.

Король, поглощенный строительством, позволял этой язве зреть около полугода, и первый удар нанесла его мать. Верховом на Вхагаре она затопила Простор огнем и кровью, как некогда Дорн. За одну ночь сгорели замки Блантри, Терриков, Деддингов, Лайчестеров и Уэйнов. Вслед за ней и сам Мейегор полетел в западные земли, где спалил усадьбы Брумов, Фалвеллов, Лорхов, Миаттов и прочих «благочестивых», не откликнувшихся на его королевский зов. Напоследок он обрушился на дом Доггетов; в огне погибли родители и младшая сестра сира Джоффри, а с ними все ополченцы и слуги. Среди дымовых столбов, поднявшихся в Просторе и западных землях, Вхагар и Балерион повернули на юг, к Староместу. Во время Завоевания другой лорд Хайтауэр по совету другого верховного септона открыл городские ворота и тем избежал огня, но теперь самому большому городу Вестероса определенно грозила гибель.

Тысячи жителей в ту ночь покинули Старомест по суше и по морю, тысячи других пьянствовали на улицах. «Это ночь песен, вина и грехов, – говорили они, – ведь наутро сгорят и праведники, и грешники». Третьи собирались в храмах и богородах, моля богов пощадить их. Верховный септон в Звездной септе призывал гнев богов на головы Таргариенов. Архимейстеры Цитадели собрали конклав. Городская стража готовила мешки с песком и ведра с водой для тушения пожаров. На стенах города ставили копьеметы и скорпионы в надежде сразить драконов. Двести Сынов Воина во главе с сиром Морганом Хайтауэром, младшим братом лорда, окружили Звездную септу стальным кольцом, охраняя его святейшество. Огонь маяка на Высокой Башне из красного стал зеленым: лорд Мартин созывал знамена. Старомест ждал рассвета и пришествия драконов.

И драконы явились – Вхагар на восходе солнца, Балерион ближе к полудню. Городские ворота были открыты, на стенах ни души, всюду висели знамена Таргариенов, Тиреллов и Хайтауэров. Королева Висенья первой узнала о том, что прошлой ночью, в самом темном ее часу, скончался верховный септон.

Был он человеком пятидесяти трех лет, неустойчивым, бесстрашным и с виду вполне здоровым. Много раз он проповедовал сутки напролет без пищи и отдыха. Причина его внезапной

смерти, потрясшей Старомест и устранившей защитников города, неизвестна и по сей день. Кое-кто говорит, что его святейшество сам поднял на себя руки – то ли из трусости перед королевским гневом, то ли желая спасти горожан от огненной гибели. Другие полагают, что это Семеро покарало его за гордыню, ересь и измену своему королю.

Большинство придерживается мнения, что он был убит... но кем же? Одни кивают на сира Моргана Хайтауэра, будто бы совершившего это по приказу лорда, своего брата (видели, как он в ту ночь несколько раз входил в покои его святейшества). Другие подозревают леди Патрисию Хайтауэр, незамужнюю тетку лорда Мартина, признанную колдунью (она и впрямь приходила вечером к верховному септону, но после ее ухода он был еще жив). Думают также на мастеров Цитадели, которые могли совершить злодейство с помощью темных искусств, наемного убийцы или отравленного свитка (Цитадель и Звездная септа всю ночь обменивались посланиями). Есть и такие, кто оправдывает их всех и винит в смерти святейшего отца другую известную чародейку, Висенью Таргариен.

Правды мы скорей всего никогда не узнаем, но нельзя отрицать, что лорд Мартин, получив скорбную весть, действовал очень быстро. Он тотчас же отрядил своих рыцарей разоружить и взять под арест Сынов Воина, в том числе и родного брата. Городские ворота открыли,

на стенах подняли знамена Таргариенов. Еще до того как Вхагар показался в небе, люди Хайтауэра подняли с постели всех Праведных и погнали их копьями в Звездную септу выбирать нового верховного септона.

Мудрые мужи и жены Веры, проголосовав всего один раз, остановили свой выбор на септоне Пейтере, девяностолетнем слепом старце, известном своей добротой и терпимостью. Его святейшество, чуть не падая под тяжестью кристальной короны, незамедлительно благословил Мейегора на царство (немного перепутав слова) и помазал его священным елеем.

Королева Висеня вскоре вернулась на Драконию Камень, но король остался в Староместе еще на полгода, дабы вершить суд. Взятый под стражу Сыном Воина был предоставлен выбор: отречься от ордена и отправиться на Стену братьями Ночного Дозора – или стать мучениками за Веру. Три четверти выбрали черное, остальных казнили. Семерым из них, знаменитым рыцарям и сыновьям лордов, оказал честь сам король Мейегор, отрубив им головы Черным Пламенем, прочих обезглавили их же бывшие братья. Полное королевское прощение получил лишь один человек, сир Морган Хайтауэр.

Новый верховный септон официально распустил ордена Мечей и Звезд, приказав их оставшимся членам сложить оружие во имя богов. Семеро более не нуждаются в защитниках, заявил он: отныне сам Железный Трон станет покровителем и защитником Веры. Мейегор дал Святому Воинству срок до конца года, после чего за упорствующих будет назначена награда: золотой дракон за голову Сына Воина, серебряный олень за «вшивую башку» Честного Бедняка.

Ни верховный септон, ни Праведные ничего на это не возразили. Король, будучи в Староместе, примирился со своей первой женой леди Серисой, сестрой лорда Мартина. Ее величество обязалась относиться с уважением к другим женам и не говорить о них дурно, за что Мейегор возвратил ей все права, доходы и привилегии, коими она обладала как королева. В честь примирения Высокая Башня устроила большой пир наподобие второй свадьбы, с провождением и брачной ночью.

Неизвестно, сколько бы еще времени король провел в Староместе, если б под конец 43 года не получил вести о новом покушении на свой трон. Принц Эйегон, узнав о долгом отсутствии Мейегора, решил не упускать случая. Он и Рейена пересекли речные земли с горсткой сторонников и проникли в Королевскую Гавань, укрывшись под мешками с зерном. Железный Трон он не стал занимать, зная, что не удержит его: целью их были Огненная Мечта и Ртути, дракон короля Эйениса. Въезжали они на телеге, влекомой мулами, а улетели на драконах и отправились напрямик на запад – собирать войско.

Ланнистеры из Бобрового Утеса все еще медлили открыто их поддержать, и приверженцы Эйегона Некоронованного стекались к Розовой Деве, усадьбе Пайперов. Лорд Джон Пайпер присягнул Эйегону, но все знали, что подвигла его на это сестра Мелони, верная подруга Рейены. Эйегон, слетев к замку верхом на Ртути, изобличил своего дядю как тирана и узурпатора, призвав всех честных подданных встать под знамена настоящего короля.

Пятнадцатитысячное его войско составляли в основном люди речных и западных лордов: Тарбека, Пайпера, Рута, Венса, Карлтона, Фрея, Паррена, Вестерлинга. К ним примкнули сир Корбрей из Долины, Бастард из Барроутона и четвертый сын владетеля Гриффин-Руста. Из Ланниспорта прибыли пятьсот человек под знаменем Тайлера Хилла, внебрачного сына Лимана Ланнистера; сам хитроумный лорд Бобрового Утеса оставался в стороне на случай победы Мейегора. Отряд Пайперов вместо лорда Джона и его братьев возглавила одетая в кольчугу и вооруженная копьем Мелони. Войско, ведомое самим принцем на Ртути, двинулось в поход через речные земли.

В его рядах были опытные командиры и могучие рыцари, но великие дома принца не поддерживали. Королева Тианна, впрочем, писала королю, что Штормовой Предел, Орлиное Гнездо

и Бобровый утес состоят в тайной переписке с вдовствующей королевой Алиссой: чтобы сделать их своими сторонниками, принцу требовалась победа.

Мейегор позаботился, чтобы она ему не досталась. Из Харренхолла выступил лорд Харроуэй, из Риверрана лорд Талли. Сир Давос Дарклин из Королевской Гвардии, набрав в Королевской Гавани пять тысяч мечей, двинулся навстречу мятежникам. С Простора вышли лорды Рован, Мерривезер и Касвелл со своими вассалами. Медленно ползущее войско Эйегона оказалось в кольце; каждая вражеская рать была меньше его собственной, но семнадцатилетний принц не знал, куда нанести удар. Сир Корбрей советовал ему расправляться с каждым неприятелем поочередно, не давая объединиться с другими, однако Эйегон, не желая дробить свои силы, по-прежнему шел на Королевскую Гавань.

К югу от Божьего Ока ему заступил дорогу сир Дарклин, занявший позицию на возвышенности за стеной из копий. Разведчики принца докладывали, что с юга подходят Мерривезер и Касвелл, а с севера Талли и Харроуэй. Принц приказал атаковать, надеясь разбить горожан до того, как с флангов придут другие королевские силы, и сам возглавил атаку с воздуха. Поднявшись ввысь, он услышал крики своих людей, и на южном небосклоне возник Балерион Черный Ужас.

На поле сражения прибыл король Мейегор.

Впервые с тех пор, как Рок поразил Валирию, один дракон встречался с другим в воздушном бою.

Ртуть, вчетверо меньше Балериона, не могла тягаться с более старым и свирепым противником. Балерион, сметая клубами черного пламени ее бледные облачка, ринулся на нее сверху и оторвал ей крыло. Молодой дракон, крича и дымясь, устремился к земле, а с ним и принц Эйегон.

Битва внизу завершилась почти столь же быстро и была намного кровопролитней. Мятежники, уразумев после падения Эйегона, что их дело обречено, обратились в бегство, бросая оружие и доспехи, но королевские войска сомкнулись вокруг, и спасения не было. К концу дня погибли около двух тысяч солдат Эйегона и около ста людей короля. В числе погибших были лорд Алан Тарбек, Бастард Барроутонский Деннис Сноу, лорд Джон Пайпер с сестрой Мелони и тремя братьями, лорд Роннел Венс, сир Виллем Вистлер – и Эйегон Некоронованный, принц Драконьего Камня. Люди короля из военачальников потеряли только сира Давоса Дарклина, которого убил сир Корбрей валирийским мечом Покинутая. За битвой последовали полугодовые суды и казни. Королева Висенья убедила сына помиловать кое-кого из мятежных лордов, но все они лишились земель, титулов и принуждены были оставить заложников.

Лишь одна именитая особа не числилась ни среди убитых, ни среди пленных. Рейена, сестра и жена Эйегона, не участвовала в бою. Историки по сей день спорят, по собственному ли почину или по приказу мужа сделала она такой выбор. Так или иначе, принцесса осталась в Розовой Деве со своими дочерьми и с драконом Огненная Мечта. Быть может, исход битвы стал бы иным, будь у Эйегона второй дракон? Этого мы никогда не узнаем, но многие справедливо указывают, что Огненная Мечта, еще моложе и меньше Ртути, никакой угрозы для Балериона не представляла.

Весть о гибели мужа и леди Мелони Рейена выслушала, как говорят, с каменным лицом. Когда ее спросили, отчего она не плачет по ним, она отвечала: «На слезы нет времени». Боясь гнева дяди, она взяла малюток Рейеллу и Эйерею и перелетела сперва в Ланниспорт, а после на остров Светлый. Новый лорд Марк Фармен, чьи отец и старший брат погибли на стороне

Эйгона, дал ей приют и поклялся, что под его кровом с ней ничего не случится. Около года его люди со страхом смотрели на восток, ожидая увидеть в небе черные крылья, но король так и не прилетел. Мейегор отбыл в Красный Замок, твердо вознамерившись обзавестись наследником.

44 год по сравнению с предыдущим выдался мирным, но запах крови и гари, по словам летописцев, все еще висел в воздухе. Вокруг Железного Трона подрастал Красный Замок, но двор Мейегора Первого был угрюм, несмотря на присутствие целых трех королей... а может быть, как раз из-за этого. Мейегор, каждую ночь деля ложе с одной из жен, не преуспел в продолжении рода; дети брата Эйениса оставались его единственными наследниками. Его прозвали Мейегором Жестоким и осуждали за пролитие родной крови, но тот, кто сказал бы ему это в глаза, тут же расстался бы с жизнью.

Престарелый верховный септон умер, и ему на смену пришел другой. Новый святейший отец не говорил ни слова против короля и его королев, но вражда между Мейегором и Верой держалась. Честных Бедняков убивали сотнями ради награды, однако тысячи их еще таились в лесах и пустынных краях, неустанно проклиная Таргариенов. Одна шайка избрала даже собственного верховного септона – бородатого мужлана по имени септон Мун. Немногих уцелевших Сынов Воина по-прежнему возглавлял сир Джоффри Доггет, Рыжий Пес из Холмов. Не имея более сил встретиться с королем в открытом бою, Рыжий Пес посылал своих людей под видом межевых рыцарей убивать сторонников Таргариена и «изменников Веры». Их первой жертвой пал сир Морган Хайтауэр, сам ранее состоявший в орденах: его изрубили на дороге в Медовую Рощу. Вслед за ним погибли старый лорд Мерривезер, сын и наследник лорда Рована, престарелый отец Давоса Дарклина и даже слепой Джон Хогг. За голову каждого из Мечей платили по золотому, но народ в память прошлого укрывал и кормил их.

Королева Висеня на Драконьем Камне между тем чахла и таяла на глазах. Вдова ее племянника, бывшая королева Алисса, жила при ней вместе с сыном Джейхерисом и дочерью Алисанной; принца Визериса, старшего сына, взял ко двору Мейегор, и все понимали, что семью покойного Эйениса держат в заложниках. Визерис, многообещающий юноша пятнадцати лет, хорошо владеющий мечом и копьем, был королевским оруженосцем, и один из королевских гвардейцев следил за ним неусыпно.

Вскоре стало казаться, что король все же получит желанного сына: королева Алис, к восторгу всего двора, объявила о своей беременности. На поздних сроках великий мейстер Десмонд велел ей не вставать с постели; кроме него, за королевой ходили две септы, повитуха, сестры ее Джейна и Ханна. Двум другим женам Мейегор также приказал служить беременной Алис.

Королева пролежала так две луны и на третьей выкинула. Взглянув на плод, король ужаснулся: мальчик был безглазым уродцем с огромной головой и вывернутыми членами. «Это не мой сын», – взревел Мейегор и в приступе ярости велел казнить повитуху, обеих септ и самого великого мейстера, пощадив лишь сестер королевы.

Рассказывают, что к королю, сидевшему на троне с головой великого мейстера в руках, пришла Тианна и сказала, что его обманули. Алис-де, видя высохшую бесплодную Серису и боясь сама стать такой, обратилась за помощью к лорду-отцу, королевскому деснице. В те ночи, когда Мейегор делил ложе с Серисой или Тианной, лорд Лукас посылал в опочивальню дочери других мужчин, чтобы помочь ей зачать дитя. Король, не желая этому верить, обозвал Тианну ревливой бесплодной сукой и запустил в нее головой великого мейстера. «Пауки не лгут», – сказала на это мастерица над шептунами и вручила ему список.

Там значились имена двадцати мужчин, пытавшихся будто бы оплодотворить королеву Алис: молодых и старых, красивых и безобразных, рыцарей и оруженосцев, лордов и слуг, а также менестрелей, конюхов, кузнецов. Десница, похоже, забросил широкий невод. Роднило их то, что все они славились своей мужской силой и потомство имели здоровое.

Все они, кроме двух человек, признались под пыткой. Один, отец дюжины детей, не успел еще потратить золото, уплаченное лордом Харроуэем. Следствие чинили быстро и тайно: ни десница, ни королева Алис ничего не знали о подозрениях Мейегора, пока к ним не нагрянула Королевская Гвардия. Алис вытащили из постели, двух сестер убили у нее на глазах, отца сбросили на камни с Башни Десницы. Под стражу взяли также сыновей, братьев и племянников лорда Харроуэя. Насаженные на пики сухого рва вокруг Крепости Мейегора, они умирали медленно; слабоумный Хорас, как говорят, протянул несколько дней. К ним вскоре присоединились двадцать мужчин из списка королевы Тианны и еще двенадцать, названных ими.

Самая худшая участь постигла несчастную королеву Алис: ее отдали на муки Тианне, и та с ней творила такое, о чем лучше не вспоминать. Достаточно сказать, что умирала она почти две недели, и король Мейегор присутствовал при ее истязаниях. После смерти ее тело разрубили на семь частей и водрузили куски над семью городскими воротами, где они оставались, пока не сгнили.

Сам король, собрав множество рыцарей и латников, отправился в Харренхолл, чтобы довершить истребление дома Харроуэев. Гарнизон замка был невелик, и кастелян, племянник казненного лорда, сразу открыл ворота по королевскому требованию. Это его не спасло: Мейегор вырезал всех защитников, а также всех мужчин, женщин и детей, в ком имелась хоть капля крови Харроуэев. То же самое он повторил на Трезубце, в городе лорда Харроуэя.

После этого люди стали говорить, что Харренхолл проклят, ибо каждый дом, владеющий им, ждет кровавая гибель. Однако завладеть замком Черного Харрена с его обширными угодьями желали столь многие, что король решил отдать Харренхолл сильнейшему. Двадцать три королевских рыцаря сразились в залитом кровью городе лорда Харроуэя на мечях, копьях и булавах. Победа досталась сиру Валтону Тауэрсу, и он стал новым лордом, но вскоре умер от полученных в схватке ран. Харренхолл перешел к его сыну, хотя угодья замка значительно поубавились, ибо город король отдал лорду Алтону Батервеллу, а лорду Дорманду Дарри пожаловал большой земельный надел.

По возвращении в Королевскую Гавань Мейегора встретила весть о смерти матери, королевы Висеньи. Более того: королева Алисса вместе с детьми и двумя драконами, Вермитором и Среброкрылым, воспользовавшись суматохой после ее кончины, бежала с Драконьего Камня, и никто не знал, куда она отправилась дальше. Меч Темная Сестра, похищенный из покоев Висеньи, она увезла с собой.

Король приказал сжечь тело усопшей и схоронить прах рядом с братом ее и мужем, принца Визериса с пристрастием допросить: пусть-де скажет, куда подалась его мать.

«Он может и не знать этого», – заметил королевский гвардеец сир Оуэн Буш. «Так пусть умрет, – изрек на это король. – Авось, беглая сука приползет на труп своего щенка».

Принц Визерис в самом деле не знал, куда уехала мать – даже темная магия Тианны не помогла. После девятидневного допроса он умер. Тело его, по приказу короля, две недели пролежало во дворе Красного Замка, но Алисса так и не вернулась за ним, и Мейегор предал останки огню. Шестнадцатилетнего принца любили как народ, так и знать, и вся страна скорбела о нем.

В 45 году Красный Замок наконец-то достроили.

Король закатил для строителей пир с бочками вина, горами яств и девками из лучших борделей – а после трехдневного пиршества послал своих рыцарей перебить мастеров, чтобы те не выдали секретов Красного Замка. Под замком убитых и закопали.

Вскоре после этого внезапно скончалась королева Сериса. По слухам, король велел сиру Оуэну отрезать ей язык за какое-то дерзкое замечание, и она будто бы так вырывалась, что нож соскользнул и перерезал ей горло. Тогда все этому верили, но ныне мастера склонны думать, что эту историю состряпали враги короля, чтобы очернить его еще более. Как бы там ни было, у

Мейегора осталась только одна королева, пентошийка с черными волосами и черным сердцем, которую ненавидели и боялись все до единого.

Как только последний камень лег в стену замка, король велел очистить холм Рейенис от руин Памятной септы вкупе с костями погибших там Сынов Воина. Вместо септы он задумал построить огромную каменную «драконью конюшню», достойное жилище для Балериона, Вхагара и их потомства. Каменщиков и других рабочих, что неудивительно, найти оказалось не так-то просто; пришлось выставлять на работы заключенных из городских тюрем под надзором выписанных из Мира и Волантиса мастеров.

В том же году король отправился добывать остатки Святого Воинства, оставив вместо себя королеву Тианну с новым десницей, лордом Эдвеллом Селтигаром. В большом лесу к югу от Черноводной скрывалось еще немало Честных Бедняков. Их вылавливали и посылали на Стену, а отказчиков вешали. Предводительница, Рябая Джейна, долго избегала поимки, но в конце концов ее выдали трое своих же разбойников, получивших за это помилование и рыцарство.

Трое септонов, сопровождавших короля, объявили Джейну ведьмой, и король приказал сжечь ее на поле у реки Путеводной. В день казни триста Бедняков и простых крестьян попытались освободить ее, но Мейегор предугадал это, и спасителей перебили. Среди них был и вожак, сир Харис Хилл, межевой рыцарь незаконного происхождения. Три года назад он ушел живым из битвы на Большом Зубце, но на сей раз удача ему изменила.

В других местах, однако, обстоятельства складывались не в пользу короля Мейегора. Народ и знать, возмущенные его жестокими деяниями, все чаще оказывали поддержку его противникам. Септон Мун, избранный в пику «верховному прихлебателю» из Староместа, проповедовал против короля в Просторе и речных землях, привлекая к себе толпы сторонников. В холмах к северу от Золотого Зуба властвовал Рыжий Пес Доггет, и ни Бобровый Утес, ни Риверран не спешили его усмирять. Деннис Хромой и Нищий Сайлас также гуляли на воле, а рыцари и латники, посланные расправиться с ними, исчезали бесследно.

Все советники короля сходились на том, что ему пора взять себе новую жену, и расходились лишь в выборе невесты. Великий мейстер Бенифер предлагал гордую и прекрасную леди Звездопада, Клариссу Дейн: в этом случае ее земли отошли бы от Дорна Железному Трону. Алтон Батервелл, мастер над монетой, сватал свою вдовую сестру, дородную мать семерых детей. Она хоть и не красавица, зато доказала свою плодовитость, заявлял он. Десница, лорд Селтигар, имевший двух юных дочерей, двенадцати и тринадцати лет, готов был отдать королю одну из них, а то и обеих. Лорд Веларион с Дрифтмарка советовал послать за Рейеной, вдовой Эйгона и племянницей короля: этот брак объединил бы обе ветви рода Таргариенов и помешал возможным козням королевы Алиссы.

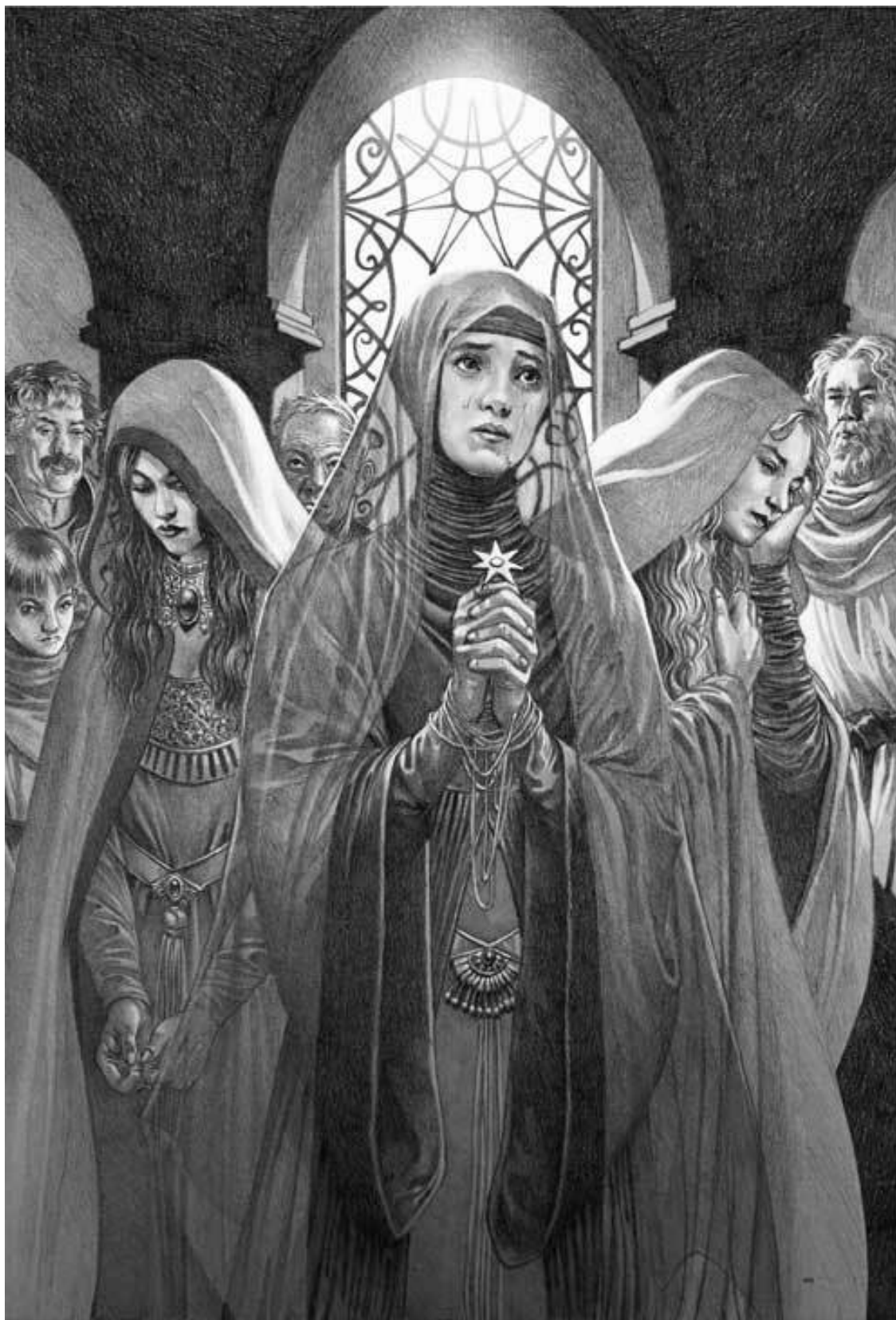
Король выслушал их всех и от каждого взял нечто ценное. Мысль о том, что новая жена должна быть заведомо плодотворной, приглянулась ему, но сестру Батервелла он сразу отставил. Лучше, по совету Селтигара, взять сразу двух жен, а то и трех, решил он. Это утроит его надежды, и одной из них непременно должна стать Рейена. Алисса и ее младшие дети (бежавшие, как полагали, за Узкое море, в Тирош или Волантис) все еще представляли угрозу как для него, так и для сына, который мог у него родиться. Дочь Эйениса, став его женой, лишит младших брата и сестру каких бы то ни было притязаний.

После гибели принца Эйгона на Божьем Оке Рейена сделала все, чтобы спасти своих дочерей. Если бы Эйгон стал королем по праву, то наследницей его сделалась бы старшая дочь Эйерея... но ей и Рейелле, ее сестре-близнецу, был всего год от роду, и Рейена понимала, что подобные заявления равносильны смертному приговору. Она перекрасила девочкам волосы, дала новые имена и доверила их заботам неких могущественных союзников, чтобы их отдали на воспитание в знатные дома, не говоря, кто они в самом деле. Даже мать-принцесса не должна была знать, кто их растит, чтобы и под пыткой не выдать этого.

Самой Рейене спрятаться было негде. Она могла бы, конечно, тоже выкрасить волосы и переодеться септой или трактирной служанкой, но куда бы она девала дракона – голубую с серебристыми метинами Огненную Мечту, на которой летала с двенадцати лет? Принцесса просто жила у лорда Фармена в его Светлом Замке, чьи белые башни смотрели на Закатное море, – жила тихо, заполняя время книгами и молитвами и зная, что дядя рано или поздно вытребуеет ее к себе.

Случилось это раньше, чем ей бы хотелось, но не так скоро, как она опасалась. Воспротивиться значило бы навлечь на Светлый остров Мейегора с Балерионом. Рейена привязалась к лорду Фармену и прониклась еще более нежными чувствами ко второму его сыну Андроу – могла ли она отплатить им за гостеприимство огнем и кровью? Прилетев на Огненной Мечте в Красный Замок, она узнала, что должна стать женой Мейегора, своего дяди и убийцы своего мужа.

Рейена узнала также, что она не единственная невеста и что свадьба будет тройной. Все три будущие королевы были вдовами. Леди Жиенна из дома Вестерлингов побывала замужем за сиром Аланом Тарбеком, воевавшим на стороне принца Эйгона и погибшим вместе с ним в битве у Божьего Ока. Через несколько месяцев после его смерти Жиенна родила сына. Высокая, стройная, с роскошными каштановыми косами, она стала предметом ухаживаний младшего сына лорда Ланнистера, но для короля это не имело ровно никакого значения.

С огненно-рыжей леди Элинор из дома Костейнов все обстояло не столь просто. Ее муж – сир Тео Боллинг, рыцарь-помещик, участвовал в последнем королевском походе против Честных Бедняков, и леди Элинор в свои девятнадцать лет успела осчастливить его тремя сыновьями. Младший еще сосал грудь, когда его отца сира Тео арестовали и обвинили в заговоре:

он вкупе с королевой Алиссой замыслил якобы убить короля и возвести на трон принца Джейехериса. Боллинг своей вины не признавал, но его осудили и в тот же день обезглавили. После семидневного, в честь богов, траура король объявил его вдове о новом замужестве.

Септон Мун в городе Каменная Септа заклеил короля как безбожника и распутника, но другие не смели ничего возразить. Верховный септон отплыл в Королевскую Гавань для совершения обряда, и в теплый весенний день 47 года ОЗ король во дворе Красного Замка сочетался сразу с тремя невестами. Все они были наряжены в плащи отцовских домов, но народ, памятуя об их вдовстве, прозвал их Черными Женами.

Присутствие на свадьбе сыновей леди Жиенны и леди Элинор обеспечило послушание матерей. От принцессы Рейены многие ожидали сопротивления, но королева Тианна подвела к ней двух маленьких девочек с фиолетовыми глазами и серебристыми волосами, одетых в красные и черные цвета дома Таргариенов. «Глупа же ты была, если надеялась спрятать их от меня», – сказала Тианна, и Рейена произнесла брачные обеты, глотая слезы.

О брачной ночи ходило много странных и противоречивых историй; по прошествии стольких лет правду трудно отделить от легенд. Возвел ли король на ложе сразу трех жен? Едва ли. Посещал ли их поочередно? Возможно. Пыталась ли Рейена убить его спрятанным под подушкой кинжалом, как утверждала после? В самом ли деле Элинор Костейн разодрала спину Мейегора ногтями? Выпила Жиенна способствующее зачатию зелье, которое принесла ей Тианна, или выплеснула его старшей королеве в лицо? Приносила ли ей Тианна такое зелье? Впервые о нем заговорили при короле Джейехерисе, через двадцать лет после смерти обеих женщин.

Достоверно известно вот что. Сразу же после свадьбы король объявил Эйерею, старшую дочь Рейены, своей законной наследницей «до тех пор, пока боги не даруют мне сына». Младшую, Рейеллу, отправили в Старомест, чтобы сделать из нее септу. Племянник короля Джейехерис тем же указом лишился всяких прав на престол. Сына королевы Жиенны назначили лордом Тарбека и послали в Бобровый Утес на воспитание Ланнистерам. Старшие мальчики королевы Элинор отправились один в Орлиное Гнездо, другой в Хайгарден, младшего отдали кормилице: король не желал, чтобы его супруга сама кормила дитя.

Полгода спустя десница лорд Селтигар объявил, что королева Жиенна понесла. Не успел ее живот округлиться, как Мейегор обнаружил, что Элинор тоже беременна. Король щедро одарил обеих жен, а их отцам и братьям пожаловал новые земли, но радость его длилась недолго. За три луны до срока у Жиенны начались схватки. Разрешившись, как и Алис Харроуэй, мертвым уродцем без рук и без ног, с признаками обоего пола, она умерла сама.

Мейегор проклят, говорили в народе. Он убил родного племянника, восстал против Веры, бросил вызов богам, повинен в многих убийствах, разврате и кровосмешении. От гнилого семени живой сын не родится. Сам Мейегор думал иначе; он приказал сиру Оуэну Бушу и сиру Маладону Муру схватить и бросить в темницу королеву Тианну.

Увидев, какие ей готовятся пытки, пентошийка призналась, что отравила дитя Жиенны во чреве и поступила так же с плодом Алис Харроуэй. Отродью Элинор тоже не жить, заявила она.

Говорят, будто король сам вырезал ей сердце из груди Черным Пламенем и скормил своим псам. Все, однако, вышло по ее слову: на следующей луне королева Элинор родила мертвого уродца мужского пола с зачатками крыльев.

Шел 48 год ОЗ, шестой год правления короля Мейегора и последний год его жизни. Теперь уже никто в Семи Королевствах не сомневался, что король проклят. Последние его сторонники таяли, как роса на утреннем солнце. Королю донесли, что сир Джоффри Доггет вошел в Риверран не пленником, а как гость лорда Талли. Септон Мун вел тысячи верующих на Старомест, намереваясь заставить «верховного прихлебателя» отречься от чудовища на троне и отменить запрет на ордена Веры. Лорды Рован и Окхарт вышли ему навстречу со своими

людьми, но не для битвы, а чтобы присоединиться к нему. Лорд Селтигар, отказавшись от поста десницы, вернулся в свой замок на Коготь-острове.

С Дорнских Марок докладывали, что дорнийцы собираются у перевалов, чтобы вторгнуться во владения короля.

Самый тяжкий удар, однако, нанес Штормовой Предел. Лорд Робар Баратеон объявил принца Джейехериса единственным законным королем андалов, ройнаров и Первых Людей, а принц, в свою очередь, назначил лорда Робара Хранителем Государства и королевским десницей. В присутствии матери Алиссы, сестры Алисанны, ста лордов-знаменосцев и штормовых рыцарей Джейехерис поклялся на Темной Сестре положить конец правлению дяди-узурпатора. Красивый четырнадцатилетний принц хорошо владел копьем, стрелял из длинного лука, был отменным наездником и летал на бронзово-буром драконе по имени Вермитор. У Алисанны, двенадцати лет, был свой дракон Среброкрылый. «У Мейегора только один дракон, – сказал Баратеон своим лордам, – а у нашего принца два».

Вскоре их стало три. Рейена Таргариен, узнав, что Джейехерис собирает войска у Штормового Предела, прилетела к нему на Огненной Мечте, взяв с собой дочь Эйерею... и меч Черное Пламя, похищенный у Мейегора, пока тот спал.

Король, что было на него совсем не похоже, медлил с ответом. Он велел великому мейстеру разослать воронов с приказом всем верным лордам явиться в Королевскую Гавань, но оказалось, что Бенифер уплыл в Пентос. Желая наказать жену за измену, он потребовал, чтобы Старомест прислал ему голову малютки Рейеллы, но лорд Хайтауэр вместо этого взял под стражу его гонца. Двое его королевских гвардейцев перешли к Джейехерису, а сира Оуэна Буша нашли мертвым у городского борделя с собственным членом во рту.

Лорд Веларион с Дрифтмарка присягнул Джейехерису в числе первых. Веларионы по традиции были королевскими адмиралами, и Мейегор в одно прекрасное утро узнал, что потерял весь свой флот. За лордом-адмиралом последовали Тиреллы из Хайгардена со всей мощью Простора, Хайтауэры из Староместа, Редвины из Бора, Ланнистеры из Бобрового Утеса, Аррены из Орлиного Гнезда, Ройсы из Рунстона.

В столице при короле остались около двадцати мелких лордов: Дарклин из Синего Дола, Масси из Плясунов, Тауэрс из Харренхолла, Стаунтон из Грачевника, Бар-Эммон с Острого Мыса, Баквелл из Оленьего Замка, Росби, Стокворт, Хэйфорд, Харт, Берч, Роллингфорд, Байвотер, Маллери и так далее. Все они, вместе взятые, привели с собой около четырех тысяч войска, где рыцарем был едва ли не каждый десятый.

Однажды ночью Мейегор собрал всех лордов в Красном Замке, чтобы обсудить с ними предстоящую битву. Видя, как их мало, и понимая, что великие дома не придут к ним на помощь, многие пали духом, а лорд Хэйфорд отважился даже просить короля отречься от престола и надеть черное. Мейегор тут же приказал его обезглавить и продолжал военный совет с головой лорда, вздетой на пику у Железного Трона. Совет затянулся за полночь, и лишь в час волка король позволил всем разойтись. Лорды Тауэрс и Росби были последними, кто видел его в живых – король сидел на троне, погруженный в мрачную думу.

Там, на рассвете, и нашла его Элинон, последняя из королев Мейегора: мертвого, бледного как полотно, в окровавленных одеждах. Одно из лезвий трона вспоролу ему руку от запястья до локтя, другое пронзило шею.

Многие и по сей день верят, что Мейегора убил сам Железный Трон. Росби и Тауэрс, уходя, видели короля живым, часовые у дверей клялись, что в тронный зал до королевы никто не входил. Говорят также, что это Элинор насадила его на острия трона, чтобы отомстить за убийство своего первого мужа. Рыцари Королевской Гвардии тоже могли это сделать, но тогда

им пришлось бы действовать сообща, ибо у каждой двери стояли по два гвардейца. Возможно также, что один или несколько неизвестных проникли в зал через потайной ход: секреты Красного Замка ведомы только мертвым. Наконец, сам король, не совладав с отчаянием в темные часы ночи, мог таким образом лишиться себя жизни и тем избежать поражения и позора.

Мейегор Первый Таргариен, оставшийся в истории и преданиях как Мейегор Жестокий, царствовал шесть лет и шестьдесят шесть дней. Тело его сожгли во дворе Красного Замка, прах схоронили рядом с матерью на Драконьем Камне. Он умер бездетным, не оставив после себя наследника.

Восхождение Джейехериса I

Принц становится королем

Джейехерис I взошел на Железный Трон в 48 году ОЗ и правил Семью Королевствами пятьдесят пять лет вплоть до своей кончины в 103 году. В последние годы и после, когда стал править его преемник, его по очевидной причине называли Старым Королем. Но на протяжении куда более долгих лет Джейехерис был молодым и деятельным, поэтому более вдумчивые историки почтительно именуют его Умиротворителем. Архимейстер Умберт век спустя сказал о нем так: «Эйегон и его сестры завоевали семь королевств Вестероса (вернее, шесть), но единым целым их сделал лишь Джейехерис Умиротворитель».

Задача перед ним стояла нелегкая, ибо предшественники его разрушили многое из того, что создал Завоеватель: Эйенис – по слабости и нерешительности своей, Мейегор – по жестокости и свирепости. Новому правителю, совсем еще мальчику, досталось обедневшее, незаконное, раздираемое войной королевство.

Даже его право на престол вызывало некоторые сомнения. Теперь он, правда, остался единственным из сыновей короля Эйениса, но ранее королем объявлял себя его старший брат Эйегон Некоронованный, погибший в битве у Божьего Ока. Эйегон оставил после себя двух дочерей-близнецов: Эйерею и Рейеллу. Если Мейегор был узурпатором, занявшим трон не по праву (каковым его и полагали некоторые мейстеры), то законным королем приходилось считать Эйегона, а наследницей престола – его старшую дочь Эйерею.

Весомым доводом против этого были пол и возраст двойняшек: в год смерти Мейегора девочкам сравнялось всего шесть лет. Кроме того, Эйерея, по отзывам современников, была ребенком тихим, плаксивым и до сих пор прудила в постель, Рейелла же, более смелая и крепкая, жила послушницей в Звездной септе. В королевы, по всем меркам, ни одна из них не годилась; даже их мать королева Рейена соглашалась, что трон должен отойти не им, а брату ее Джейехерису.

Кое-кто говорил, что больше всего прав как раз у самой Рейены, первенца короля Эйениса и королевы Алиссы. Шептались даже, что она-то и освободила страну от Мейегора Жестокого, – хотя каким образом она могла это совершить, улетев из Королевской Гавани на драконе, никто толком не мог сказать. Препятствием служил опять-таки ее пол. «Здесь не Дорн, – говорил лорд Робар Баратеон, – а Рейена не Нимерия». Да и сама дважды овдовевшая королева, успев всей душой возненавидеть столицу и двор, желала лишь одного: вернуться на Светлый остров, где узнала недолгий мир и покой, пока дядя не сделал ее одной из своих Черных Жен.

Принцу Джейехерису оставалось еще полтора года до совершеннолетия. Поэтому решено было, что регентшей при нем будет мать, вдовствующая королева Алисса, а Робар Баратеон стал его десницей и Хранителем Государства. Не следует, однако, думать, что Джейехерис был всего лишь марионеткой: юный король с самого начала настоял на том, что все важные решения будут приниматься с его участием.

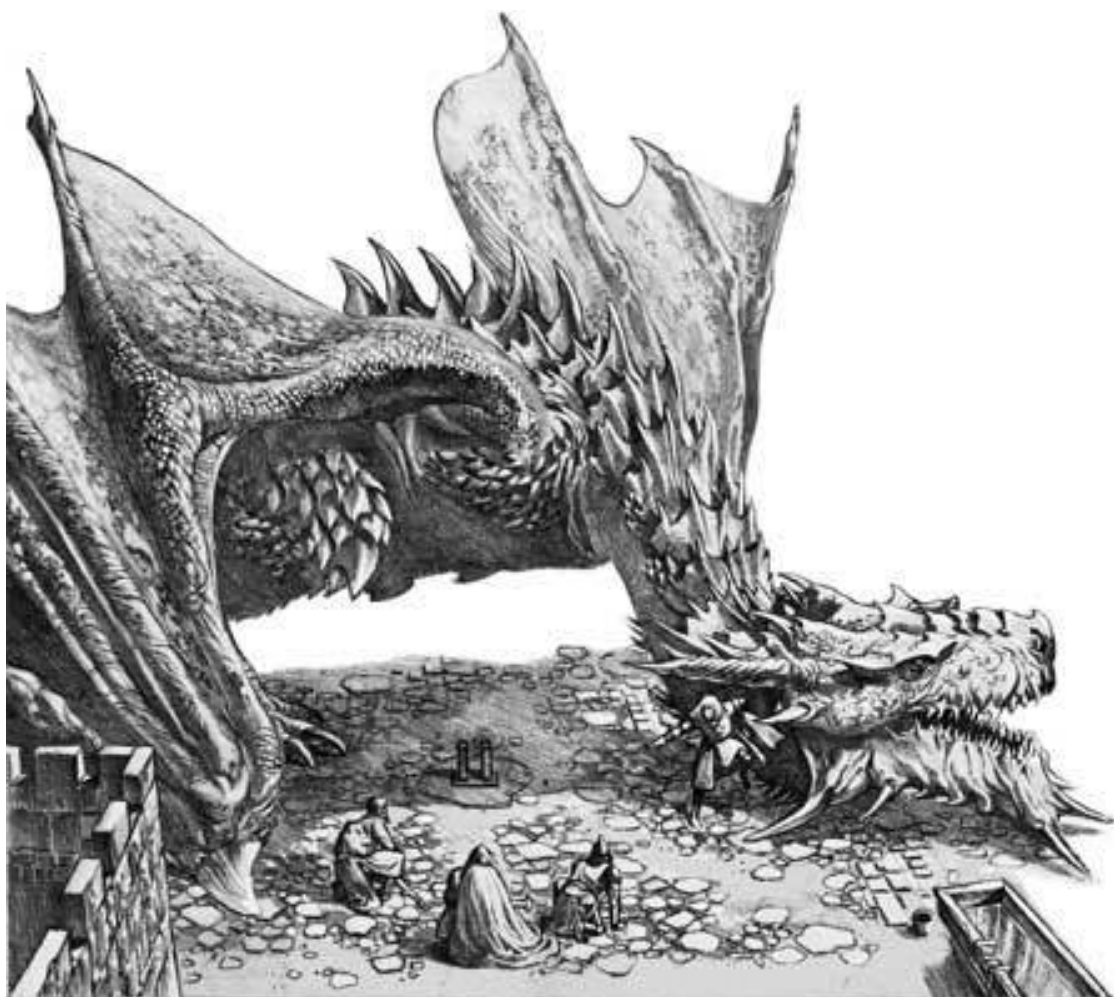
Ждать с этим пришлось недолго. Как только бранные останки Мейегора возложили на погребальный костер, перед Джейехерисом встал главнейший вопрос: как быть со сторонниками покойного короля? К тому времени, как Мейегора нашли на Железном Троне мертвым, почти все великие лорды и многие из малых уже отреклись от него... но «почти» и «многие» не значит «все до единого». Немало лордов, чьи владения располагались на королевских землях близ столицы, стояли за Мейегора до самой его смерти, в том числе Росби и Тауэрс – послед-

ние, кто видел его живым. Под знамена Мейегора встали также Дарклин, Масси, Стаунтон, Бар-Эммон, Стокворт, Хэйфорд, Харт, Берч, Роллингфорд, Байвотер, Маллери, Баквелл.

Когда они узнали, что король мертв, их охватило смятение. Росби выпил чашу болиголова и последовал за своим королем, Баквелл и Роллингфорд бежали на корабле в Пентос, многие другие поспешили укрыться в своих замках. Только Дарклин, Стаунтон и Тауэрс остались, чтобы достойно сдать Красный Замок, когда туда прилетел Джейехерис с сестрами Рейеной и Алисанной. Как только юный принц сошел с Вермитора, гласит придворная хроника, «три верных лорда» склонили перед ним колена, сложили мечи к его ногам и признали его королем.

«Вы немного опоздали, – будто бы ответил им принц, хотя и без гнева. – Эти самые мечи помогли умертвить моего брата Эйгона у Божьего Ока». По его повелению лордов немедленно заковали в цепи, хотя многие из сторонников Джейехериса требовали казнить их на месте. В темницах к ним вскоре присоединились королевский палач, лорд-дознаватель, смотритель тюрьмы, командир городской стражи и четверо оставшихся при Мейегоре королевских гвардейцев.

Две недели спустя, когда в столицу прибыли с войском лорд Робар Баратеон и королева Алисса, в тюрьму бросили еще сотни узников. Всех их – будь то рыцарь, оруженосец, стюард, септон или простой солдат – обвиняли в одном и том же: пособничестве узурпатору Мейегору Таргариену во всех его преступлениях и беззакониях. Не пощадили и женщин: знатных леди, служивших Черным Женам, взяли под стражу заодно с горожанками, объявленными «шлюхами Мейегора».

Темницы Красного Замка были наполнены до отказа, и никто не знал, какая участь ждет заключенных. Всех, кто поддерживал узурпатора, полагалось бы признать изменниками и предать смерти. За это стояла королева Алисса, у которой Мейегор отнял двух сыновей. «Этих людей и судить незачем, – говорила она. – Они молча, без всяких возражений, смотрели, как моего Визериса подвергают жестоким пыткам, так зачем же выслушивать их теперь?»

Ее гневу противостоял Робар Баратеон, десница короля и Хранитель Государства. «Наказания они, бесспорно, заслуживают, – говорил он, – но если казнить их, то другие приверженцы Мейегора побоятся склонить колена». Придется ему, лорду Робару, ездить от замка к замку и выковыривать их оттуда огнем и сталью. «В конце концов это будет сделано, но какую ценой? Столь кровавое деяние ожесточит сердца против нас». Пусть узники предстанут перед судом, советовал он. Повинные в наихудших преступлениях будут казнены, другие же просто оставят заложников и отдадут казне часть своих земель.

Лорды молодого короля в большинстве своем признавали мудрость его рассуждений, но мнение лорда Робара могло и не возобладать, не вмешайся в дело сам Джейехерис. Четырнадцатилетний юноша сразу же доказал, что не станет сидеть сложа руки, пока другие правят от его имени. Взяв с собой мастера, сестру Алисанну и горстку молодых рыцарей, он воссел на Железный Трон и созвал своих лордов. «Не будет ни судов, ни пыток, ни казней, – заявил он. – Страна должна знать, что я не такой, как мой дядя. С кровавой купели я свое правление не начну. Одни из вас пришли под мои знамена раньше, другие позже – пусть все остальные придут теперь».

Несовершеннолетний король не был еще помазан и коронован, посему его заявление не имело законной силы; решать что-либо без регентши и советников было также не в его воле. Но столь решительно и властно взирал он на всех с высоты Железного Трона, что лорды Баратеон и Веларион тут же поддержали его, а за ними и прочие. Лишь сестра Рейена осмелилась сказать «нет». «Они будут восхвалять тебя, когда на твою голову возложат корону, – сказала она, – как до тебя восхваляли дядю, а прежде отца».

Решение оставалось за регентшей, и королева Алисса, как ни жаждала она мщения, не пожелала идти наперекор сыну. «Иначе его сочтут слабым, – якобы сказала она лорду Робару, – а этого допускать нельзя. Именно это погубило его отца».

Вслед за этим тюрьмы стали понемногу пустеть. Узников, дав им сперва еду, питье и чистое платье, вводили в тронный зал по семь человек. Там перед взорами богов и людей они отрекались от Мейегора и клялись в верности его племяннику. Джейехерис каждого поднимал с колен, даровал помилование, возвращал земли и титул – впрочем, не совсем безвозмездно. Лордам и рыцарям предписывалось отправить на службу королю сына (если же у кого сыновей не имелось, то дочь). У самых богатых лордов, наподобие Тауэrsa, Дарклина и Стаунтона, отчуждалась часть земель, прочие платили золотом за королевскую милость.

Оная милость простиралась не на всех. Дознателя, палача и тюремщиков признали виновными в пособничестве Тианне из Башни, до смерти замучившей принца Визериса, бывшего одно время наследником и заложником Мейегора. Их головы и руки, дерзнувшие подняться на кровь дракона, принесли королеве Алиссе, чем ее величество осталась довольна.

Лишился головы также королевский гвардеец сир Маладон Мур. Его обвинили в том, что он удерживал леди Серису, первую жену Мейегора, в то время как другой гвардеец, сир Оуэн Буш, пытался вырезать ей язык. Королева якобы отбивалась так сильно, что клинок соскользнул и перерезал ей горло. Сир Маладон все отрицал, утверждая, что эта история выдуманна и королева Сериса умерла единственно по причине своей «язвительности». Он, впрочем, сознался, что привел к Мейегору Тианну из Башни и стал свидетелем ее казни – а стало быть, кровью одной королевы все-таки себя запятнал.

Пять рыцарей из гвардии Мейегора оставались пока в живых. Двое из них, Оливер Бракен и Реймунд Маллери, вовремя перебежали к Джейехерису, но юный король справедливо заметил, что тем самым они преступили свои обеты, обязующие защищать короля даже ценой своей жизни. «Клятвопреступники мне здесь не нужны», – сказал он. Всех пятерых приговорили к смерти, но по просьбе принцессы Алисанны предложили помилование, буде они согласятся сменить свои белые плащи на черное облачение Ночного Дозора. Четверо – сир Оливер, сир Реймунд, сир Джон Толлетт и сир Саймонд Крейн – дали согласие и отправились на Стену.

Пятый, сир Харрольд Лангвард, потребовал испытания поединком. Джейехерис дозволил и хотел сам выйти против него, но тут королева-мать решительно воспротивилась, и бойцом короны стал молодой штормовой рыцарь. Сир Джайлс Морриген приходился племянником Дамону Верному, капитану Сынов Воина, который в свое время сразился с Мейегором на Испытании Семерых. Желая доказать свою преданность новому королевскому дому, сир Джайлс быстро покончил с пожилым сиром Харрольдом и вскоре был назначен лордом-командующим гвардии Джейехериса.

Весть о королевском милосердии разнеслась между тем повсюду. Приверженцы Мейегора один за другим покидали свои убежища и ехали в столицу, чтобы присягнуть новому королю. Многие делали это неохотно, опасаясь, что Джейехерис окажется столь же ничемным и слабым, как и его отец... но за отсутствием у Мейегора наследников не было и вождя, к которому могла бы примкнуть оппозиция. Затем они встречались с королем лично, и встреча эта убеждала даже самых заядлых его противников в том, что перед ними истинный государь: искренний, щедрый, отважный и рыцарственный. Великий мейстер Бенифер, вернувшись из добровольного изгнания в Пентосе, писал, что Джейехерис «учен, как мейстер, и благочестив, как септон». В этом, конечно, есть доля лести, но и правда присутствует. Даже королева-мать называла Джейехериса «лучшим из трех моих сыновей».

Не следует, впрочем, думать, что мир в Вестеросе воцарился за одну ночь. Истребление Сынов Воина и Честных Бедняков настроило против Мейегора и всего дома Таргариенов множество благочестивых мужей и жен. Покойный король обезглавил сотни воителей Веры, но сотни оставались еще на воле, и тысячи малых лордов, рыцарей-помещиков и крестьян укрывали их, кормили, помогали чем только могли. Призрачные отряды Нищего Сайласа и Денниса Хромого нападали внезапно и тут же скрывались в лесах. К северу от Золотого Зуба, между западными и речными землями, рыскал сир Джоффри Доггет, Рыжий Пес из холмов, поддерживаемый женой риверранского лорда леди Люсиндой. Объявив себя новым капитаном Сынов Воина, он намеревался вернуть былую славу этому ордену и собирал под свое знамя других рыцарей.

Наибольшая же угроза существовала на юге, где стояло под стенами Староместа войско септона Муна и союзников его, лордов Рована и Окхарта. Мун (был ли он септоном на самом деле, остается загадкой), наделенный мощным сложением и громовым голосом, объявлял себя подлинным главой верующих, но образцом праведной жизни отнюдь не служил. Он хвастал, что из всех книг прочел лишь Семиконечную Звезду, но и это остается сомнительным, ибо цитат из священного писания он ни разу не приводил, и за чтением или письмом его никогда не видели.

Босой, заросший, он мог говорить часами и каждую свою проповедь начинал со слов: «Я сам грешник». Таким он, обжора, пьяница и распутник, и был. Каждую ночь Мун брал себе новую женщину, и понесли от него столь многие, что прихожане его начали говорить, будто он способен оплодотворить и бесплодную. Многие по невежеству своему в это верили. Мужья предлагали ему своих жен, матери – дочерей, и Мун никому не отказывал. Межевые рыцари и латники из его войска начали рисовать на своих щитах «лунный член» (ибо Мун на общем языке означает «луна»), а сметливые ремесленники за хорошую плату придавали ту же форму посохам, дубинкам и ладанкам. Прикладывание к сим талисманам обеспечивало, по общему мнению, удачу и благополучие.

Каждый день Мун обличал грехи дома Таргариенов и «верховного прихлебателя», закрывающего глаза на их прегрешения. Настоящий верховный септон сделался, по сути, узником в своем староместском дворце. Лорд Хайтауэр, правда, не допускал Муна в город, но и выступать – вопреки настояниям его святейшества – против него не спешил. На вопрос, отчего он бездействует, лорд отвечал, что не желает лить кровь праведников, но многие полагали, что он попросту опасается вступать в бой с лордами Рованом и Окхартом. За отказ что-либо предпринять он получил у мейстеров Цитадели прозвище Доннел Медлительный.

Долгий раздор между Мейегором и Верой породил особую необходимость того, чтобы Джейехериса помазал на царство верховный септон. В этом лорд Робар сходил с королевой Алиссой, но чтобы принц мог совершить путешествие в Старомест, нужно было как-то рассеять орды септона Муна. Надежда, что для этого будет довольно одной вести о смерти короля Мейегора, не оправдалась: из пяти тысяч сторонников от Муна ушли лишь несколько сотен человек. «Что значит смерть одного дракона, когда на его место восходит другой? – вопрошал свою паству Мун. – Вестерос не очистится, пока всех Таргариенов не перебьют или не загонят обратно в море». Каждый день он призывал лорда Хайтауэра сдать ему Старомест, «верховного прихлебателя» – встретиться лицом к лицу с Честными Бедняками, коих тот предал, простых горожан – восстать против нечестивых правителей. (И каждую ночь грешил с новым пылом.)

В далекой Королевской Гавани тем временем держали совет, как избавить страну от этой напасти. И у короля, и у сестер его были драконы, посему иные убеждали его последовать примеру Эйгона Завоевателя с сестрами, сокрушившими двух королев на Огненном Поле. Но Джейехерис не хотел убивать, а королева Алисса это попросту запрещала, памятуя гибель Рей-енис Таргариен вместе с драконом в Дорне. Лорд Робар не слишком охотно предлагал, что сам поведет войско и разобьет Муна, но в походе ему пришлось бы схлестнуться со штормовыми

людьми, силами Рована и Окхарта, с межевými рыцарями и Честными Бедняками. «Победу мы, конечно, одержим, но дорогой ценой», – говорил десница.

Возможно, их услышали боги, ибо затруднение это разрешилось самым неожиданным образом. В сумерки септон Мун, устав от целодневных речей, удалился в свой шатер для вечерней трапезы. Его, как всегда, охраняли Честные Бедняки – громадные бородатые воины с топорами, – но смазливую молодку, принесшую его святейшему штоф вина, они пропустили беспрепятственно, догадываясь, что та желает зачать от него дитя.

Малое время из шатра доносились только раскаты смеха, а после стражники слышали стон, женский крик и яростный рев. Полунагая женщина выбежала и унеслась прочь, прежде чем Бедняки успели ее задержать. Следом наружу вывалился голый, окровавленный Мун. Он зажимал рукой рану на горле, и кровь струилась в его длинную бороду.

Говорят, будто он пробежал половину лагеря от костра к костру, пытаясь догнать беглянку. Но тут даже его силища изменила ему, и он упал замертво среди воющих от горя сподвижников. Убийца исчезла бесследно, и больше ее не видели. Разъяренные Честные Бедняки искали ее всю ночь – срывали палатки, хватали женщин, избивали мужчин, если те чинили препятствия, но их усилия оказались напрасными. Даже караульщики у шатра не могли толком описать ту, что убила Муна.

Четверо Бедняков, отнесших тело пророка в его шатер, допили вино из наполовину полного штофа и к полудню были мертвы.

Как только Мун не стало, войско его начало таять. Ручеек, заструившийся сразу после вестей о смерти Мейегора и воцарении Джейехериса, превратился в бурный поток. От покойника еще и дух не пошел, а десяток соперников уже дрались за звание вожака. Следовало бы предположить, что теперь людей Муна возглавят лорды, его союзники, но ничего подобного не случилось. Простолюдины, особенно Честные Бедняки, недолюбливали знать, а нежелание Окхарта и Рована штурмовать городские стены лишь усилило недоверие к ним.

Самое обладание останками Муна стало костью раздора между его преемниками: Честным Бедняком по прозвищу Роб-Заморыш и неким Лоркасом-Ученым, будто бы знавшим всю Семиконечную Звезду наизусть. Лоркасу, по его словам, явилось видение, что Мун отдаст Старомест своим верным последователям даже и после смерти. Отняв тело Муна у Роба, сей ученый болван привязал голый, покрытый кровью, разлагающийся труп ремнями к коню и вознамерился штурмовать с ним врата Староместа.

К нему примкнули менее ста человек. Почти все они погибли под градом камней, стрел и копий, не приблизившись и на сто ярдов к городу, а тех, кто все-таки добрался до стен, в том числе и самого Лоркаса, ждали потоки кипящего масла и горячей смолы. Когда все они полегли, несколько храбрейших рыцарей лорда Хайтауэра произвели вылазку и отделили голову Муна от туловища. Ее выдубили, набили опилками и поднесли в дар верховному септону.

После этой неудачной атаки поход септона Муна выдохся окончательно. Лорд Рован со всеми своими людьми снялся с лагеря через час, лорд Окхарт ушел назавтра. Прочие – Честные Бедняки, межевые рыцари и так далее – разбрелись по сторонам, грабя и поджигая все деревни, хутора и остроги у себя на пути. У Староместа вместо прежних пяти тысяч остались едва ли четыреста человек, и лорд Доннел Медлительный, наконец-то выйдя из города, расправился с ними.

Убийство Муна устранило последнее серьезное препятствие между Джейехерисом и Железным Троном, но споры о том, кто совершил его, не утихают и по сей день. Никто не верит, что женщина, которая принесла «грешному септону» отравленное вино, а после его зарезала, действовала по собственному почину. Кто-то поручил ей это, но кто? Сам юный король, королева-мать, лорд Робар Баратеон? Полагают даже, что женщину эту прислали Безликие, гильдия

убийц-чародеев из Браавоса. Недаром она сразу же исчезла, «растаяв в ночи», недаром двое часовых описывали ее совершенно по-разному.

Однако те, кто ближе знаком с преступлениями Безликих, с этим не соглашаются. Браавосские наемники действуют куда тоньше и всегда придают своим убийствам вид естественной смерти. Это предмет их гордости, краеугольный камень их мастерства. Перерезать человеку горло так неумело, что он после этого еще долго шатался по лагерю, было бы для Безликих позором. Большинство ученых ныне сходятся на том, что убийца была всего лишь лагерной потаскушкой, выполнявшей приказ лорда Рована, лорда Окхарта или же их обоих. При жизни Муна они не смели его покинуть, но их поспешный уход после его смерти доказывает, что они враждовали лишь с Мейегором, а против дома Таргариенов в целом ничего не имели. Вскоре они и впрямь вернулись в Старомест на коронацию Джейхериса, чтобы склонить перед ним колено.

Торжество сие состоялось на исходе 48 года, как только путь в Старомест очистился. «Верховный прихлебатель», коего Мун так тщился сместить, помазал короля священным елеем и увенчал короной, принадлежавшей ранее отцу его Эйенису. Семь дней после этого длились празднества, и сотни лордов великих и малых присягали на верность новому королю.

Джейехериса сопровождали сестры Рейена и Алисанна, маленькие племянницы Эйерея и Рейелла, королева-мать Алисса, десница Робар Баратеон, лорд-командующий Королевской Гвардией сир Джайлс Морриген, великий мейстер Бенифер. В Звездную септу пришли архимейстеры Цитадели и тот, кого никто не думал увидеть здесь: сир Джоффри Доггет, Рыжий Пес из Холмов, провозгласивший себя капитаном упраздненных Сынов Воина. Он приехал вместе с лордом и леди Талли из Риверрана – не в цепях, как следовало бы ожидать, а с охранной грамотой, скрепленной печатью самого короля.

Бенифер написал после, что встреча короля с объявленным вне закона рыцарем «проторила дорогу» всем будущим деяниям юного государя. На просьбу сира Джоффри и леди Люсинды отменить указ Мейегора и восстановить ордена Звезд и Мечей Джейехерис ответил твердым отказом. «Вере мечи не нужны, – сказал он, – ибо защитой ей служат король и Железный Трон». Король отменил лишь награды, назначенные Мейегором за головы воителей Веры. «С собственным народом я воевать не стану, – добавил венценосный юноша, – но измены и бунта не потерплю».

«Да, я восстал против вашего дяди, но ведь и вы поступили так же», – дерзко заметил Доггет.

«Восстали и храбро сражались, этого отрицать нельзя. Сынов Воина больше нет, и обеты, данные им, вас более не связывают, но вы можете еще послужить». – С этими словами король, поразив свою свиту, предложил сиру Джоффри плащ рыцаря Королевской Гвардии. Настала глубокая тишина, пишет Бенифер. Доггет обнажил меч, и все испугались, думая, что он намерен пронзить короля, но рыцарь преклонил колено и сложил меч к ногам Джейехериса. Говорят, что лицо его оросили слезы.

Через девять дней после коронации король выехал из Староместа в Королевскую Гавань. На всем пути через Простор за ним тянулся длинный кортеж, но Рейена проводила брата лишь до Хайгардена. Там она села на свою Огненную Мечту и улетела на Светлый остров к лорду Фармену, оставив не только брата, но и своих дочерей. Послушница Рейелла осталась в Звездной септе, ее сестра-близнец Эйерея вернулась с Джейехерисом в Красный Замок, где стала чашницей и компаньонкой принцессы Алисанны.

Было замечено, что с девочками произошла удивительная перемена. Они были схожи как две капли воды, но лишь лицом, а не нравом. Рейелла росла упрямой и непокорной – септы, воспитывавшие ее, намучились с ней, – Эйерею же отличали робость и боязливость. «Она боится лошадей, собак, горластых мальчишек, бородатых мужчин и танцев, а драконы ее повергают в ужас», – писал Бенифер, когда девушку впервые привезли ко двору.

Однако после коронации маленькая послушница стала прилежно учиться, усердно молиться, и наказывать ее больше не приходилось; сестра же ее, выказав вдруг большую живость и смелость, полдня проводила в псарнях, конюшнях, на драконьих дворах. Многие, хотя доказательств тому не было, полагали, что королева Рейена или королева Алисса, воспользовавшись случаем, поменяли двойняшек местами. Разоблачать обман, если он на самом деле случился, охотников не нашлось: ведь пока у Джейехериса не появилось потомства, наследницей престола считалась та, что звалась теперь Эйереей.

Все сходятся на том, что возвращение Джейхериса в Королевскую Гавань стало настоящим триумфом. Рядом с ним ехал сир Джоффри, и вдоль всего пути их приветствовали восторженные толпы народа. К тракту то и дело выходили Честные Бедняки, изнуренные бородачи с топорами, прося оказать им ту же милость, что и Рыжему Псу. Король миловал их при условии, что они пойдут на Север и вступят в Ночной Дозор, и сотни человек, меж ними и Роб-Заморыш, клялись исполнить королевскую волю. «Всего лишь за одну луну, истекшую после его коронации, – пишет Бенифер, – Джейхерис примирил Железный Трон с Верой и положил конец кровопролитию, терзавшему страну при дяде его и отце».

Год трех свадеб

49 год ОЗ

49 год ОЗ, давший Вестеросу желанную передышку после недавней смуты, вошел в историю как Год Трех Свадеб.

Первая из них состоялась в самом начале года на западе, в водах Закатного моря. Скромная церемония под открытым небом соединила Рейену Таргариен с Андроу Фарменом, вторым сыном лорда Светлого острова. Для жениха это был первый брак, для невесты третий; дважды овдовевшей Рейене было в ту пору всего двадцать шесть, Андроу же – и вовсе семнадцать. Юноша, миловидный и мягкого нрава, был, как говорят, без памяти влюблен в свою суженую.

Обряд совершил септон лорда Марка Фармена. Из знатных гостей на остров прибыли лишь Лиман Ланнистер из Бобрового Утеса с женой Иокастой; невесту сопровождали подруги ее юных лет Саманта Стокворт и Алейна Ройс вместе с леди Элиссой, сестрой жениха. Прочими гостями были знаменосцы и домашние рыцари, присягнувшие домам Фарменов или Ланнистеров. Король и двор его ничего не знали об этой свадьбе, пока, много позже, в столицу с Утеса не прилетел ворон.

По свидетельству летописцев, королева Алисса была глубоко оскорблена тем, что дочь не пригласила ее на свадьбу, и прежние теплые чувства между ними остыли. Робар же Баратеон пришел в ярость оттого, что Рейена посмела вновь выйти замуж без дозволения короны, то есть его самого как десницы короля. Было бы такое дозволение дано, неизвестно, ибо Андроу, второй сын невеликого лорда, не мог считаться достойной парой для той, что дважды была королевой и оставалась матерью наследной принцессы. Между тем младший брат лорда Робара и двое его племянников были еще холосты и подходили Рейене по возрасту – чем можно объяснить как гнев десницы, так и тайну, окружавшую замужество Рейены Таргариен. Сам король и сестра его Алисанна обрадовались известию, послали на Светлый остров подарки и поздравления и приказали, чтобы колокола Красного Замка звонили, как в праздник.

Король Джейехерис и королева-регентша были в это время заняты отбором советников, долженствующих помогать им в управлении государством два предстоящих года. Главной заботой обоих оставался мир в государстве, ибо раны, нанесенные Вестеросу войной, только еще начали заживать. Король рассудил, что устранение от власти бывших людей Мейегора и служителей Веры лишь углубит эти раны, и мать согласилась с ним.

Памятуя об этом, король предложил лорду Эдвеллу Селтигару с Коготь-острова, бывшему десницей при Мейегоре, пост лорда-казначея и мастера над монетой. Лордом-адмиралом и мастером над кораблями Джейехерис назначил своего дядю Дейемона Велариона, лорда Дрифтмарка и брата королевы Алиссы, одного из первых великих лордов, покинувших короля Мейегора. Лорда Прентиса Талли из Риверрана призвали ко двору как мастера над законом; вместе с ним приехала жена его, суровая леди Люсинда, известная своим благочестием. Командовать городской стражей, наибольшим воинством Королевской Гавани, король поставил лорда Кварла Корбрея из Дома Сердец, который сражался на стороне Эйегона Некоронованного у Божьего Ока. Все они подчинялись деснице лорду Баратеону.

Неверно было бы полагать, что сам Джейехерис в годы регентства не принимал участия в государственных делах; молодой король присутствовал на многих заседаниях совета (хотя и не на всех, как мы увидим позднее) и не стеснялся высказывать свое мнение. Окончательное решение, впрочем, принимала королева-регентша вкупе с десницей, мужем грозным и властным.

Голубоглазый, чернобородый, сильный как бык, лорд Робар был старшим из пяти братьев, внуков Ориса Однорукого, который первым из Баратеонов стал лордом Штормового Предела. Сам Орис был побочным братом Эйегона Завоевателя и самым доверенным из его воевод. Убив Аргилака Надменного, последнего из Дюррандонов, он взял в жены его дочь, поэтому лорд Робар мог похвастаться тем, что кровь дракона в его жилах смешалась с кровью старых штормовых королей. Сражаться он предпочитал не мечом, а двойным топором, «столь тяжелым, что дракону череп разрубить впору».

Говорить такие слова при Мейегоре Жестоком было опасно, но если лорд Робар и опасался королевского гнева, то хорошо скрывал свои опасения. Знавшие его люди не удивились, когда он дал приют королеве Алиссе и ее детям после ее бегства с Драконьего Камня, и он же первый провозгласил Джейехериса королем. Брат его Борас во всеуслышание говорил, что Робар только и мечтает сойтись с Мейегором в единоборстве и зарубить его своим топором.

Мечта эта так и не сбылась. Вместо того чтобы убить старого короля, лорд Робар создал нового и возвел Джейехериса на престол. Право его занять место десницы оспаривали немногие, но очень многие шептались, что отныне страной будет править Робар Баратеон: Джейехерис-де совсем еще мальчик, сын слабого отца, а королева-мать – всего лишь женщина. Когда же было объявлено о скором браке лорда Баратеона с королевой Алиссой, шепотки сделались еще громче – ибо как же назвать лорда-мужа королевы, если не королем?

Первая жена лорда Робара умерла от горячки, не прожив с ним и года. Он был десятию годами моложе сорокадвухлетней Алиссы, неспособной более к деторождению, как все думали. Септон Барт позднее писал, что Джейехерис был против этого брака, подозревая, что лордом Робаром движет скорее жажда власти, нежели искренняя привязанность к королеве. Гневался король и на то, что ни мать, ни ее жених даже не подумали спросить его позволения... но поскольку он не возражал против брака сестры, то счел, что не вправе мешать и матери. Поэтому он молчал и делился своим недовольством лишь с самыми близкими из наперсников.

Десница вызывал восхищение своим мужеством, уважение – своей силой, страх – своим воинским мастерством, королева же внушала всем одно только чувство: любовь. «Такая красивая, такая храбрая и такая несчастная», – говорили о ней женщины Вестероса. Даже лорды, недовольные, что оказались под женской рукой, признавали ее своей государыней, ибо знали, что ей помогает Робар Баратеон, а королю остается до шестнадцатилетия меньше года.

Все соглашались, что Алисса, дочь могущественного Эйетана Велариона и леди Аларры из дома Масси, была очень красива в юности. Ее мать в свое время тоже считалась красавицей, отца же, лорда Дрифтмарка, называли в числе старейших и ближайших друзей Эйегона Завоевателя и его королев. Боги, одарив Алиссу Веларион темно-фиолетовыми глазами и серебристыми волосами Древней Валирии, наделили ее также умом, добротой и женскими чарами. В девичьи годы поклонники стекались к ней со всех концов Вестероса, но надеяться на ее руку едва ли стоило: столь прекрасной и одаренной девице из старинного и богатого рода под пару был только принц. В 22 году ОЗ Алисса стала женой Эйениса Таргариена, наследника Железного Трона.

Брак оказался счастливым. Эйенис был добрым, внимательным, щедрым мужем и ни разу не изменил Алиссе. Она родила ему двух дочерей и трех сыновей, здоровых и крепких (шестой ребенок, девочка, умерла вскоре после рождения). В 37 году, после смерти Эйегона, трон перешел к Эйенису, и Алисса стала его королевой.

Последующие годы принесли им множество бед. Королевство Эйениса под ударами врагов рассыпалось в прах, и в 42 году, в возрасте всего тридцати пяти лет, он умер сломленным, всеми презируемым человеком. Не успела Алисса оплакать мужа, как трон, по праву принадлежавший ее старшему сыну, захватил деверь. Сын, восстав против дяди-узурпатора, погиб вместе с драконом, на котором сражался. Второго сына замучила до смерти Тианна из Башни.

Алисса с двумя младшими детьми стала негласной пленницей чудовища, убившего их обоих, и принуждена была видеть, как старшую ее дочь выдают за него же.

Но в игре престолов случаются неожиданные повороты, и Мейегор Жестокий, в свою очередь, пал. Этому в немалой мере способствовало мужество королевы Алиссы, решившейся на побег, и Робара Баратеона, давшего ей приют. Боги даровали им победу, и теперь Алиссе из дома Веларионов представлялся случай выйти замуж повторно и вновь стать счастливой.

Ожидалось, что свадьба королевского десницы и королевы-регентши будет пышной в отличие от почти тайного брака королевы Рейены. Обряд должен был совершить сам верховный септон на седьмой день седьмого месяца в недостроенном Драконьем Логове, чей каменный амфитеатр мог вместить десятки тысяч гостей. Далее намечались семь дней пиров и забав, большой рыцарский турнир и даже потешный морской бой в Черноводном заливе.

Столь великолепного празднества в Вестеросе на памяти живых еще не бывало. Лорды, великие и малые, стекались в столицу со всех концов государства. Его святейшество сопровождали семьдесят семь Праведных и лорд Доннел Хайтауэр с сотней рыцарей. Лорд Лиман Ланнистер привел из Бобрового Утеса триста рыцарей. Из далекого Винтерфелла прибыл недужный лорд Брандон Старк с сыновьями Уолтоном и Алариком, дюжиной северян-знаменосцев и тридцатью братьями Ночного Дозора. Лорды Аррен, Корбрей и Ройс представляли Долину, лорды Селми, Дондаррион и Тарли – Дорнские Марки. Не было недостатка и в иноземных вельможах. Из Дорна приехала сестра принца, из Браавоса – сын Морского Начальника. Тирошийский архон с незамужней дочерью прибыл лично, как и двадцать два магистра из вольного города Пентоса. Все гости подносили новобрачным дары; особенно изощрялись бывшие сторонники Мейегора, а также союзники септона Муна – Рикард Рован и Торген Окхарт.

Все они, несомненно, приезжали не только на свадьбу. Одни желали поговорить с десницей, в коем видели подлинного правителя Вестероса, другие – посмотреть своими глазами, чего стоит новый король. Джейехерис предусмотрел это: сир Джоффри Доггет, телохранитель короля, объявил, что его величество готов встретиться с любым лордом и рыцарем-помещиком, и об аудиенции попросили больше ста человек. Король принимал их не в величественном тронном зале, а у себя в горнице, и всю свиту его составляли сир Джайлс, мейстер да несколько слуг.

Всех лордов он поощрял говорить свободно и спрашивал, как они полагали бы справиться с главнейшими государственными заботами. «Он не сын своего отца», – сказал лорд Ройс своему мейстеру после аудиенции: хоть и скупая, но похвала. «Слушает он хорошо, но говорит мало», – заметил лорд Венс из Отдыха Странника. Рикард Рован нашел короля доброжелательным, Кайл Коннингтон – остроумным, Мортон Карон – осторожным и проницательным. «Он не прочь посмеяться даже и над собой», – одобрительно заключил Джон Мертенс, но Алеку Хантеру король показался суровым, а Торгену Окхарту – угрюмым. Лорд Маллистер счел, что Джейехерис не по годам мудр, лорд Дарри заявил, что «перед таким королем всякий лорд с гордостью склонит колено». Самое глубокое суждение высказал Брандон Старк из Винтерфелла, увидевший в молодом короле черты его деда.

Десница на аудиенциях не присутствовал, но это не значит, что лорд Робар уделял гостям мало внимания. Он охотился с ними, не скупился на ставки в азартных играх и пировал так, что «осушил все погреба замка». Не пропустил он ни одной схватки и на турнире, окруженный веселой и зачастую хмельной толпой великих лордов и прославленных рыцарей.

Самая дерзостная потеха, однако, была устроена за два дня до свадьбы. В придворных хрониках о ней ничего не сказано, но горожане узнали обо всем от болтливых дворцовых слуг. Из самых изысканных притонов города Лисса в Королевскую Гавань доставили семь юных девственниц. Свою невинность королева Алисса давным-давно отдала Эйенису Таргариену, отчего лорд Робар никак не мог сорвать ее цветочек в брачную ночь, и лисские девы должны были вознаградить его. Если верить слухам, он успешно лишил девичества четырех, пока

хмель его не свалил, а братья его, племянники и друзья проделали то же самое с тремя прочими, насладившись после еще с сорока приплывшими из Лисса красотками.

Пока десница бражничал, а король принимал своих лордов, принцесса Алисанна развлекала их жен, дочерей и сестер. Старшая сестра короля Рейена предпочла остаться со своим молодым мужем на Светлом острове, королева Алисса была занята приготовлениями к свадьбе, и принцесса, всего тринадцати лет, по общему мнению, справлялась с сей трудной задачей блестяще. Все семь дней она завтракала в одной компании высокородных леди, обедала в другой, ужинала в третьей. Она показывала гостям чудеса Красного Замка, каталась с ними по заливу, разъезжала верхом по городу.

Мало кто из лордов и леди прежде знал Алисанну, младшее дитя Алиссы и Эйениса. В детстве ее затмевали братья и старшая сестра; о ней говорили как о «малютке» и «второй дочке». И вправду маленькая, тоненькая и хрупкая, с глазами скорее синими, чем лиловыми, и копной медовых кудрей, она не слыла красавицей, хотя красоты у нее в роду было вдоволь с обеих сторон. Зато в уме Алисанне никто не мог отказать.

Позже стали говорить, что читать она научилась раньше, чем ее отняли от груди; придворный шут уверял, будто она капала молоком своей кормилицы на валирийские свитки. Будь она мальчиком, ее наверняка послали бы в Цитадель учиться на мастера, писал септон Барт, ценивший Алисанну даже больше, чем ее муж, которому он так долго служил. До этого было еще далеко, но и в 49 году все соглашались с тем, что тринадцатилетняя Алисанна производила неизгладимое впечатление на всякого, кто видел ее.

День свадьбы настал наконец, и более сорока тысяч горожан поднялись на холм Рейенис к Драконьему Логову. Тысячи других приветствовали на улицах свадебный кортеж, сопровождаемый сотнями рыцарей на конях с расшитыми чепраками и сотнями звонящих в колокольчики септ. «Такого зрелища в Вестеросе еще не видывали», – пишет великий мастер Бенифер. Лорд Робар был в парче с головы до ног и в полушлеме с оленьими рогами. Платье невесты, блистающий дорогими камнями, украшал двойной герб: на одном поле трехглавый дракон Таргариенов, на другом – серебряный морской конек Веларионов.

Но, несмотря на великолепии невесты и жениха, больше всего поразили зрителей дети Алиссы. Джейхерис и Алисанна слетели с небес на своих драконах Вермиторе и Среброкрылом (вспомним, что Драконье Логово тогда еще не было увенчано своим знаменитым куполом). Кожистые крылья чудовищ взметали песок, вселяя благоговейный ужас в сердца собравшихся, но басня о том, что верховный септон при виде их будто бы замарал одежды, скорее всего просто досужая выдумка.

Мы не станем подробно описывать саму церемонию, а также последовавшие за ней пир и провожание молодых. Огромный тронный зал Красного Замка вместил величайших лордов и знатнейших заморских гостей; меньшие лорды со своими рыцарями пировали в других чертогах и во дворах, простые горожане праздновали в харчевнях, винных погребах и борделях. Лорд Робар, вопреки давешним любовным излишествам, с честью исполнил свой супружеский долг, о чем его пьяные братья раструбили повсюду.

Сразу после свадьбы начался семидневный турнир. От конных поединков у всех дух захватывало, но больше всего страстей разгорелось вокруг пеших сражений на мечах, копьях и топорах – и вот почему.

Вспомним, что из королевских гвардейцев Мейегора в живых остались лишь четверо, и всех их послали на Стену. В собственную гвардию король назначил пока только сиров Джайлса Морригена и Джоффри Доггета. Королева-регентша предложила, чтобы остальные пятеро были отобраны в воинских состязаниях – и где способнее это сделать, как не на свадьбе, куда съедутся рыцари со всего Вестероса? «Мейегор окружил себя стариками, льстецами, трусами и скотами, – заявила она. – Я хочу, чтобы моего сына защищали лучшие рыцари государства,

чьей верность и мужество не внушают сомнений. Свои белые плащи они завоюют в честном бою, у всех на глазах».

Король Джейехерис охотно согласился на это, но добавил кое-что от себя: пусть-де его будущие защитники докажут свою доблесть не в конном, а в пешем бою. «На королей редко нападают верхом и с копьями», – справедливо заметил он. Потому-то конные схватки на этом турнире уступили первенство кровавым боям, которые мастера после нарекли Войной за Белые плащи.

Сотни рыцарей бились за честь состоять в Королевской Гвардии. Некоторые из них сделали любимцами простого народа – к примеру, сир Виллем Стаффорд, низенький, тучный и пьяный без просыпу. Диво, как он на ногах-то держался, не говоря уж о битве! Его прозвали Пивным Бочонком и распевали «у Бочонка есть силенка» всякий раз, как он выходил на поле. Любили также Тома-Бренчалу, барда с Блошиного Конца – он высмеивал своих врагов, сочиняя про них озорные песни. Таинственного рыцаря, известного как Алый Угорь, тоже подбадривали многие; под конец, снявши маску, он оказался женщиной, Джонквиль Дарк, побочной дочерью лорда Синего Дола.

Никому из них, конечно, белый плащ не достался. Те, кто завоевал его, были не столь забавны, зато не имели себе равных в доблести и боевом мастерстве. Из знатного дома происходил только один, сир Лоренс Рокстон с Простора. Сир Виктор Отважный служил как присяжный рыцарь лорду Ройсу из Рунстона, сир Виллем-Оса – лорду Смолвуду из Желудей. Самый младший, Пейт-Кулик, сражался не мечом, а копьем, и многие сомневались, посвящен ли он в рыцари; но он так ловко управлялся с этим своим оружием, что сир Джоффри Доггет присудил ему победу и посвятил его сам среди всеобщего ликования.

Самый старший, межевой рыцарь шестидесяти трех лет, назывался Самгудом с Кислого Холма, или Кислым Сэмом. По его словам, он участвовал в сотне битв: «Не спрашивайте только, на чьей стороне, про то знаю я да боги». Одноглазый, лысый, почти беззубый, тощий, как жердь, в бою он не уступал воинам вдвое моложе, отточив свое мастерство в помянутой сотне битв.

Многие рыцари носили белые плащи за те пятьдесят пять лет, что Джейехерис провел на Железном Троне, – но недаром сказано, что никто из Таргариенов не мог похвалиться такими гвардейцами, как первая семерка юного короля.

Война за Белые плащи завершила празднество, прозванное вскоре Золотой Свадьбой. Все гости, разъезжаясь по своим замкам, соглашались с тем, что торжество удалось на славу. Молодой король завоевал любовь и восхищение многих лордов, а у жен их и дочерей только и разговору было, что о милой принцессе. Горожане Королевской Гавани также остались довольны: их король выказывал все признаки справедливого, милостивого, благородного государя, а десница его проявил себя не только отважным воином, но и щедрым хлебосолом. Содержатели гостиниц, харчевен, борделей, а также купцы, пивовары, шлюхи и карманники радовались более всех.

Да, Золотая Свадьба прогремела по всему Вестеросу и за его пределами, но самой важной стала третья свадьба судьбоносного 49 года.

Королева-регентша и десница, благополучно вступив в брак, начали подыскивать невесту для Джейехериса, а заодно и жениха для сестры его Алисанны. Пока король оставался холостым и бездетным, наследницами престола считались дочери его старшей сестры Рейены, которые были еще малы и, по общему мнению, не годились в правительницы.

Более того, лорд Робар и королева Алисса опасались за судьбы Вестероса в том случае, если Рейена вернется в столицу как регентша одной из двойняшек. О раздоре меж двумя королевами предпочитали не говорить, но все знали, что он налицо, ибо Рейена не пригласила мать на свою свадьбу и сама на свадьбу матери не приехала. Шептались даже, что Рейена – колдунья,

убившая Мейегора черной магией на Железном Троне. По этим причинам королю следовало как можно скорее взять себе жену и зачать наследника.

Но кого же выбрать в невесты? Лорд Робар, носившийся с мыслью распространить влияние Вестероса за Узкое море, предлагал дочь тирошийского архона, пригожую девицу пятнадцати лет, очаровавшую всех на свадьбе своим остроумием, невинным кокетством и синевато-зелеными волосами.

Его супруга, однако, воспротивилась этому. Народ Вестероса, говорила она, ни за что не признает крашеную иноземку своей королевой, как бы очаровательно та ни щебетала на общем. Восстанут против нее и верующие, ибо в Тироше поклоняются не Семерым, а красному Рглору, Творцу Узоров, трехглавому Триосу и прочим чуждым богам. Алисса предпочитала взять дочь одного из домов, поддержавших Эйегона Некоронованного. Пусть Джейехерис женится на девице Венс, Корбрей, Вестерлинг или Пайпер, настаивала она. Таким образом Таргариены вознаградят своих верных союзников и почтут память как Эйегона, так и тех, кто сражался и умирал за него.

Против этого, в свою очередь, усиленно возражал великий мейстер Бенифер. Предпочтение тех, кто сражался за Эйегона, сторонникам Мейегора повредит делу мира, говорил он. Лучше выбрать какой-нибудь великий дом, оставшийся в стороне: Тиреллов, Ланнистеров или Арренов.

Видя, что между десницей, королевой-регентшей и великим мейстером нет согласия, другие советники осмелились выступить со своим выбором. Прентис Талли, мастер над законом, предложил младшую и не менее благочестивую сестру своей супруги Люсинды: такой союз наверняка будет угоден Вере. Лорд-адмирал Дейемон Веларион высказался за вдовую королеву Элинон из дома Костейнов: наилучшим доказательством того, что люди Мейегора прощены, будет женитьба на одной из его Черных Жен и, быть может, усыновление трех ее мальчиков от первого брака. Кроме того, сама Элинон уже доказала свою плодовитость. Лорд Селтигар, еще недавно сватавший двух своих дочерей Мейегору, теперь желал отдать их за Джейехериса. «Ну уж нет, – заявил ему Робар. – У девок твоих ни подбородков, ни грудей, ни мозгов».

Алисса и ее советники обсуждали возможных невест чуть не месяц, но к согласию так и не пришли. Короля – в чем сошлись и королева-мать, и десница – на заседания совета не приглашали: он, хоть и мудрый не по годам, оставался мальчиком, и никто не желал, чтобы юношеские бредни помешали благополучию всей страны. Королева Алисса ничуть не сомневалась в том, что сам Джейехерис выбрал бы родную свою сестру Алисанну.

У Таргариенов такие браки заключались веками, и Джейехерис с Алисанной росли в уверенности, что когда-нибудь поженятся, подобно старшим брату с сестрой, Эйегону и Рейене. Алисанна была всего двумя годами моложе брата, и детская их привязанность сохранилась и в юности. Отец, король Эйенис, наверняка поженит бы их, и мать ничего лучшего не желала... но ужасы, пережитые после смерти мужа, изменили образ мыслей королевы Алиссы. Хотя Сыны Воина и Честные Бедняки были распущены и объявлены вне закона, многие из них оставались еще на свободе и могли схватиться за мечи, дай только повод. Королева, хорошо помня, что случилось после свадьбы с ее детьми, Эйегоном и Рейеной, не раз повторяла: «Эта дорога нам отныне заказана».

В этой решимости ее поддерживал новый советник, септон Маттеус из числа Праведных, оставшийся в столице после возвращения в Старомест верховного септона и других служителей Веры. Огромный, как кит, в роскошных одеждах, он объявлял себя потомком стародавних королей Гарденеров, правивших некогда Простором из замка Хайгарден. Многие полагали, что следующим главой Септы станет он.

Нынешний глава, коего септон Мун заклеил как «верховного прихлебателя», благословил бы какой угодно брак, лишь бы сохранить за собой священный престол в Звездной

септе. Но он был уже далеко не молод, и путешествие в Королевскую Гавань для совершения свадебного обряда едва не утомило его.

«Ежели его мантия ляжет на мои плечи, я поддержу любой выбор его величества, – говорил септон Маттеус, – но не все мои собратья настроены столь снисходительно, а новые Муны, да простятся мне такие слова, найдутся всегда. Праведные, памятуя недавнее прошлое, сочли бы брак между братом и сестрой тяжким оскорблением Веры, и я боюсь того, что может произойти в будущем».

Уважая мнение королевы и священнослужителя, Робар Баратеон и прочие лорды совета сразу же исключили принцессу Алисанну из числа возможных невест короля. Принцесса в свои тринадцать только что расцвела, отчего замуж ее требовалось выдать как можно скорее. Совет, недолго думая, постановил, что на седьмой день нового года она выйдет за Оррина Баратеона, самого младшего из братьев десницы.

Так решили королева-мать, десница и лорды-советники – но они, как случалось испокон веков, недооценили решимость самой принцессы и молодого короля Джейхериса.

Помолвку еще не объявили, и никто не ведал, как узнала о ней принцесса. Великий мейстер подозревал кого-то из слуг, шмыгавших туда-сюда во время заседания в горнице королевы; сам лорд Робар думал на Дейемона Велариона, человека гордого и возмущенного тем, что Баратеоны пытаются отнять у лордов Дрифтмарка место второго вестеросского дома. Простые же люди много лет спустя рассказывали, будто к принцессе прибежали с вестями «крысы, жившие в стенах замка».

Неизвестно, что сказала или подумала Алисанна Таргариен, узнав, что предназначена в жены Оррину, десятью годами старше нее, которого она едва знала и который ей, по слухам, не нравился. Известно лишь, как она поступила. Другая девушка на ее месте могла разрыдаться или пасть на колени перед матерью, моля ее пощадить, а в песнях поется, что девицы, приневоленные к замужеству, имели обыкновение бросаться с высоких башен. Алисанна, не сделав ничего подобного, отправилась напрямиком к Джейхерису.

Брата известие поразило не менее, чем ее. «Не сомневаюсь, что они и на мой счет строят брачные планы», – рассудил он и, по примеру сестры, не стал тратить времени на упреки и мольбы. Вместо этого он приказал своей Королевской Гвардии немедленно отплыть на Драконий Камень, где будет и он. «Вы присягали во всем мне повиноваться, – сказал он семерым рыцарям. – Помните свой обет и никому об этом не говорите».

В ту же ночь, под покровом мрака, король и принцесса улетели на драконах в древнюю крепость Таргариенов. «Мне нужен септон», – едва ступив на остров, сказал Джейхерис.

Король поступил правильно, не доверившись Маттеусу, который непременно выдал бы их. Септоном на Драконьем Камне еще со времен короля Эйениса служил престарелый Освик, знавший обоих детей с младенческих лет и наставлявший их в таинствах Семерых. Подвизаясь в отрочестве послушником при дворе королевы Рейенис, он был наслышан о брачных обычаях дома Таргариенов и не стал противиться велению короля.

Недолгое время спустя пришла галера с королевскими рыцарями. На следующее утро, как только взошло солнце, король Джейхерис, первый этого имени, взял в жены сестру свою Алисанну на большом дворе замка перед взорами богов, людей и драконов. Септон Освик дрожащим старческим голосом провел обряд, ни слова не упустив, рыцари в хлопающих на ветру белых плащах были свидетелями. Присутствовали также слуги, гарнизон замка и жители ютившейся под крепостными стенами рыбацкой деревни.

После скромного пира, где пили за здоровье молодой королевской четы, супруги удалились в опочивальню. Эйегон Завоеватель в свое время спал там с Рейенис, но провожания ввиду юных лет невесты не устраивали, и брак не был скреплен плотским соитием.

Это упущение не замедлило сказаться, когда на остров с запозданием прибыли лорд Робар и королева Алисса с дюжиной рыцарей, сорока латниками, септоном Маттеусом и великим мастером Бенифером, из писем коего нам и стало известно о происшедшем.

Джейехерис и Алисанна встречали их у ворот, держась за руки.

«Глупые дети, – разрыдалась, увидев их, королева Алисса. – Вы сами не знаете, что наделали!»

Тут слово взял септон Маттеус. Он всячески обличал новобрачных и пророчил, что содеянное ими вновь ввергнет государство в войну. «“Ваше кровосмешение проклянут от Дорнских Марок до Стены, и всякий сын Отца и Матери отречется от вас, нераскаянных грешников”, – вещал септон, налившись кровью и брызжа слюной», – пишет Бенифер.

Джейехерис Умиротворитель справедливо прославился как человек спокойный и рассудительный, но не думайте, что в нем не пылало пламя Таргариенов. Дождавшись, когда септон остановился перевести дух, он молвил: «От матушки я могу принять укор, от тебя нет. Придержи свой язык, толстый боров: я велю зашить тебе рот, если ты еще раз его откроешь».

Септон умолк, но лорд Робар тут же взял быка за рога, спросив, осуществился ли брак на деле. «Скажите правду, ваше величество: возлегли ли вы с ней? Рассталась ли она с девственностью?»

«Нет, – отвечал король, – она еще слишком юна для этого».

«Вот и хорошо, – улыбнулся на это лорд Робар, – стало быть, вы еще не женаты. Разлучите детей, не прибегая к насилию, – приказал он рыцарям, приплывшим с ними из Королевской Гавани. – Принцессу отведите в башню Морского Дракона, а его величество вернется с нами в Красный Замок».

Но тут вперед, обнажив мечи, выступили семь рыцарей Королевской Гвардии.

«Не приближайтесь, – предостерег сир Джайлс Морриген. – Каждый, кто коснется короля с королевой, умрет».

«Уберите оружие, – оторопел лорд Робар. – Вы забыли, что я королевский десница?»

«Не забыли, – сказал Кислый Сэм, – но мы не десницына гвардия, а королевская, и на троне сидит этот вот паренек, а не ты».

«Вас только семеро, – ошетинился Баратеон, – а со мной полсотни мечей. Одно мое слово, и вас на куски порубят».

«Может, и порубят, – возразил юный Пейт-Кулик, наставив копье, – только вы умрете первым, милорд, даю слово».

Никто не знает, что было бы дальше, если б не королева Алисса.

«Я, как и все мы, видела довольно смертей, – сказала она. – Вложите свои мечи в ножны, сиры. Что сделано, то сделано, придется нам теперь с этим жить... да смилуются боги над Вестеросом. Мы уйдем с миром, и пусть каждый молчит о том, что видел сегодня».

«Как прикажете, матушка, – отвечал Джейехерис, обнимая жену за плечи. – Не думайте только, что сумеете отменить наш брак. Мы теперь одно, и ни боги, ни люди не в силах нас разлучить».

«Этому не бывать никогда, – поддержала его Алисанна. – Отошлите меня на край света, выдайте за короля Моссови или за лорда Серой Пустыни – Среброкрылый все равно отнесет меня назад к Джейехерису». С этими словами она привстала на цыпочки, подняв лицо к королю, и он на глазах у всех поцеловал ее в губы.

Так рассказывает о столкновении у ворот Драконьего Камня великий мейстер Бенифер, бывший его очевидцем. Влюбленные уже несколько веков знают эту историю наизусть, и немало бардов сложили песни о семи воинах в белых плащах, отважно вышедших против полусотни врагов. Сказки и песни не берут, однако, в расчет гарнизон Драконьего Камня, где, по нашим сведениям, имелось двадцать лучников и столько же стражников под командой сира Меррела Буллока с сыновьями Алином и Ховардом. Чьей стороны они держались, нам уже не узнать, но подвиг семерых рыцарей, возможно, немного преувеличен.

Когда королева-регентша и десница отбыли, новобрачные закрыли ворота и вернулись в свои покои. Вплоть до совершеннолетия короля Драконий Камень оставался их резиденцией и убежищем. Говорят, что молодой король с королевой были почти неразлучны: вместе трапезничали, вспоминали недавнее детство, мечтали о будущем, вместе охотились с соколами, рыбачили, веселились с простолюдинами в прибрежных харчевнях, читали друг другу из запыленных, найденных в библиотеке томов, брали уроки у мастеров («нам еще многому следует научиться», – говорила мужу юная королева), молились с септоном Освиком. А еще они летали вокруг острова на драконах, добираясь порой до самого Дрифтмарка.

Если верить рассказам слуг, спали они нагими и целовались как на ложе, так и весь день напролет, но мужем и женой по-настоящему так и не стали. Прошло полтора года, прежде чем это случилось.

На остров порой приезжали лорды-советники, и Джейехерис принимал их в Палате Расписного Стола, где дед его некогда размышлял над завоеванием Вестероса, – всегда вдвоем с Алисанной. «Эйгон ничего не утаивал от своих королей, а у меня нет секретов от Алисанны», – говорил он.

В то первое, блаженное время их брака меж ними, быть может, и вправду секретов не было, но сам брак держался в секрете. Лорд Робар, вернувшись с Драконьего Камня, наказал всем очевидцам молчать, если они дорожат языками. О свадьбе не объявлялось; когда септон Маттеус собрался послать донесение в Старомест, великий мейстер Бенифер, ведавший почтовыми воронами, сжег письмо по приказу десницы.

Лорду Баратеону требовалось выиграть время. Привыкший побеждать и разгневанный тем, что король прилюдно выказал ему неуважение, он вознамерился во что бы то ни стало разлучить молодых супругов. Полагая это возможным, пока брак их не завершен, лорд Робар надеялся расторгнуть сей опасный союз без ведома кого бы то ни было.

Королева Алисса, хотя и по другой причине, тоже хранила тайну. «Что сделано, то сделано», – с полной искренностью произнесла она у ворот Драконьего Камня, но память о кровавом хаосе, последовавшем за женитьбой ее старших детей, не давала ей спать по ночам, и она отчаянно изыскивала способы помешать новому кровопролитию.

Кроме того, ей и ее мужу приходилось еще править страной, пока сын не возьмет власть в свои руки.

Так обстояли дела в Вестеросе, когда истек Год Трех Свадеб и настал новый, пятидесятый год от завоевания Эйегона.

Противостояние

Все люди грешны, учат нас отцы Веры. Даже величайшие короли и благороднейшие рыцари, уступая гневу, похоти или зависти, совершают порой поступки, пятнающие их доброе имя. С другой стороны, любовь и сострадание живут даже в самых черных сердцах, и самые порочные мужчины и женщины могут порой совершить что-то хорошее. «Мы таковы, какими нас создали боги, – пишет септон Барт, мудрейший из всех королевских десниц. – Сильные и слабые, хорошие и плохие, добрые и жестокие, герои и себялюбцы. Да будет это известно всякому, кто поставлен правителем над людьми».

Редко когда правота сих слов проявлялась столь явно, как в 50 году ОЗ. Полувековое правление Таргариенов намечалось отпраздновать пирами, турнирами, ярмарками. Ужасы Мейегора Жестокого отошли в прошлое, Железный Трон примирился с Верой, молодого короля Джейехериса обожали как лорды, так и простой народ. Но на небе уже собирались тучи, заметные лишь немногим, и чуткое ухо могло уловить громовые раскаты.

Королевство о двух королях что человек о двух головах, говорят в народе. Вестерос в 50 году имел короля, десницу и трех королев, совсем как при Мейегоре. Но если королевы Мейегора во всем зависели от супруга, который распоряжался самой их жизнью, то нынешние, каждая в своем роде, обладали определенной властью.

В Красном Замке властвовала королева Алисса, вдова короля Эйениса, мать короля Джейехериса, жена королевского десницы лорда Баратеона. На Драконьем Камне за Черноводным заливом явилась новая королева: дочь Алиссы, девица тринадцати лет, вопреки воле матери и лорда-отчима вышла замуж за брата своего Джейехериса. Наконец, на далеком Светлом острове жила старшая дочь Алиссы, вдова принца Эйгона Некоронованного. В западных и речных землях, даже в Просторе, ее называли уже королевой Запада.

Мать и двух дочерей, помимо родства, связывали былые страдания... и разделяли тени, сгущавшиеся день ото дня. Единство и дружество, позволившие Джейехерису, его матери и сестрам свергнуть Мейегора Жестокого, понемногу изнашивались, а старые обиды давали о себе знать. В эти последние месяцы регентства между молодыми королем с королевой и королевой-матерью с мужем-десницей зародилось несогласие, грозившее Вестеросу новой войной.

Не будем забывать, что в Вестеросе была и четвертая королева, дважды овдовевшая Элинон из дома Костейнов. Это она нашла Мейегора мертвым на Железном Троне, а после восшествия на престол Джейехериса уехала из столицы. В глубоком трауре, сопровождаемая лишь служанкой и одним стражником, она отправилась в Долину Аррен, где воспитывался в Орлином Гнезде ее старший сын от первого мужа, сира Тео Боллинга. Оттуда она проехала в Хайгарден, где воспитывался средний; убедившись в благополучии старших детей, она вместе с младшим мальчиком вернулась в отцовскую усадьбу Три Башни, намереваясь дожить там на покое остаток дней – но судьба и король Джейехерис, как мы увидим позже, имели другие замыслы на ее счет.

Поводом для ссоры между Джейехерисом и Алиссой стал его неожиданный тайный брак с младшей сестрой, сорвавший брачные планы королевы-матери и десницы, но были и другие причины: зерна раздора посеяли две другие свадьбы минувшего года.

Лорд Робар не спрашивал у короля разрешения жениться на его матери, и юный Джейехерис считал это знаком неуважения. Более того, король не одобрял этот брак в целом; он, как позже признался септону Барту, ценил своего десницу как советника и друга, но в новом отце не нуждался, полагая себя умнее и выше лорда Баратеона. На сестру Рейену, тоже не просившую у него позволения выйти замуж, он гневался несколько меньше, а вот королеву Алиссу глубоко обидело то, что дочь не посоветовалась с ней и не пригласила ее на свадьбу.

Рейена, как она говорила близким друзьям, никогда, в свою очередь, не понимала увлечения матери лордом Баратеоном. Она нехотя признавала, что тот помог ее брату в борьбе с Мейегором, но не могла ни забыть, ни простить, что тот же лорд Робар оставил без поддержки мужа ее Эйгона в битве у Божьего Ока. С течением времени ее все более возмущало, что ей и ее дочерям, законным наследницам Железного Трона, предпочли «младшего братца», как она стала называть Джейехериса. Она, как-никак, первенец, говорила Рейена всем, кто был склонен слушать, и на драконе стала летать задолго до младших, но все они, «даже родная мать», сговорились ее обойти.

Задним числом легко оправдывать во всем Джейехериса с Алисанной и выставять злодеями Алиссу и лорда Робара. Вольно и певцам сочинять, что любовь короля и принцессы не знала себе равных со времен Флориана-Дурака и его Джонквиль. В песнях любовь побеждает всегда, но в жизни всё не так гладко: королева Алисса отнюдь не без причины тревожилась за своих детей, за династию Таргариенов и за все государство.

Мотивы лорда Робара были не столь бескорыстны. «Неблагодарность» юного короля, в котором он видел сына, ранила его самолюбие, а вынужденное отступление на глазах у полусотни своих людей уязвляло и того пуще. Природный воин, мечтавший сойтись в поединке с королем Мейегором, не мог переварить унижения, которое претерпел из-за пятнадцатилетнего мальчика. Не будем, однако, судить его чересчур сурово, помня слова септона Барта. Совершивший под конец своей службы ряд глупостей и жестокостей, он в душе не был ни жестоким, ни даже глупым. Раньше он проявил себя как герой, и мы не должны забывать об этом даже в самый темный год его жизни.

После столкновения с Джейехерисом десница только и думал, что о своем позоре. Первым его побуждением было вернуться на Драконий Камень с большим числом людей, перебить гарнизон замка и насильственно исправить то, что сотворил Джейехерис. Что до Белых Плащей, поклявшихся защищать короля ценой своей жизни, то лорд Робар, как он заявил на совете, охотно бы предоставил им эту честь. На слова лорда Талли, что король может попросту закрыть перед ним ворота, Баратеон ответил: «И пусть, я возьму замок штурмом». Лишь королеве Алиссе удалось отговорить его от такого безумства. «У моих детей есть драконы, любимый, – мягко сказала она, – а у нас нет».

Королева-регентша не меньше мужа желала бы расторгнуть необдуманный брак, опасаясь, что весть о нем вновь поднимет Веру против короны. Септон Маттеус раздувал ее опасения; сей благочестивый муж, не боясь больше, что ему зашьют рот, говорил лишь о том, как «все добрые люди» восстанут против незаконной свадьбы короля и принцессы.

Примирение могло бы еще состояться, если бы Джейехерис и Алисанна приехали в столицу отпраздновать Новый год. Королева Алисса неустанно молилась об этом, говоря совету, что дети скоро опомнятся и повинятся – но этого не случилось.

Прошло две недели, а там и месяц. Когда король так и не прибыл ко двору, королева-мать объявила, что снова отправится на Драконий Камень, одна, и попросит детей вернуться. Лорд Робар ей это решительно запретил. «Твой мальчишка, если ты приползешь к нему на коленях, слушать тебя не станет. Он поставил свои желания выше благополучия Вестероса, и этому нельзя потакать. Ты хочешь, чтобы он кончил так, как его отец?» Королева покорила воле мужа и никуда не поехала.

«Королева, несомненно, желала поступить правильно, – писал много лет спустя септон Барт. – Беда лишь в том, что она не всегда знала, что правильно, а что нет. Ей, как и ее первому мужу королю Эйенису, хотелось прежде всего, чтобы ее любили, обожали и восхваляли – но правитель должен иногда совершать деяния, которые, как он знает, вызовут недовольство и возмущение, и вот на них-то не доставало решимости у королевы Алиссы».

Дни шли, складываясь в недели, и сердца по обе стороны Черноводного залива все больше ожесточались. Молодая пара оставалась на Драконьем Камне в ожидании дня, когда

Джейехерис сможет взять власть в свои руки, зрелая чета думала о том, как их разлучить и отвлечь тем грядущие бедствия. Алисса и лорд Робар обсуждали случившееся только с советом, а бывшие с ними солдаты и рыцари молчали, боясь потерять язык. Если вовремя отменить брачную церемонию, сохранив ее в тайне, то никто в Вестеросе и знать ничего не будет – так рассуждал десница. Все еще возможно, пока брак не скреплен на ложе.

Надежды эти, как мы знаем теперь, были тщетными, но в 50 году Робар Баратеон думал именно так. Ободряло его, безусловно, и молчание самого короля: Джейехерис, сыграв свою свадьбу без промедления, объявлять о ней не спешил, хотя имел к тому средства. На острове еще со времен королевы Висенны служил мейстер Калипер, вполне бодрый в свои восемьдесят годов, и ему помогали два молодых мейстера. Драконий Камень располагал достаточным количеством воронов; по слову короля они оповестили бы о свадьбе все королевство, но король этого слова не произнес.

Ученые по сей день спорят о причинах его молчания. Не раскаялся ли он в своем поспешном решении, как надеялась королева Алисса? Не обидела ли его чем-нибудь Алисанна? Не убоился ли он последствий, вспомнив о судьбе Эйгона и Рейены? Не поколебали ли его волю мрачные пророчества септона Маттеуса? Или он попросту, как всякий пятнадцатилетний юнец, сначала сделал, а потом уж задумался, как быть дальше?

В пользу всех этих версий приводилось немало доводов, но в свете того, что нам известно о Джейехерисе Первом сейчас, они маловероятны. Ни в молодости, ни в старости сей король никогда не поступал необдуманно. Автору этих строк представляется ясным, что Джейехерис ни на миг не раскаялся в своем браке и не намеревался расторгнуть его. Он избрал свою королеву по велению сердца и хотел известить о том королевство в нужное время – не мальчиком, женившимся вопреки желанию матери, но полноправным правителем.

Отсутствие короля в Красном Замке не прошло незамеченным. Не успел остыть пепел новогоднего костра, как жители Королевской Гавани начали перешептываться. Чтобы пресечь слухи, королева Алисса распространила весть, что его величество предастся отдыху и размышлениям на Драконьем Камне, в фамильном замке... но когда король так и не появился, этим озаботились лорды. Не болен ли он? Не взят ли под стражу по неизвестной причине? До тех пор король постоянно бывал в городе и беседовал с горожанами; внезапное его исчезновение волновало умы.

Алисанне возвращаться ко двору совсем не хотелось. «Здесь ты мой днем и ночью, – говорила она, – а в Красном Замке мне едва ли удастся урвать тебя хоть на час, ибо твоего внимания потребует вся страна». Драконий Камень был для нее идиллией. «Много лет спустя, состарившись и посев, мы будем оглядываться на эти дни с улыбкой, вспоминая, как счастливы были здесь».

Джейехерис, несомненно, отчасти разделял ее чувства, но у него были и другие причины не спешить в Красный Замок. Он, в отличие от дяди своего Мейегора, не впадал в безумную ярость, но гнев ему не был чужд; король не мог простить, что его не звали на совет лордов, где решалась его судьба и судьба сестры. Джейехерис был по-прежнему благодарен Робару Баратеону за помощь при восшествии на престол, но ни за что не позволил бы ему помыкать собой. «У меня был один отец, второй мне не нужен», – говорил он мейстеру Калиперу. Цени достоинства своего десницы, король хорошо видел и его недостатки, ставшие особенно явными перед Золотой Свадьбой, когда Джейехерис принимал своих лордов, а лорд Робар охотился, бражничал и лишал невинности юных дев.

На предмет собственных недостатков король также не заблуждался и хотел искоренить их, прежде чем занять трон. Отца его Эйениса называли слабым большей частью из-за того, что тот не был воином в отличие от брата своего Мейегора, и Джейехерис решил, что никому не позволит усомниться в своей отваге и воинском мастерстве. На Драконьем Камне в его распоряжении был командир гарнизона сир Меррел Буллок с сыновьями сиром Алином и сиром

Ховардом, был поседельный мастер над оружием сир Элиас Скелс; была, наконец, Королевская Гвардия, состоявшая из семи лучших в Вестеросе бойцов. Каждое утро он приказывал им нападать на себя свирепо и беспощадно, а сам отбивался мечом, копьем, топором и палицей. Учения велись на замковом дворе от восхода до полудня, и королева смотрела, как бьется ее король.

Тяжко ему давалась эта наука. Каждая схватка заканчивалась лишь тогда, когда Джейхериса объявляли убитым. Убивали его столь часто, что стражники на стенах завели привычку кричать «король умер» всякий раз, как он падал, и «да здравствует король» всякий раз, как он поднимался. Противники его бились об заклад, кто сколько раз убьет короля; победителем, по слухам, вышел молодой Пейт-Кулик, от чьего копья Джейхерис никак не мог увернуться. К полудню король, к огорчению Алисанны, бывал весь в синяках и в крови, но под конец своего островного сидения стал таким добрым воином, что сам сир Элиас сказал ему так: «В Королевскую Гвардию, государь, вас не примут, но кабы дядя ваш Мейегор чудом восстал из могилы, я бы поставил на вас».

Как-то раз, когда королю особо сильно досталось, мейстер Калипер спросил его: «К чему ваше величество так изводит себя? У нас теперь мир». На это Джейхерис с улыбкой ответил: «Мир был и когда умер мой дед, но стоило взойти на трон моему отцу, враги повылезли ото всюду. Они хотели испытать его силу – захотят испытать и мою».

В этом король не ошибся, но к первому испытанию, коему он подвергся, никакие воинские учения не могли его подготовить, ибо доказывать ему пришлось не боевую доблесть, а любовь к юной своей королеве.

О детстве Алисанны нам мало что известно: о ней как о пятом ребенке женского пола в хрониках почти не писали, уделяя все внимание старшим детям, более близким к трону. Была она, насколько мы знаем, умненькой, но ничем особо не выделялась; маленькой и хрупкой, однако никогда не болела; послушной, учтивой, с приятным голосом и милой улыбкой. На радость родителям, она не выказывала застенчивости, отличавшей ее старшую сестру в детстве, и никогда не грешила упрямством, как племянница ее Эйерея.

Ее как принцессу с ранних лет окружали прислужницы и компаньонки всякого рода. Сначала, конечно, была кормилица, ибо королева Алисса, как и большинство знатных дам, сама своих детей не выкармливала. Потом мейстер должен был учить ее счету, чтению и письму, а септа – наставлять в правилах благочестия. Девушки простого звания обстирывали ее и выносили за нею судно, а с возрастом к ней приставили ровесниц из знатных домов, с которыми она играла, каталась верхом и шила.

Подруг выбирала не сама Алисанна, а ее матушка, и менялись они часто, чтобы принцесса к ним не слишком привязывалась. Старшая, Рейена, питала к своим компаньонкам слишком пылкие чувства; при дворе это находили не совсем подобающим, и королева не желала, чтобы Алисанна стала предметом таких же сплетен.

Всё переменялось, когда король Эйенис умер и трон захватил брат его Мейегор, вернувшийся из-за Узкого моря. Новый король племянников недолюбливал и ни на грош им не доверял. Весь двор королевы Алиссы – рыцарей, фрейлин, слуг и мальчиков на побегушках – распустили, а Джейехериса с Алисанной отдали на воспитание двоюродной бабке, грозной королеве Висенье. Заложников во всем, кроме имени, их перевозили то на Дрифтмарк, то на Драконий Камень, то в Королевскую Гавань; но в 44 году Висенья скончалась, и Алисса, не упустив случая, бежала с Драконьего Камня с Джейехерисом, Алисанной и мечом Темная Сестра.

Достоверных сведений о жизни Алисанны после бегства не сохранилось. Она появляется в анналах лишь после смерти Мейегора Жестокоего, когда ее мать и Робар Баратеон выступили на Королевскую Гавань, а Рейена, Алисанна и Джейехерис прилетели туда верхом на драконах.

У нее, конечно же, и в ту пору были подруги и служанки, но имена их, к сожалению, до нас не дошли. Известно лишь, что никто из них не сопровождал Алисанну при их с Джейехерисом побеге из Красного Замка; в покоях и на кухне Драконьего Камня служили только мужчины.

Это едва ли приличествовало принцессе, тем более королеве, и ее мать Алисса отправила на Драконий Камень тщательно подобранный штат служанок и фрейлин. Делалось это с тайной мыслью развести молодых. План, как уверяет великий мейстер Бенифер, принадлежал

королеве-регентше, но лорд Робар охотно с ним согласился, усмотрев случай использовать его в своих целях.

Септон, как мы уже знаем, на острове был, но при особе королевы должна была состоять и септа. Королева-мать прислала дочери сразу трех: суровую сестру Изабель и двух послушниц возраста Алисанны из благородных семей, Лиру и Эдит. Начальницей всех посланных на остров женщин Алисса поставила леди Люсинду Талли, известную всей стране праведницу, а с ней приехала младшая сестра Элла из дома Брумов, которую одно время прочили Джейхерису в жены. Дочерей лорда Селтигара, коих десница совсем недавно презрел за недостаток подбородков, груди и мозгов, тоже включили в свиту. «Пусть от них хоть какая-то польза будет», – сказал будто бы их отцу лорд Робар. От Долины, штормовых земель и Простора также выбрали по девице: Дженнис из дома Темплтонов, Корианну из дома Уайлдов и Розамунду из дома Боллов.

Королева Алисса, безусловно, хотела, чтобы дочери прислуживали леди ее возраста и хорошего происхождения, но не в одном этом состоял ее замысел. Она надеялась, что три септы вкупе с набожными Люсиндой и Эллой внушат Алисанне, а быть может и Джейхерису, что брату спать с сестрой грешно и постыдно. В «детях», как Алисса продолжала называть молодых короля с королевой, нет зла, они просто юны и упрямы; если наставить их на путь истинный, они раскаются и отрекутся от греховного своего сожительства – об этом по крайней мере молилась их мать.

Цели лорда Робара были не столь высокими. Не полагаясь на солдат гарнизона и королевских гвардейцев, он желал иметь собственные глаза и уши на острове. Леди Люсинде он дал наказ докладывать ему обо всем, наипаче же о том, не намерены ли король с королевой осуществить наконец свой брак – чему, особо указал он, надлежит помешать всеми средствами.

Быть может, он добивался не только этого.

Сейчас, как ни жаль, нам придется заглянуть в одну скверную книгу, вышедшую лет через сорок после описываемых событий. Ее и теперь можно найти в притонах (хозяйки коих умеют читать) и в библиотеках образованных нечестивцев, между тем как все сохранившиеся списки должно держать под замком подальше от взоров девиц, честных жен, детей и всех благочестивых людей.

Ходит она под разными заглавиями, как то: «Грехи плоти», «Высокое и низкое», «История распутницы», «Пороки рода людского», но подзаголовок всегда один и тот же: «Назидание юным девам». Написана она будто бы благородной девицей, которая отдалась конюху своего лорда-отца, родила от него ребенка и прожила после долгую жизнь, полную всевозможных злоключений, грехов и пороков.

Если история эта правдива (во что порой с трудом верится), рассказчица побывала фрейлиной королевы, любовницей молодого рыцаря, лагерной потаскушкой на Спорных Землях, трактирной прислужницей в Мире, лицедейкой в Тироше, подругой предводительницы пиратов на островах Василиска, рабыней в Волантисе (где ее татуировали и вдели ей в нос кольцо), служанкой партийского колдуна и хозяйкой веселого дома в Лиссе, после чего уехала в Старомест и посвятила себя служению Вере. Дни свои она окончила в Звездной септе, где якобы и написала эту книгу в назидание молодым девушкам, дабы те не вступили на ее гибельный путь.

Непотребных ее походов мы касаться не станем: нас занимает лишь рассказ о юных ее годах, ибо предполагаемая сочинительница «Назидания юным девам» есть не кто иная, как Корианна из дома Уайлдов, посланная вместе с другими девицами в услужение маленькой королеве.

Мы не можем опираться на «Назидание» как на достоверный источник, даже если книгу в самом деле написала она (многие предполагают, что у этого сочинения несколько авторов, ибо стиль написания одних частей заметно отличается от других), но ранняя история леди Корианны подтверждается записками мейстера, служившего в Доме Дождя. Он пишет, что млад-

шую дочь лорда Уайлда в тринадцать лет и верно лишил невинности конюх. Сама она описывает своего соблазителя как «пригожего юношу», мейстер же говорит, что это был рябой тридцатилетний мужик, наделенный мужским орудием «что у твоего жеребца».

Как бы то ни было, лорд узнал о содеянном. Конюха оскотили и послали на Стену, а леди Корианна, заточенная в своих покоях, родила сына. Мальчика отправили в Штормовой Предел, где его усыновили замковый стюард с женой, у которых своих детей не было.

Ребенок, по словам мейстера, родился в 48 году. С леди Корианны теперь глаз не спустили, но вне стен усадьбы о ее позоре мало кто знал. Когда ворон принес ей вызов в Королевскую Гавань, леди-мать строго-настрого наказала дочери молчать о своем грехе: «В Красном Замке все думают, что ты девственница». Корианна отправилась в столицу с отцом и братом; они заночевали в гостинице на южном берегу Черноводной, откуда ходил паром, и оказалось, что там ее ожидает некий великий лорд.

С этого места всё еще больше запутывается: даже те, кто признаёт за «Назиданием» некоторую долю истины, спорят меж собой о том, кем же этот лорд был.

При многократном переписывании в книги вкрадывается немало ошибок и разночтений. Мейстеров Цитадели учат копировать оригинал слово в слово, но светские писцы не столь ревностно относятся к своему ремеслу. Служители Веры, со своей стороны, часто перетолковывают по-своему то, что находят непристойным или кощунственным. «Назидание», непристойное от начала и до конца, мейстеры и септоны вряд ли копировали. Принимая во внимание, что списки этой книги исчисляются сотнями (хотя при Бейелоре Благословенном сожгли не меньше), то переписчиками ее скорей всего были септоны, лишенные сана за пьянство, воровство и разврат; школяры, так и не выковавшие себе цепь в Цитадели; наемные писцы из Вольных Городов и, наконец, скоморохи, худшие из всей шайки. Все они, не стесняемые мейстерским уставом, склонны «украшать» текст, над которым трудятся.

В случае с «Назиданием» подобные «украшатели» старались добавить как можно больше сальных подробностей в любовные сцены. С годами одни добавления наслаивались на другие, и даже мейстеры Цитадели, как уже говорилось, не могут с уверенностью назвать первоначального заглавия книги. Одно из наиболее спорных мест – это имя человека, ожидавшего Корианну Уайлд в гостинице у переправы, ежели такая встреча состоялась на самом деле. В копиях, озаглавленных «Грехи плоти» или «Высокое и низкое» (старейших и самых коротких), его называют сиром Борасом, вторым по старшинству из братьев Баратеонов, а в «Истории распутницы» или «Пороках рода людского» он превращается в самого лорда Робара.

Однако о том, что случилось дальше, всюду пишется одинаково. Отцу и брату лорд велел удалиться, а девице раздеться. «Он ошупал меня с головы до пят, – говорится в книге, – поворачивал так и этак, приказывал наклоняться и расставлять ноги». Лишь удовлетворившись осмотром, лорд объяснил, зачем ее вызывают в столицу. «Тебя отошлют на Драконий Камень служить королеве Алисанне, – сказал он, – на самом же деле ты должна будешь соблазнить короля Джейхериса. Король наверняка еще девственник, – продолжал лорд, – и влюблен в свою сестрицу без памяти, но Алисанна дитя, а ты женщина, которую любой мужчина желал бы иметь. Авань, его величество, отведав тебя, забудет о глупой своей женитьбе. Может, потом он оставит тебя при себе, как знать? О браке, конечно, речи нет, но у тебя будут слуги, драгоценности – всё, что ты пожелаешь. Та, что греет постель короля, ни в чем не нуждается. Если принцесса Алисанна застанет вас на ложе вдвоем, тем лучше. Она девушка гордая и с неверным супругом не останется ни на миг. Если ты забеременеешь снова, о тебе и ребенке хорошо позаботятся, а родители твои будут щедро вознаграждены за оказанные тобою услуги».

В «Истории распутницы» иногда прибавляется, что лорд Робар сам познал эту девушку и пробыл с нею всю ночь, но это скорей всего приписано позже чьим-то сластолюбивым пером.

Можно ли этому верить? Трудно дать определенный ответ теперь, когда всех участников тех событий давно нет в живых. В том, что касается свидания у переправы, нам приходится

полагаться на слова самой Корианны; если кто-то из Баратеонов и вправду виделся с ней, то как знать, что он сказал ей на самом деле. Он мог просто дать ей указания касательно шпионства и доносительства, как всем другим девушкам.

Архимейстер Крей писал в последние годы короля Джейхериса, что встреча в гостинице – всего лишь неумелая клевета, выдуманная с целью очернить лорда Робара; он даже приписывал эту клевету самому сиру Борасу, который под старость лет рассорился со старшим братом. Мейстер Рибен, первейший в Цитадели знаток запрещенных и непристойных текстов, полагает со своей стороны, что эта сцена придумана для разжигания похоти блудниц и мужчин, которые ими пользуются. «В простонародье всегда найдутся охотники послушать, как великие лорды и благородные рыцари бесчестят невинных дев, – пишет Рибен. – Сии истории позволяют им верить, что и высокородным мужам не чужды страсти низкого сословия».

Быть может, это и так, но кое-какие вещи, известные доподлинно, позволяют нам прийти к собственным выводам. Мы знаем, что младшая дочь лорда Моргана Уайлда лишилась невинности в юном возрасте и произвела на свет незаконного сына. Мы можем с уверенностью предположить, что лорд Робар Баратеон знал об этом; он был сюзереном Уайлда, и ребенка отдали на воспитание в собственный его замок. Мы знаем, что Корианна Уайлд вошла в число девушек, посланных на Драконий Камень; весьма необычный выбор, если она предназначалась лишь для услуг королеве, ведь в королевстве имелись десятки других благородных девиц, чья непорочность не вызывала сомнений.

Так отчего же выбрали Корианну? Не обладала ли она каким-то особым даром? Никто в ту пору об этом не поминал. Не было ли у ее родителей каких-то особых заслуг перед лордом Робаром или королевой Алиссой? Свидетельств этому нет. Сколько-нибудь правдоподобного объяснения, помимо той неприглядной правды, что описана в «Назидании юным девам», не существует: на остров ее послали не к Алисанне, а к Джейхерису.

Говорят, что много лет спустя кто-то при хмельном Эйгоне IV вспомнил эту историю. Король будто бы рассмеялся и сказал, что лорд Робар, имея он хоть каплю ума, должен был сделать такое же предложение *всем* девушкам, отправленным на Драконий Камень: ведь десница не мог знать, которая из них больше понравится Джейхерису. Недостойные эти слова укоренились в простонародье, но мы за отсутствием доказательств можем смело забыть о них.

В придворных хрониках сказано, что септа Изабель, леди Люсинда и их подопечные сели на торговую галею «Мудрая жена» на заре седьмого дня седьмого месяца 50 года и с утренним приливом отплыли к Драконьему Камню. Королева Алисса, отправив вперед ворона с известием об их приезде, тем не менее опасалась, что женщинам не откроют ворота. Страхи эти не оправдались: маленькая королева с двумя гвардейцами встретила их еще в гавани, каждую приветствовала улыбкой и всем вручила подарки.

Прежде чем рассказывать о том, что случилось дальше, вернемся ненадолго на Светлый остров, где жила с новым мужем и содержала новый двор Рейена Таргариен, «королева Запада».

Вспомним, что королева Алисса осталась не более довольна третьим замужеством дочери, чем женитьбой сына, хотя брак Рейены был куда менее важен, – и была в этом не одинока, ибо Андроу Фармен, по чести сказать, казался странным избранником для дамы из рода драконов.

Второй сын (даже и не наследник) лорда, на девять лет моложе жены, он был красивым юношей с голубыми глазами и длинными льняными локонами. В отцовском замке его презрительно называли «наполовину девчонкой» за мягкость и учтивость манер. Оруженосцем он был никудышным, рыцарем так и не стал; отец и старший брат намного превосходили его в воинском мастерстве. Лорд-отец думал послать Андроу в Старомест, чтобы тот выучился на мастера, но домашний мейстер Светлого Замка ему отсоветовал, сказав, что у мальчика для

этого маловато ума, да и грамоту он едва знает. Когда Рейену спрашивали, отчего она выбрала себе столь неподходящего мужа, она отвечала так: «Он был добр ко мне».

Отец Андроу к ней тоже был добр: он приютил Рейену на Светлом острове после битвы у Божьего Ока, когда король Мейегор требовал ее выдачи, а Честные Бедняки клеймили ее как грешницу и кровосмесительницу. Говорили даже, будто она вышла за сына, чтобы вознаградить за помощь отца: лорд Фармен сам в свое время был вторым сыном без особых надежд на лордство и своего Андроу, несмотря на его недостатки, очень любил. Доля правды, возможно, в этом и есть, но мейстер Смайк дал, как мы думаем, более верное объяснение. «Истинную любовь на Светлом острове, – писал он в Цитадель, – королева обрела не с Андроу, а с леди Элиссой, его сестрой».

У Элиссы Фармен, тремя годами старше брата, были такие же голубые глаза и льняные волосы, но в остальном никакого сходства меж ними не наблюдалось. Умная, острая на язык Элисса любила лошадей, собак, соколов, красиво пела, хорошо стреляла из лука, но больше всего любила ходить под парусом. «Скакун наш – ветер», – гласит девиз Фарменов, бороздящих западные моря с Рассветных Веков, и Элисса служила живым его воплощением. В детстве она больше времени проводила на море, чем на суше: отцовские матросы смеялись, глядя, как она лазит по вантам наподобие обезьянки. В четырнадцать лет она уже плавала вокруг родного острова на собственной лодке, в двадцать – путешествовала на север, к Медвежьему острову, и на юг, к Бору. Порой, к ужасу лорда-отца и леди-матери, она высказывала желание отправиться далеко на запад и посмотреть, какие чудеса таятся по ту сторону Закатного моря.

Дважды, в двенадцать и шестнадцать лет, леди Элисса была помолвлена, но женихов своих, как признавал с грустью ее отец, отпугнула. В Рейене она нашла родственную душу, и они вместе со старинными подругами королевы Самантой Стокворт и Алейной Ройс скоро сделались неразлучны. Сир Франклин, старший сын лорда Марка, прозвал их тесный кружок четырехглавым чудищем. Андроу Фармен время от времени допускался туда, но не столь часто, чтобы счесть его пятой головой. То, что Рейена никогда не катала его на драконе, в отличие от своих подруг, говорит о многом (возможно, впрочем, что Андроу, не будучи любителем приключений, отклонял ее приглашения сам).

Было бы ошибкой представлять жизнь Рейены на Светлом острове как идиллию. Ее пребывание здесь устраивало не всех. Честные Бедняки даже на этом далеком острове выражали свое недовольство тем, что лорд Марк, как прежде его отец, приветает у себя «врагов Веры». Непросто было и с Огненной Мечтой. Если одни жители острова гордились тем, что у них есть «свой дракон», других это тревожило: дракон рос, и корму ему требовалось все больше. Когда же стало известно, что Огненная Мечта отложила яйца, некий нищенствующий брат стал пророчествовать, что скоро на Светлом острове выведутся драконы, которые начнут пожирать «и скот, и людей». Лорд Фармен послал рыцарей схватить его, но пророчество уже разошлось по округе, и слова умершего в темнице проповедника продолжали жить, наполняя страхом невежественные умы.

Даже в стенах Светлого Замка у Рейены имелись враги, и первым среди них был наследник лорда, сир Франклин. Он пролил свою кровь у Божьего Ока, сражаясь за Эйегона Некоронованного, а дед его и дядя погибли там, и молодому рыцарю выпало везти домой их тела. Сир Франклин полагал, что Рейена недостаточно раскаивается в том, что причинила дому Фарменов столько горя, а дружба ее с Элиссой возмущала его еще более. Королеве, по его мнению, следовало бы не поощрять сестрины выходки, а побудить ту исполнить свой долг, найдя себе подходящего мужа. Не одобрял он и того, что «четырёхглавое чудище» сделалось средоточием всей жизни в замке, в то время как он и его лорд-отец в число избранных не вошли. В этом он несколько не заблуждался. На остров, как пишет мейстер Смайк, приезжали многие лорды западных земель, искавшие аудиенции у королевы и ее окружения, а отнюдь не у мелкого лордика с его сыном.

Королеву и ее подруг это, впрочем, ничуть не заботило, пока всем распоряжался лорд Марк. Он по доброте сердечной любил всех своих детей – и своевольную дочь и никчемного сына, – а Рейена была ему дорога тем, что тоже любила их. Время шло, и Рейене с Андроу оставалось меньше двух недель до первой годовщины свадьбы, как вдруг лорд Марк, подавившись рыбьей костью, скончался у себя за столом в возрасте сорока шести лет, и лордом Светлого Замка стал сир Франклин.

Назавтра после похорон он, не теряя времени, призвал Рейену в свой великий чертог и приказал ей немедленно покинуть остров. «Вам здесь больше не рады, – заявил он. – Забирайте своего дракона, своих подруг и моего братца – он ведь, чего доброго, штаны намочит, если вы его не возьмете. Но знайте, что сестра моя останется здесь и будет выдана замуж по моему выбору».

Лорд Франклин, по словам мастера Смайка, при всей своей отваге умом не блистал и не понимал, что в тот миг был как никогда близок к смерти. «Глаза ее вспыхнули, – пишет мастер, – и мне померещилось, будто пламя охватило весь замок. Я видел, как чернеют и рушатся в море его белые башни, а в небе все кружит и кружит дракон».

Гордая дочь драконов под негостеприимным кровом не задержалась и в ту же ночь улетела в Бобровый Утес, велев мужу и подругам отплыть следом на корабле «со всеми, кто меня любит». Андроу, красный от гнева, хотел было вызвать брата на поединок, но жена быстро отговорила его. «Он изрубит тебя на куски, любимый, – сказала она, – а меня как трижды вдову сочтут ведьмой и прогонят из Вестероса». Лорд Лиман Ланнистер, напомнила Рейена, уже давал ей приют – она уверена, что он и на сей раз ей не откажет.

Андроу, Саманта и Алейна со свитой из более чем сорока человек собрались в путь на следующее утро. С ними была и леди Элисса, которая не намеревалась оставаться на острове. Корабль ее, «Девичья причуда», стоял готовый к отплытию, но в гавани они увидели лорда Франклина, сказавшего им: «Вам всем попутного ветра, но сестру я не отпускаю».

С ним, однако, было всего полдюжины стражников, и он не принял в расчет, как любят его сестру рыбаки, моряки, корабельные мастера и другие прибрежные жители, многие из коих знали ее с самого детства. Когда леди Элисса плюнула в брата и потребовала, чтобы тот убрался с дороги, вокруг нее собралась не на шутку разгневанная толпа. Лорд попытался схватить сестру, но людей его обезоружили, не дав обнажить клинки, и побросали в воду, а самого лорда Франклина швырнули в трюм «Причуды», груженный треской свежего улова. Элисса и все остальные взойшли на борт беспрепятственно, и корабль отплыл в Ланниспорт.

Лиман Ланнистер, лорд Бобрового Утеса, приютил у себя Эйгона с Рейеной, когда Мейегор хотел лишить их свободы и самой жизни. Его внебрачный сын сир Тайлер Хилл сражался вместе с Эйгоном у Божьего Ока. Жена его, суровая леди Иокаста из дома Тарбеков, подружилась с Рейеной и первая догадалась, что та ждет дитя. Как предвидела королева, они и на сей раз оказали радушный прием ей и ее двору. В честь гостей был устроен роскошный пир; Огненной Мечте отвели целую конюшню, а «четырёхглавому чудищу» и Андроу Фармену – покои в недрах Утеса, где они могли чувствовать себя в полной безопасности. Там они пробыли больше месяца, пользуясь гостеприимством богатейшего из вестеросских домов.

Со временем, однако, это гостеприимство начало тяготить Рейену. Она догадывалась, что все предоставленные им слуги – шпионы, докладывающие обо всем лорду и леди Ланнистерам. Одна из замковых септ спрашивала Саманту Стокворт, осуществлен ли брак Андроу и Рейены на деле и кто при этом присутствовал, если да. Сир Тайлер Хилл открыто презирал Андроу и старался подольститься к Рейене: повествовал о своих подвигах у Божьего Ока и показывал шрамы, полученные на службе «вашему Эйгону». Сам лорд Лиман проникся неподобающим интересом к трем драконьим яйцам, привезенным королевой со Светлого острова, и расспрашивал, когда же из них вылупятся детеныши. Леди Иокаста намекала, что одно-два яйца стали

бы достойной благодарностью Ланнистерам за всё, что их дом сделал для королевы; видя, что это ни к чему не приводит, лорд Лиман предложил за яйца баснословную сумму в золоте.

Рейене понемногу открывалось, что доброта их небескорыстна, что лорд хочет заключить союз с Железным Троном, выдав ее замуж за своего законного сына или бастарда; таким образом Ланнистеры, потеснив Хайтауэров, Баратеонов и Веларионов, стали бы вторым домом Вестероса. Кроме того, он желал получить драконов: имея собственных наездников, он во всем бы сравнился с Таргариенами. «Раньше они были королями, – говорила Рейена Самми Стокворт. – Лорд улыбается, но он взращен на сказаниях об Огненном Поле и ничего не простил нам». Рейена хорошо знала как историю Вестероса, так и историю своей родины, Древней Валирии, писанную кровью и пламенем. «Больше здесь нельзя оставаться», – сказала она подругам.

Оставим ее на время и вновь обратимся на восток, к Королевской Гавани и Драконьему Камню.

Королевский брак был хоть и важной, но далеко не единственной заботой королевы Алиссы и лорда Робара. Деньги, вернее недостаток таковых, докучали им всего более. Войны Мейегора опустошили казну; его мастер над монетой ради пополнения сундуков увеличивал существующие налоги и вводил новые, но мало преуспел в этом и лишь усилил ненависть лордов к жестокому королю. Немногим лучше обстояло дело и в годы регентства. Коронация Джейехериса и свадьба его матери помогли завоевать сердца и лордов, и простого народа, но заплатить за них пришлось немалую цену. В будущем тоже предвиделись большие расходы: лорд Робар вознамерился достроить Драконье Логово, прежде чем вручить Джейехерису город и государство.

Эдвелл Селтигар, лорд Коготь-острова, был плохим десницей при Мейегоре и оказался столь же плохим мастером над монетой при королеве-регентше. Не желая обременять других лордов, он придумал новые подати для горожан Королевской Гавани, благо те были под рукой. Портовые сборы увеличились втрое, некоторые товары облагались пошлиной как при ввозе, так и при вывозе; с содержателей гостиниц и строительных подрядчиков также стали взимать больше прежнего.

Все эти меры, вместо того чтобы пополнить казну, привели к застою. Строительные работы остановились, гостиницы опустели. Пострадала и торговля, поскольку купцы теперь вели свои корабли в Дрифтмарк, Синий Дол, Девичий Пруд и другие порты, где пошлины были меньше. (В Ланниспорте и Староместе лорд Селтигар тоже ввел свои новшества, но там дело обстояло менее скверно: Ланнистеры и Хайтауэры собирали лишнюю мзду спустя рукава.) Мастер над монетой добился лишь того, что столица прониклась к нему дружной ненавистью, доля которой перепала королеве Алиссе и лорду Робару. Драконье Логово продолжало стоять непокрытым – достраивать его было не на что.

На севере и на юге тоже собирались грозные тучи. Дорнийцы, видя, что дела удерживают лорда Баратеона в столице, осмелели и стали чаще вторгаться не только на Марки, но даже на штормовые земли. Пошли слухи, что в Красных горах появился новый Король-Стервятник, а братья Робара, Борас и Гарон, заявляли, что у них нет ни людей, ни средств для борьбы с ним.

С Севера долетали вести похуже южных. На Стене, в фортах Серебряный Иней и Соболий, вспыхнул бунт. Брандон Старк, лорд Винтерфелла, умер еще в прошлом году, вскоре после возвращения с Золотой Свадьбы; северяне говорили, что как раз путешествие и доконало его. Новый лорд, его сын Уолтон, собрал войско и выступил к Стене на подмогу верным братьям Дозора.

Все бунтовщики были прежде Честными Бедняками и Сынами Воина, помилованными королем Джейехерисом, а возглавили их сир Оливер Бракен и сир Реймунд Маллери, перебежавшие к Джейехерису из гвардии Мейегора. Когда лорд-командующий неосмотрительно

доверил им отстроить два заброшенных форта, рыцари решили превратить их в свои замки и сесть там лордами.

Продлилось это недолго: на каждого примкнувшего к мятежу приходилось десять, сохранивших верность своим обетам. Как только подошел лорд Уолтон со своими людьми, Серебряный Иней отбили, а бунтовщиков перевешали (самого сира Оливера лорд Старк обезглавил своим прославленным мечом по имени Лед). Узнав об этом, мятежники из Соболяго бежали за Стену в надежде объединиться с одичалыми. Лорд Уолтон, погнавшись за ними, два дня спустя был осажден великанами. Двух он, согласно летописи, убил, но другие стащили его с коня и растерзали на части – в таком виде и привезли его уцелевшие воины в Черный Замок.

Сир Реймунд со своими дезертирами союзников за Стеной не нашел: воробн, даже если они бунтовщики, вольный народ не любит. Полгода спустя голову Маллери доставили в Восточный Дозор. На вопрос, где остальные мятежники, вождь одичалых со смехом ответил: «Да съели мы их».

Лордом Винтерфелла теперь стал Аларик, второй сын Брандона. Владыка рачительный, хотя и суровый, он правил Севером целых двадцать три года. Долгая его нелюбовь к королю Джейехерису была хорошо известна: он винил юношу, помиловавшего бывших своих врагов, в гибели брата и говорил, что король должен был не посылать гвардейцев Мейегора в Дозор, а казнить их сам.

Джейехерис и Алисанна ничего об этом не ведали, но в добровольном своем изгнании жили не праздно. Утром король продолжал свои воинские занятия с гвардейцами и другими рыцарями, вечером читал о временах деда своего Эйгона Завоевателя, желая править страной по его образцу. В ученых трудах ему помогали три мастера и сама королева.

С простеством времени на Драконий Камень стали все чаще приезжать посетители. Первым явился лорд Масси из Плясунов; за ним вскорости последовали лорды Стаунтон из Грачевника, Дарклин из Синего Дола, Бар-Эммон с Острого Мыса. Следом потянулись Харт, Роллингфорд, Моутон, Стокворт. Молодой лорд Росби, чей отец лишил себя жизни после смерти короля Мейегора, униженно молил о прощении, которое Джейехерис охотно ему даровал. Лорд-адмирал Дейемон Веларион неотлучно пребывал в Королевской Гавани, но Джейехерис и Алисанна сами слетали на Дрифтмарк, где осмотрели его верфи с сыновьями лорда Корвином, Йоргеном и Виктором. Лорд Робар, услышав о визитах лордов, пришел в ярость и даже спросил адмирала, нельзя ли вывести флот в залив, чтобы помешать «льстивым прихвостням» шастать на остров. «Нет», – коротко ответил Веларион, и десница усмотрел в этом еще один неуважительный выпад.

Новые фрейлины и служанки Алисанны тем временем обжились на Драконьем Камне, и стало ясно, что надеждам королевы-матери на то, что сии «мудрые жены» убедят дочь в незаконности и нечестии ее брака, не суждено сбыться. Ни молитвы, ни проповеди, ни чтения Семиконечной Звезды не могли поколебать Алисанну, убежденную, что боги предназначили ее быть женой брата, матерью его детей, советницей его и помощницей. «Он будет великим королем, – говорила она септе Изабелы, леди Люсинде и девушкам, – а я великой королевой». Но во всем остальном она была столь доброй и ласковой, что даже праведные жены не дерзали ее осудить и все больше склонялись на ее сторону.

Не лучше выполнялся и хитроумный план лорда Робара. В зрелые годы королю с королевой, как известно, случалось ссориться и сходиться вновь, но в ту первую пору ни одно облачко не омрачало их небосклона; в этом нас заверяют и септон Освик, и мастер Калипер.

Мы не знаем, потерпела ли Корианна неудачу, пытаясь уложить короля в постель, или же не пыталась вовсе. Быть может, вся история со встречей в гостинице была выдумкой? На то, что об этом пишется в книге, полагаться нельзя: нам предлагают с полдюжины басен, одна другой непристойнее.

Беспутной кокетке, конечно, обидно признаться, что король не поддался ей или что она так и не нашла случая его соблазнить. «История распутницы» убеждает нас в том, что Корианна переспала не только с королем, но и со всеми семью рыцарями его гвардии. Король, насытившись ею, будто бы передал ее Пейту, а тот – сирю Джоффри, и так далее. «Высокое и низкое» потчует нас другой сказкой: король-де не только возлег с Корианной, но и Алисанну позвал порезвиться с ними, как это заведено в лиссенйских публичных домах.

Немного правдоподобнее рассказано об этом в «Грехах плоти». Корианне удалось соблазнить Джейхериса, но он был неловок и тороплив, как многие юноши, впервые познающие женщину. Корианна, которая успела полюбить Алисанну «как родную сестру» и питала теплые чувства к самому Джейхерису, не пожелала разрушить их брак и даже помогла сохранить его, обучив короля любовной науке, дабы он не посрамил себя в первую ночь с молодой женой.

Возможно, это такая же выдумка, как все остальные, но доброе начало в ней побуждает некоторых ученых думать, что так все и было на самом деле. Вот что, однако, известно нам о леди Корианне не из ее собственных сочинений, а из правдивой летописи: на пятнадцатый день восьмого месяца 50 года она под покровом ночи покинула Драконий Камень вместе с сиром Ховардом Буллоком, младшим сыном гарнизонного командира. Сир Ховард покинул также свою жену, забрав немалую часть ее драгоценностей. Рыбачья лодка увезла их на Дрифтмарк, где они сели на корабль и уплыли в Пентос. Оттуда судьба привела их в Спорные Земли; там сир Ховард записался в вольный отряд, называемый, за недостатком воображения, Вольным Отрядом. Три года спустя в Мире он погиб – не в бою, а упав с лошади после ночной попойки. Одинокая, без гроша за душой, Корианна вновь ступила на путь приключений, и больше нам нет нужды говорить о ней.

Узнав, что Корианна сбежала с чужим мужем и чужими драгоценностями, лорд Робар понял, что план его провалился с не меньшим треском, чем план королевы Алиссы. Ни святость, ни похоть не смогли разорвать узы между Джейхерисом и его Алисанной.

Хуже того: слух о женитьбе короля понемногу распространялся. Слишком много свидетелей видели стычку у ворот Драконьего Камня, а лорды, приезжавшие на остров позднее, не могли не заметить близости между Алисанной и королем. Робар Баратеон, сколько ни грозился, что вырежет болтунам языки, со слухами бороться не мог. Они ползли по стране и проникли даже за Узкое море, где Корианне Уайлд было что порассказать пентошским магистрам и наемным мечам.

«Теперь уж ничего не поделаешь, да помогут нам Семеро, – сказала королева-регентша лордам совета. – Придется нам жить с этим и всеми силами защищать молодых от того, что может случиться в будущем». Мейегор Жестокий лишил ее двух сыновей, старшая дочь от нее отдалилась – она не могла смириться с мыслью, что потеряет еще и младших детей.

Но лорд Робар так легко не сдавался, и слова жены привели его в бешенство. Не стеснясь великого мастера Бенифера, септона Маттеуса, лорда Велариона и остальных, он обрушился на нее с презрительной речью: «Ты слаба, как твой первый муж, слаба, как твой сын. Нежности простительны матери, но не регенту и уж конечно не королю. Мы поступили глупо, короновав Джейхериса. Он думает только о себе и стал бы еще худшим королем, чем его отец. Хвала богам, время у нас есть: мы должны низложить его».

В чертоге совета сделалось тихо. Королева, взглянув на Робара с ужасом, разрыдалась, и лишь тогда советники обрели дар речи. «В своем ли вы уме?» – спросил лорд Веларион. «Мои люди никогда не пойдут на это», – заявил командующий городской стражей сир Корбрей. Мастер над законом Талли, переглянувшись с великим мастером, задал деснице вопрос: «Не сами ли вы хотите сесть на Железный Трон?»

«Нет, – твердо ответил Баратеон. – По-вашему, я узурпатор? Я хочу Семи Королевствам только добра, да и Джейхерису мы ничего худого не сделаем. Пошлем его в Старомест: он книжник, мастерская цепь подойдет ему в самый раз».

«Кто же тогда займет трон?» – спросил лорд Селтигар.

«Принцесса Эйерея, – не задумываясь, ответил лорд Робар. – В ней есть огонь, которого недостает Джейехерису. Она еще юна, но я как десница буду опекать ее и научу всему, что должна знать правительница. У нее и прав больше: ее родители были старшими детьми короля Эйениса, а Джейехерис всего лишь четвертый по счету. – Он стукнул кулаком по столу (все это мы знаем из записок великого мастера) и добавил: – Мать, королева Рейена, бесспорно поддержит дочь, а у нее есть дракон!»

«Мы молчали, – пишет далее Бенифер, – хотя на устах у всех трепетало: “У Джейехериса и Алисанны они тоже есть”. Кварл Корбрей, сражавшийся у Божьего Ока, своими глазами видел, как страшна битва двух драконов, а перед прочими вставали картины Древней Валирии, где владыки драконов вели войны между собой».

В этот миг королева Алисса сквозь слезы произнесла: «Регент здесь я. Пока мой сын не достиг совершеннолетия, вы все, в том числе и десница, повинуетесь мне. – Вслед за сим она, по словам Бенифера, посмотрела на своего лорда-мужа, и глаза ее стали черными, как осколки обсидиана. – Ваша служба мне более не угодна, лорд Робар. Вернитесь в Штормовой Предел, и мы забудем о ваших изменнических речах».

«Не думай, что можешь сместить меня, женщина», – рассмеялся лорд Робар.

Тут сир Корбрей, поднявшись с места, обнажил валирийский меч Покинутая, гордость своего дома. «Она может», – сказал он и положил меч на стол острием к лорду Робару. Лишь тогда, пишет Бенифер, Баратеон понял, что зашел слишком далеко и восстановил против себя всех присутствующих.

Десница, не сказав больше ни слова, швырнул королеве золотую брошь, знак своего сана, и вышел вон. В ту же ночь он с братом Оррином переправился через Черноводную и ждал шесть дней, пока другой брат, Роннал, собирал рыцарей и латников для перехода к родному замку.

Легенда гласит, что остановился лорд Робар в той самой гостинице, где он или его брат Борас встречался с Корианной Уайлд. Братья Баратеоны выступили в Штормовой Предел с наполовину меньшим числом людей, чем два года назад, когда они шли свергать Мейегора. Остальные предпочли соблазны большого города мокрым лесам, зеленым холмам и крытым мхом хижинам штормовых земель. «Я ни разу не терял столько людей в бою, сколько потерял в столичных пивных и харчевнях», – с горечью молвил лорд Робар.

Потерял он также и Эйерею. В ночь его отставки сир Роннал Баратеон с дюжиной человек проник в покои принцессы, чтобы увезти ее с собой в Штормовой Предел, но королева Алисса опередила их, и служанки не знали, куда подевалась девочка. Лишь позже стало известно, что из замка ее увел сир Корбрей по приказу регентши. Эйерею одели в лохмотья, серебристые с золотом волосы выкрасили в тускло-каштановый цвет, и весь остаток регентства она проработала на конюшне у Королевских ворот. Восьмилетняя принцесса любила лошадей и после говорила, что счастливее времени у нее в жизни не было.

Королева же Алисса, как ни печально, была глубоко несчастна. Если лорд Робар и любил ее прежде, отставка засушила эту любовь на корню, и брак их превратился в руины, где бродили призраки прошлого. «Алисса Веларион пережила мужа, двух старших сыновей, умершую в младенчестве дочь, пережила ужасные годы Мейегора Жестокого и утрату дружбы с другими детьми, но эта последняя потеря надломила ее», – напишет о ней в будущем септон Барт.

Сходным образом писал и Бенифер, ее современник. После ухода лорда Робара Алисса назначила десницей своего брата Дейемона Велариона. Отправив на Драконий Камень ворона с письмом, где она извещала сына о происшедшем (однако не полностью), королева удалилась в свои покои в крепости Мейегора. До конца своего регентства она предоставляла Дейемону править страной и при дворе не показывалась.

Хотелось бы сказать, что лорд Робар, вернувшись к себе домой, раскаялся и повинился в своих ошибках – но он, к несчастью, был не таков. Горечь поражения жгла его словно желчь. Он любил говорить, что топора в бою не опустит, покуда в нем теплится жизнь; вознамерившись выиграть и эту войну, он совершил последнее из своих безумных деяний.

В женскую обитель при Звездной септе Староместа явился внезапно сир Оррин Баратеон с десятком людей. Предъявленное им письмо с печатью лорда Робара предписывало немедля вручить ему послушницу Рейеллу Таргариен; на словах сир Оррин добавил, что лорду Робару-де она неотложно требуется. Уловка, возможно, и удалась бы, но септа Каролина, исполнявшая в тот день обязанности привратницы, обладала стальной волей и подозрительным складом ума. Послав будто бы за девочкой, она известила верховного септона. Его святейшество почивал (к счастью, возможно, как для девочки, так и для всего государства), но стюард его, бывший капитан Сынов Воина, не дремал.

Вместо испуганного ребенка люди Баратеона увидели перед собой тридцать вооруженных септонов во главе со стюардом Каспером Строу. Сир Оррин выхватил меч, но сдался, услышав от Строу, что сюда идут сорок рыцарей лорда Хайтауэра (что, как выяснилось потом, было ложью). На допросе сир Оррин показал, что лорд Робар в Штормовом Пределе хотел добиться от Рейеллы признания, что на самом деле ее зовут Эйереей, и провозгласить ее королевой.

Верховный септон, человек мягкий и слабовольный, исповедал Оррина и отпустил ему грех, но это не помешало лорду Хайтауэру бросить Баратеона в темницу и уведомить обо всем как Красный Замок, так и Драконию Камень. Лорд Доннел, справедливо прозванный Медлительным за нежелание сразиться с ордами септона Муна, отчего-то не побоялся прогневать Штормовой Предел, заключив в тюрьму брата самого лорда Робара. «Пусть-ка попробует освободить братца, – сказал он своему мейстеру, озабоченному положением дел. – Собственная жена ему яйца оттяпала, а король скоро оттяпает голову».

Робар Баратеон пришел в ярость, узнав, что брат потерпел неудачу и взят под стражу... но знамена, чего опасались многие, не стал созывать. «Мне конец, – мрачно сказал он мейстеру Штормового Предела. – Если боги будут милостивы, меня ждет Стена, если нет, мальчишка отрубит мне голову и преподнесет ее своей матери». Будучи бездетным, он велел мейстеру написать свое завещание. В сей грамоте Робар ручался, что братья его, Борас, Гарон и Роннал, не были посвящены в заговор, просил милости для младшего брата Оррина и назначал сира Бораса наследником Штормового Предела. «Всё, что я совершил, было сделано для блага Вестероса и Железного Трона», – говорилось в конце завещания.

Решения своей судьбы лорд дождался недолго. Срок регентства уже истекал, королева-регентша устранилась от дел, новый же десница Дейемон Веларион, по словам Бенифера, «говорил мало, а делал и того меньше».

В двадцатый день девятого месяца 50 года Джейехерису Таргариену сравнялось шестнадцать лет. По законам Вестероса он теперь считался взрослым мужчиной и в регенте более не нуждался. И народ, и знать по всей стране ждали, каким королем он себя покажет.

Время испытаний

Передел государства

Джейехерис Первый прилетел в Королевскую Гавань один. Пятеро рыцарей его гвардии приехали тремя днями ранее, чтобы приготовить всё к прибытию короля. Королева Алисанна ввиду своего непрочного статуса и размолвки с королевой-регентшей оставалась пока на Драконьем Камне еще с двумя гвардейцами и своими дамами.

День, как пишет великий мастер Бенифер, выдался не самый благоприятный. Моросил дождь, и члены совета ожидали короля во внутреннем дворе, закутавшись в плащи с капюшонами. Рыцари, оруженосцы, конюхи, прачки и прочие обитатели замка занимались своими делами, то и дело поглядывая на небо. Когда послышался наконец шум крыльев и часовые на восточной стене различили вдали бронзовую чешую Вермитора, громкое «ура» покатилося из замка по холму Эйгона, прогремело по всему городу и вышло далеко за его пределы.

Король не сразу сел в Красном Замке. Он облетел город трижды, постепенно снижаясь, так что все мужчины, женщины и босоногие ребятишки могли ему помахать. Лишь после этого он опустил наземь перед крепостью Мейегора, где ждали его лорды совета.

«Он сильно переменился с тех пор, как я последний раз его видел, – пишет Бенифер. – Юнец, улетевший на Драконий Камень, исчез бесследно: перед нами стоял взрослый муж. Он вырос на несколько дюймов, мышцы на его груди и руках окрепли. Волосы падали на плечи, щеки и подбородок покрывал золотистый пушок. Одет он был в кожу с потеками соли, что приличествовало скорее выезду на охоту, и защитой ему служил один лишь колет с заклепками. Но на поясе у него висел дедов клинок Черное Пламя, меч королей, который и в ножнах ни с чем нельзя было спутать. Нет ли здесь предостережения, с трепетом думал я, глядя, как дракон пускает дым из ноздрей. После смерти Мейегора я сбежал в Пентос, боясь преследований; дурак же ты был, что вернулся, говорил я себе».

Но молодой король развеял страхи великого мастера. Грациозно соскользнув с Вермитора, он улыбнулся (словно солнышко просияло сквозь тучи, по словам лорда Талли). Лорды склонились или преклонили колена, по всему городу зазвонили колокола. Джейехерис заткнул за пояс перчатки и произнес: «Ну что ж... за работу, милорды!»

Лишь одна особа не присутствовала при встрече: королева Алисса. Пришлось Джейехерису самому идти в крепость Мейегора, где она затворилась. Никто не знает, как они встретились впервые после своего столкновения на Драконьем Камне, но говорят, что лицо королевы, вышедшей из внутренней крепости об руку с сыном, покраснело и распухло от слез. Вдовствующая королева, больше уже не регентша, пришла в тот вечер на пир и стала бывать при дворе, но на заседаниях совета больше не появлялась. «Ее величество, – пишет Бенифер, – продолжала исполнять свой долг перед сыном и государством, но радость жизни угасла в ней».

Прежде всего король преобразовал свой совет, оставив одних и сменив других, плохо справлявшихся со своими обязанностями. Дейемон Веларион остался десницей, а сир Корбрей – командиром городской стражи. Лорд Талли получил благодарность за службу и вместе с супругой леди Люсиндой отправился домой в Риверран. Вместо него король назначил мастером над законом лорда Альбина Масси из Плясунов, который одним из первых посетил его на Драконьем Камне. Три года назад, когда Масси выковывал мастерскую цепь в Цитадели, лихорадка унесла его старших братьев и лорда-отца. Из-за больного позвоночника бывший школяр прихрамывал, но хромота, как он сам часто говаривал, не мешала ему читать и писать. Лордом-адмиралом король сделал лорда Манфрида Редвина из Бора. Тот приехал ко двору с

юными сыновьями-оруженосцами Робертом, Рикардом и Раэмом, и адмиральский пост впервые занял не Веларион, а кто-то другой.

Вся Королевская Гавань возрадовалась, услышав, что мастера над монетой Эдвелла Селтигара король тоже сместил. Джейехерис говорил с ним милостиво и сказал, что две его дочери, наперсницы Алисанны, «истинное сокровище». Они останутся при королеве и дальше, но сам лорд немедля вернется на Коготь-остров, а введенные им подати будут отменены (случилось это на третий день по прибытии короля в Красный Замок).

Однако найти замену лорду Эдвеллу оказалось не так легко. Советники предлагали Лимана Ланнистера, богатейшего лорда Семи Королевств, но король это предложение отклонил, сказав: «Не знаю, чем нам поможет лорд Лиман, – разве что откроет золотую жилу под Красным Замком». К родственникам Доннела Хайтауэра Джейехерис присматривался несколько дольше, ибо богатство Староместа проистекает из торговли, а не из подземных недр, но верность Доннела Медлительного внушала ему сомнения. В конце концов король принял смелое решение и взял человека из-за Узкого моря.

Это был Рего Драз – не лорд, не рыцарь, и даже не магистр, а простой купец и меняла. Поднявшись из низов, он стал богаче всех в Пентосе, но в магистерский совет из-за незнатного происхождения не попал. В пику землякам Драз с радостью согласился на предложение короля и перебрался в Вестерос с семьей и всем своим состоянием. Король, чтобы уравнять его с другими членами совета, пожаловал ему титул лорда. Поскольку к титулу не прилагались ни земли, ни замок, ни поселяне, придворный остряк прозвал Дразу «лордом воздуха», но пентошиец лишь посмеялся: «Вот введу налог на воздух и стану истинным лордом».

Джейехерис уволил также септона Маттеуса, столь яростно ратовавшего против кровосмесительных браков. «Вера не одобрит короля, желающего править без помощи одного из ее служителей», – с вызовом заявил тот. «В служителях Веры у нас недостатка нет, – не замедлил с ответом король. – Септон Освик и септа Изабель остаются с нами, а молодой человек из Хайгардена по имени Барт займется нашей библиотекой». Маттеус сказал на это, что Освик давно выжил из ума, у Изабелы, как у женщины, ума отродясь не бывало, а Барта он знать не знает. «Как и многого другого», – ответил король. Лорд Масси тоже не преминул пошутить: Маттеус-де весил столько, что на замену королю понадобились целых три священнослужителя.

Маттеус, которого ни один конь бы не выдержал, отбыл в Старомест в золоченом возке, сопровождаемый шестью стражниками и дюжиной слуг. При переправе через Мандер у Горького Моста он, по преданию, встретился с септоном Бартом, ехавшим на осле.

Реформы короля коснулись не только совета. Он заменил ключаря, всех дворцовых стюардов, портового начальника (со временем своих мест лишились также портовые начальники Староместа, Девичьего Пруда и Синего Дола), начальника монетного двора, палача, мастеров над оружием, над псарней, над конями и, наконец, крысоловов. Темницы под Красным Замком король приказал очистить, а всех узников вывести на воздух, помыть и рассмотреть их дела повторно. Джейехерис подозревал, что многие из них были заточены еще во времена его дяди; в этом он, увы, не ошибался, но сии несчастные за проведенные во тьме годы утратили разум и не подлежали освобождению.

Произведя все эти замены, Джейехерис велел великому мастеру послать ворона в Штормовой Предел и вызвать лорда Робара Баратеона обратно в столицу.

Королевское письмо привело лорда и его братьев в смятение. Сир Борас, почитавшийся самым вспыльчивым из них, на сей раз сохранил спокойствие и сказал: «Если поедешь, не сносить тебе головы. Отправляйся лучше на Стену, Дозор тебя примет». Гарон и Роннал советовали не подчиняться и отсидеться в неприступном Пределе. «Если мальчишке нужна твоя голова, пусть придет и возьмет ее сам», – говорили они. «В неприступном? – засмеялся на это лорд Робар. – Неприступным называли и Харренхолл. Нет уж, поеду к Джейехерису и дам ему

объяснения. Черное надеть я успею всегда, в этом он мне не откажет». Наутро он выехал в Королевскую Гавань всего с шестью рыцарями, которых знал с детства.

Король принял его на Железном Троне, с короной на голове. Тут же присутствовали члены совета, а по бокам от трона стояли сир Джоффри Доггет и сир Лоренс Рокстон в белых плащах и белой броне; больше никого в тронном зале не было, и шаги лорда Робара порождали гулкое эхо. «Король хорошо знал, как горд его милость Баратеон, – пишет Бенифер, – и не стал созывать весь двор, щадя его самолюбие».

Сам гордец себя не щадил: он преклонил колено, понурил голову и сложил свой меч к подножию трона.

«Я пришел на зов вашего величества. Поступайте со мной, как вам будет угодно, молю лишь о милости для братьев своих. Все, что я делал, было сделано...»

«...для блага государства, как вы его понимали, – прервал его Джейхерис. – Я знаю, что вы делали, и что говорили, и какие строили планы. Верю, что моей особе и моей королеве вы не желали зла. Мейстер из меня вышел бы отменный, в этом вы правы, но король, надеюсь, выйдет и того лучше. Люди говорят, что мы с вами теперь враги, но я бы назвал нас друзьями, которым случилось поссориться. Когда моя мать пришла к вам просить убежища, вы приняли нас, рискнув очень многим. Вы могли бы заковать меня в цепи и выдать моему дяде, но вы вручили мне свой меч и созвали свои знамена. Я этого не забыл».

«Слова – это ветер, – продолжал король. – Вы говорили об измене, дорогой друг, но не совершили ее. Вы хотели расторгнуть мой брак, но не сумели этого сделать. Вы хотели посадить на трон Эйерею, но сейчас на нем сижу я. Вы послали своего брата за Рейеллой – хотели, должно быть, на воспитание ее взять, ведь своих детей у вас нет. За неразумные слова, в отличие от изменнических дел, не наказывают. Если вы в самом деле хотите ехать на Стену, не стану задерживать: Дозор нуждается в сильных людях, но гораздо охотнее я бы оставил вас здесь. Все знают, что без вас я не взойшел бы на этот трон. Вы и теперь мне нужны – мне и Вестеросу. Когда великий Дракон умер и корону возложил на себя мой отец, его со всех сторон окружили самозванные короли и мятежные лорды. То же может случиться и со мной: враги захотят испытать мою силу, мою волю, мою решимость. Моя мать полагает, что все верующие восстанут против меня, когда станет известно о моем браке. Мне нужны верные люди, *воины*, готовые сразиться и умереть за меня и за мою королеву. Согласны ли вы стать таким человеком?»

Лорд Робар, как громом пораженный, поднял глаза и вымолвил:

«Да, государь».

«В таком случае я прощаю вам все провинности, но взамен поставлю пару условий. Прежде всего, вы не скажете больше ни слова против моей королевы. С этого дня вы станете

самым ярым ее защитником и никому другому не позволите говорить о ней дурно. Далее, я не потерплю никакого неуважения к моей матери. Она вернется в Штормовой Предел вместе с вами; вы вновь станете ее мужем и будете вести себя с нею учтиво и обходительно. Согласны ли вы на это?»

«От всего сердца. Могу ли я спросить, как поступят с Оррином?»

Король, помолчав, ответил: «Я прикажу лорду Хайтауэру освободить сира Оррина и всех, кто с ним был, но безнаказанными их не могу оставить. Чтобы не отправлять их на Стену пожизненно, я назначаю им изгнание сроком на десять лет. В их воле продать свои мечи на Спорных Землях или попытать торговой удачи в Кварте; если через десять лет они будут живы и новых преступлений не совершат, то смогут вернуться. Теперь мы обо всем договорились, милорд?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.